

ПЕСНЬ ОБ АЛЬБИГОЙСКОМ КРЕСТОВОМ ПОХОДЕ

Гильем
Тудельский

ПЕСНЬ
ОБ АЛЬБИГОЙСКОМ
КРЕСТОВОМ
ПОХОДЕ

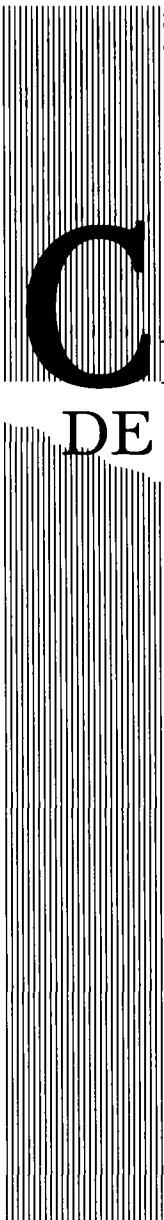

Programme

The logo for the Pouchkine program, featuring the name 'Pouchkine' in a stylized, cursive script. The letters are white and set against a dark, rectangular background.

Издание осуществлено в рамках программы «Пушкин»
при поддержке Министерства Иностранных Дел
Франции и Посольства Франции в России

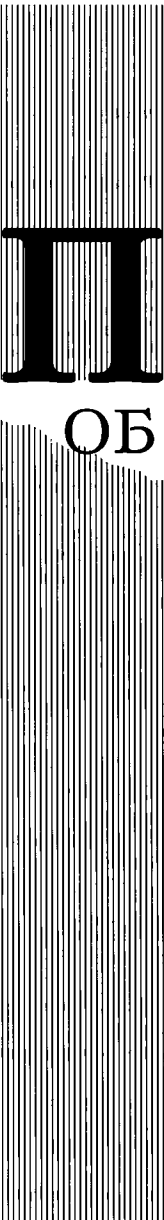
Ouvrage réalisé dans le cadre du programme d'aide
à la publication Pouchkine avec le soutien du Ministère
des Affaires Etrangères français et de l'Ambassade de France
en Russie

GUILLAUME
TUDEL

LA **C**HANSON
DE LA CROISADE
ALBIGEOISE

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО «КВАДРИГА»
2010

ГИЛЬЕМ
ТУДЕЛЬСКИЙ

ПЕСНЬ
ОБ АЛЬБИГОЙСКОМ
КРЕСТОВОМ
ПОХОДЕ

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО «КВАДРИГА»
2010

УДК 82'04
ББК 84(0)4-5
Г47

Научный редактор О. С. Воскобойников

Гильем Тудельский

Г47 Песнь об Альбигойском крестовом походе / Гильем Тудельский. – М.: Квадрига, 2010. – 320 с.

ISBN 978-5-91791-036-9

«Песнь...» – стихотворная историческая хроника, посвященная крестовому походу 1209 года против провансальских еретиков-альбигойцев. Издание содержит перевод первой части, написанной Гильемом Тудельским на провансальском (окситанском) языке параллельно событиям и доведено до середины 1213 года.

Развитие событий описано едва ли не по дням и часам. Особенно ценна хроника тем, что автор общался с непосредственными участниками похода, указывая информаторов.

Светлана Лихачева, подготовившая с коллегами стихотворный русский перевод, поставила перед собой цель точно воспроизвести размер и систему рифмовки оригинала со всеми ее особенностями, а также соблюсти эквилинеарность. Сделана попытка выдержать стиль автора и не приукрасить оригинал. Чтобы передать национальный и исторический колорит, переводчики в большинстве случаев отдают предпочтение окситанским вариантам имен и географических названий.

Издание снабжено обширным комментарием.

УДК 82'04
ББК 84(0)4-5

- © Перевод: лэссы 1–87 С. Б. Лихачева в соавторстве с А. Дубининым.
- © Перевод: лэссы 88–131 С. Б. Лихачева в соавторстве с М. М. Виноградовой
- © Комментарии: С. Б. Лихачева, при содействии Е. В. Денисовой
- © Предисловие: «Исторический экскурс». С. Б. Лихачева при содействии Н. В. Дульневой
- © Предисловие: «Две Церкви, или катаризм в Окситании». Н. В. Дульнева
- © Предисловие: «Об авторе и его хронике». С. Б. Лихачева
- © Издательство «Квадрига», оформление, 2010
- © Никулин А. Ю., дизайн переплета, 2010
- © Кузькин А. и Шакиров Н., дизайн макета, 2010
- © Гиренко А. И., подготовка иллюстраций, 2010

ISBN 978-5-91791-036-9

От составителя

Перевод выполнен по изданию:

La Chanson de la Croisade Albigeoise. Tome I / Éd., trad. E. Martin-Chabot. P., Les Belles Lettres, 1976.

Перевод: лэссы 1–87 С. Б. Лихачева в соавторстве с А. Дубининым.

Перевод: лэссы 88–131 С. Б. Лихачева в соавторстве с М. М. Виноградовой.

Составитель выражает особую благодарность своему соавтору М. Виноградовой, без которой проект, «застрявший» на полпути, возможно, не был бы продолжен; А. Белкиной за предоставление необходимых редких изданий и неоценимую помощь в редакции предисловий; Н. Дульневой, Е. Денисовой, Б. Романову за ценные консультации и неизменное терпение и поддержку.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЭКСКУРС

С. Лихачева при содействии Н. Дульневой

2009 год – год в своем роде юбилейный. Восемьсот лет назад начался крестовый поход в «землю ересей» – в южные области нынешней Франции, в современной историографии называемые собирательным словом «Окситания». Участие в нем приравнивалось ни много ни мало как к крестовому походу в Святую землю. «Пусть архиепископы и епископы твердо пообещают отпущение грехов именем Господа и Его наместника тем, которые, воспламененные истинной верой, готовы отмстить за праведную кровь <...>, мужественно препоясавшись против зачумленных гонителей мира и правды...»¹ – гласила булла Иннокентия III от 6 марта 1208 года. Этот единственный в своем роде официально провозглашенный² крестовый поход христиан против христиан, развязанный Иннокентием III против законных правителей южных земель, продолжался десять лет, с 1209 по 1219 год. Непосредственными «мишенями» стали сперва – земли Тренкавелей, виконтов Альби, Безье и Каркассона, а

¹ Цит. по: *Petri Vallium Sarnaii Monachi. Hystoria albigensis. Vol. I / Ed. P. Guébin, E. Lyon. P.: Champion, 1926–1939, 1951. P. 60.*

² Здесь уместно вспомнить также завоевание и разграбление Константинополя во время Четвертого крестового похода (1202–1204), изначально планировавшегося в Святую землю.

после – графство Тулузское. За «крестовым походом баронов», откликнувшихся на призыв Папы, последовал «королевский крестовый поход» (1226–1229), когда новую армию крестоносцев возглавил лично Людовик VIII. Королевский поход официально закончился заключением Мосского/Парижского договора, однако военные действия в Окситании продолжались еще многие годы.

Эта война положила начало последовательности событий, в конце концов приведших к присоединению Лангедока к короне Капетингов; таким образом, Юг оказался в составе современной Франции, и дорогой ценой: в результате была уничтожена уникальная окситанская культура, оказавшая беспримерное влияние на развитие средневековой Европы. Здесь, в Окситании, возникла цивилизация, во многом опередившая другие европейские страны и содержащая в себе ростки современного менталитета. Здесь наблюдался бурный подъем городской жизни, связанный с появлением и экономической экспансией нового класса бюргеров и торговцев. Оживленный торговый обмен способствовал началу развития денежной экономики. Растущие и структурирующиеся города приобретали свободы, льготы и консульское управление в ущерб старым феодальным сеньориям: в этом смысле Тулузу, Каркассон, Лиму, Памье, Безье можно сравнить со свободными итальянскими городами Ломбардии и Тосканы.

Именно здесь, в рамках окситанской культуры, на рубеже XI–XII веков возникает великолепная лирическая поэзия – поэзия трубадуров. Впервые в европейской лирике столь высокой степени совершенства достигает не латынь, а народный язык. Так, Данте в трактате «О народном красноречии», рассуждая о трех романских наречиях (они определялись по звучанию слова «да» – «oc», «si» и «oil»), отсюда «Лангедок» – стра-

на языка «ок»), говорит: «...А другой язык, то есть «ок», доказывает в свою пользу, что мастера народного красноречия впервые стали сочинять стихи на нем, как на языке более совершенном и сладостном»³. Поэтическая традиция трубадуров, по всей видимости, зародилась в Гаскони и в западной Аквитании (Пуату и Сентонж). Первый известный нам трубадур – это герцог Гильем IX Аквитанский (1071–1127); однако считается, что его наследие представляет собой не столько точку отсчета, сколько этап развития уже существующей традиции. Далее поэзия трубадуров утверждается в восточной Аквитании (Лимузен и Овернь) и в Провансе, на рубеже XI–XII веков расцветает в Руэрге, Тулузе, Керси, с началом XIII века распространяется в Италии и через Каталонию проникает в Испанию (т. н. *rayonnement des troubadours* – распространение влияния трубадуров по всей Европе). Поэзия окситанских трубадуров с ее виртуозной усложненностью метрики и строфики непосредственно повлияла на становление итальянской лирики и на взгляды Данте (Данте, как известно, изначально собирался писать «Божественную комедию» на языке «ок»). Под воздействием лирики трубадуров сформировалась французская, испанская, португальская поэзия, немецкий миннезанг; она косвенно повлияла на литературы Европы через творчество Петрарки и петраркистов. Американский поэт У. Х. Оден связывает «одно из наиболее революционных изменений во вкусах и стиле», к которым восходит современная поэтика, «с возникновением в XII в. у трубадуров понятия *amor*»⁴. Эта новая поэзия стала ответом на моральные и эстетические запросы феодальной аристократии, которая опередила

³ Пер. Ф. А. Петровского.

⁴ Цит. по: Мейлах М. Язык трубадуров. М., 1975. С. 5.

в своем развитии высшие слои общества всей Европы: *Fin'Amor*, основное содержание поэзии трубадуров, реализуется в бесконечном совершенствовании куртуазной личности, восхождении ее на новую ступень морального, социального и эмоционального бытия. Ключевые понятия в поэзии трубадуров отражают основные составляющие мировоззрения, сложившегося на Юге и на много веков опередившего свое время: *Paratge* (равенство), *Pretz* (достоинство), *Libertat* (свобода), *Leialtat* (верность), *Fin'Amor* (любовь), *Mesura* (умеренность), *Onor* (честь), *Jòi* (радость в высшем своем проявлении).

В начале XIII века «страна языка «ок»» в политическом смысле напоминала лоскутное одеяло – из-за множественности владений, принадлежащих разным сюзеренам, и крайне прихотливого переплетения вассальных связей; к тому же запутанная феодальная география региона постоянно менялась.

Самым влиятельным представителем южной аристократии на момент начала крестового похода был, несомненно, Раймон VI граф Тулузский – глава древней и знатной Сен-Жильской династии. Один из его предков, граф Раймон IV Тулузский, влиятельный участник Первого крестового похода, через брак присоединил к своим владениям маркизат Прованс. Внук Раймона IV и отец Раймона VI, Раймон V (1134–1194, граф Тулузский с 1148 г.), женившись на Констанции, сестре короля Людовика VII Французского, породнился с французской короной. Четвертая жена Раймона VI, Иоанна, сестра короля Ричарда I Английского, принесла мужу в приданое Ажене (1196), область к северо-западу от Тулузы, собственность английских королей. Брак Раймона VI с Элеонорой, сестрой короля Педро II, упрочил союз с Арагоном. На протяжении нескольких поколений династические союзы постоянно менялись, однако семья

графов Тулузских оставалась одним из могущественнейших родов в западном христианском мире. Земли графов Тулузских едва ли не равнялись владениям французской короны, и, хотя правители Тулузы номинально считались вассалами нескольких государей – королей Франции, Англии и т.д., на деле они пользовались гораздо большей автономией, нежели, например, граф Шампанский или герцоги Бургундские. Французские короли, не отказываясь формально от своих прав на южные земли, не вмешивались в дела графов Тулузских. То же самое можно сказать и об английской короне: сюзеренитет английского короля над переданными графам Тулузским доменами был еще более номинальным в силу удаленности этих земель от Англии. Маркизат Прованс граф Тулузский держал как вассал императора Священной Римской империи. Таким образом, владения графов Тулузских представляли собой разрозненную коллекцию фьефов с центром в Тулузе: от Ажене на западе до маркизата Прованс на востоке, от Кастельнодари на юге до реки Дордонь на севере.

Территории эти не представляли собой однородного единства, – что для Европы того времени было нормой. Тут и там находились области, принадлежащие другим правителям и их вассалам. Самым значительным массивом земель владела семья Тренкавель: это были виконтства Каркассонское и Безьерское, а также Разес и юг Альбижуа. Тренкавели являлись вассалами как графа Тулузского, так и короля Арагона. Кроме того, на начало XIII века король Педро Арагонский владел в «стране языка «ок»» виконтствами Карлат и Мийо, Монпелье и графством Прованс к востоку от Роны, а также Руссильоном и Серданьей – областями Каталонии к северу от Пиренеев. Он же являлся сюзереном виконтства Беарн, графств Фуа, Комменж и Кузран.

Значительное количество правителей само по себе оставалось залогом самостоятельности политико-культурного развития южных земель; с другой стороны, политическая раздробленность препятствовала консолидации сил. Формальные феодальные связи здесь были гораздо слабее, нежели в северной Франции. Окситанский феодализм имел свою специфику: он был менее иерархизирован, и графы имели меньше власти, чем, например, во Фландрии. Огромные окситанские семейные кланы сохраняли за собой широкую автономию религиозного и культурного выбора, что было невозможным в централизованной феодальной системе Бургундии и Шампани. Графская власть не имела ни прав, ни возможностей навязывать своим вассалам какие-либо нормы; в сложившемся на Юге обществе это не входило в обычный способ управления. Мелкопоместное дворянство во взаимоотношениях со своими номинальными сеньорами, графами Тулузскими или виконтами Безьерскими и Каркассонскими, пользовалось значительной независимостью. (Так, воинственный Раймон Термский, владелец замка Терм близ тогдашней границы с Арагоном, по слухам, говорил о себе так: «Народы боятся виконта безьерского, графа тулузского и короля арагонского, а король арагонский с графом тулузским и виконтом безьерским боятся господина Терма».⁵) Кроме того, эгалитарность средиземноморского феодального общества представляется нам выходящей за рамки социальной схемы «классического феодализма». Разграничение на три четко иерархизированных и строго разделенных сословия – работающих, молящихся и воющих (мона-

⁵ Осокин Н. История альбигойцев и их времени. М.: АСТ, 2000. С. 270. Текст воспроизведен по изданию: Осокин Н. А. История альбигойцев и их времени. Казань, 1869–1872.

хам следует жить в монастыре, воинам – в замке на скале, а работникам – в хижине или в городском доме в низине) – здесь не было столь жестким. На территории от Италии до Гаскони между XI и XIV веками существовала уникальная система поселений, где за одними и теми же стенами жили знать, ремесленники и крестьяне (для ее описания французский историк А. Бренон использует термин *incastellamento*)⁶. Такие поселения возникали на скалах или вершинах холмов в виде укрепленных деревень-бургад (окс. *borgada*, фр. *bourgade*), в центре которых находилась церковь (экклезиальная бургада) или замковая башня (кастральная бургада). Знатные кланы совладельцев при этом делили свою власть еще и с городскими консулами и сами жили по соседству с ремесленниками, лавочниками и богатыми крестьянами.

Принятые на Юге законы наследования сами по себе способствовали раздробленности. Раздел наследства практиковался повсеместно, особенно у мелкопоместного дворянства. Здесь, согласно обычаям еще римского происхождения, совместно правили совладельцы и даже совладелицы, так как сеньориальное владение делилось между братьями, кузенами и более дальними родственниками; принцип майората (т. е. права, по которому за старшим сыном закрепляется все наследство) не практиковался. Это еще больше ослабляло феодальные связи между сюзереном и его вассалами: один и тот же укрепленный замок мог принадлежать нескольким совладельцам, а один и тот же сеньор мог быть совладельцем нескольких замков, в результате оказываясь в вассальной зависимости от нескольких сюзеренов. Так, в Мирпуа в период с 1063 по 1223 год насчитывалось 80 совладельцев. Показательным

⁶ Подробнее см.: Brenon A. Les femmes cathares. P., 2004. P. 117 ff.

примером может послужить юридический статус семейства Перейль: эти сеньоры являлись совладельцами замка Ларок д'Ольм (принося вассальную клятву виконту Каркассонскому), владели замком Перейль (как прямые вассалы графа де Фуа, а через него – вассалы графа Тулузского); и непосредственно от Тулузы держали Нальзен и Рокфиксад в области Ольм.

Властью обладала не только аристократия; даже при наличии номинального сюзерена многие южные города жили по принципу самоуправления. Города управлялись консулами; консулы или капитулы избирались из буржуа и городской знати, причем и те и другие были уравниены в правах – так *Paratge*, «равенство», одна из ключевых составляющих окситанской культуры и одно из ключевых понятий поэзии трубадуров, легло в основу повседневной жизни. Горожане обладали огромными привилегиями: они имели статус свободных граждан, подлежали суду только городского трибунала, были избавлены от ряда налогов и повинностей, пользовались свободой завещания и наследования. Так, в городской хартии Безье от 1194 года, в статье 10 говорится: «Всякий иногородний человек, который поклянется, что будет жить в Безье в течение года, будет освобожден от поборов и податей и пусть свободно живет, как другие жители города». И далее, в статье 14, уточняется: «Человек, который прибудет, чтобы поселиться в городе Безье, да будет свободен и неприкосновенен как от виконта, так и от любого другого господина в отношении всех сервитуд (*«ab omni servitute»*), как и другие жители города, и пусть свободно занимается своим делом»⁷.

⁷ Цит. по: Карпачева-Беляева М. Е. Освободительное движение в средневековом городе Безье (начальный этап) // Средневековый город: Межвуз. науч. сб. Вып. 14.

Сапатов, 2001. С. 62–74. См.: Sabatier E. Histoire de la ville et des évêques de Béziers. Béziers, 1854. P. 215 ff.

В городах процветали ремесла, искусства, науки. Постоянное общение с мусульманским миром существенно расширяло границы познания: укреплялись как торговые, так и научные связи – с академическими центрами философии, науки, богословия в Гранаде и Кордове. В Лангедоке, значительно опережая эпоху, в повседневной жизни господствовал принцип *Convivència* (сосуществования), подразумевающий мирную совместную жизнь и терпимость, равные права без расовых и религиозных ограничений. Представители иных религий не воспринимались как враги. Большим почетом пользовались арабские и еврейские врачи и другие ученые. Евреи – а в крупных торговых городах, как повсюду в Европе, их жило немало – не исключались из общественной жизни: они входили в состав консулатов и магистратов крупных городов, а также в личную свиту знатных сеньоров (так, секретарем и байлем при виконте Безьерском в 1203–1204 годах числился еврей Самуил). Такое положение дел шло вразрез с официальными постановлениями Церкви: евреям запрещалось управлять христианами, но на просвещенном Юге национальные и религиозные меньшинства пользовались свободой большей, нежели где-либо. В медицинской школе в Монпелье в XII столетии преподавали арабские и еврейские профессора, последователи Авиценны; по всем крупным торговым городам Лангедока имелись еврейские коллегии. «Их врачи и учителя пользовались большим почтением, у них были свои школы, где занятия велись бесплатно, иногда в форме публичных лекций, и многие горожане не считали для себя зазорным их посещать. Нам известны имена доктора Авраама из Бокера, мудреца Симеона и раввина Иакова из Сен-Жиля. Иудаистские и мусульманские апокрифы имели хождение среди духовенства

и населения»⁸, – пишет З. Ольденбург, давая широкую панораму повседневной жизни окситанских городов. В таком обществе – просвещенном, веротерпимом, не привыкшем к диктату свыше и ревностно оберегающем свои свободы – правители не смогли бы насильственно подавить «ересь», даже если бы и захотели, не подрывая тем самым собственных позиций.

Между тем в конце XII века положение западного христианского мира было крайне нестабильным. Последняя треть XII века ознаменовалась затяжным конфликтом между императором Фридрихом I Барбароссой и Святым престолом. В 1187 году Иерусалим был захвачен Салах ад-Дином (Саладином): Священный град оказался в руках мусульман, а королевство Иерусалимское практически погибло. Третий крестовый поход (1189–1192) с участием четырех самых могущественных европейских монархов, предпринятый как попытка вернуть Иерусалим, закончился крайне неудачно для его предводителей. Даже в Испании христиане потерпели поражение: в 1195 году в битве при Аларкосе войска Альмохадов одержали победу над кастильцами и арагонцами короля Альфонса VIII и оттеснили их на север. Годы 1194–1198 ознаменованы наводнениями, голодом и эпидемиями⁹.

В такой невыигрышной ситуации в 1198 году на папский престол вззошел Иннокентий III. В миру – Лотарио Конти, граф Сеньи, представитель одного из знатных итальянских семейств, он изучал теологию в Парижском университете, каноническое право – в Болонье; в 27 лет стал кардиналом. Не прошло и нескольких часов с момента смерти престарелого Целестина III, как кардиналы единодушно проголосовали за избрание преемника,

⁸ Ольденбург З. Костер Монсегюра. История альбигойских крестовых походов. СПб., 2001. С. 27.

⁹ Labal P. L'Église de Rome face au catharisme // Les cathares en Occitanie. P., 1982. P. 22.

несмотря на его молодость (ему исполнилось 37 лет). Решительный политик, один из лучших юристов своего времени, деятельный Иннокентий III взошел на престол с твердым намерением возвысить до предела значение Церкви и ее главы – Римской курии. Вся его последующая деятельность, и в первую очередь международная политика, была направлена на осуществление обширных теократических планов. Новый глава христианского мира бросил вызов внешней опасности, сарацинам: уже в год своего избрания он провозгласил Четвертый крестовый поход, задавшись целью отбить Иерусалим и христианизировать территории Запада, еще находящиеся в руках у неверных, как это было на Пиренейском полуострове. В качестве опасности внутренней Церковь рассматривала трех врагов: наемников-рутьеров (лат. *ruptarii*, фр. *routiers*), ростовщиков-евреев и еретиков. Эти три опасности, равно как и призывы к борьбе с ними, будут снова и снова озвучиваться в постановлениях соборов – III Латеранского 1179 года, Монпельерского 1195 года и далее; попустительством первым, вторым и третьим будет то и дело вменяться в вину южным правителям. Римская Церковь последовательно стремилась очистить западный мир от всех неортодоксальных религиозных движений – и в теократических планах Иннокентия III борьба с ересями сыграла ключевую роль.

Эти теократические планы имели свою предысторию. Еще во второй половине XI века папство предприняло григорианскую реформу (по имени Папы Григория VII), чтобы освободиться из-под опеки германских императоров, попытаться вернуться к идеалам и ценностям ранней Церкви и навести порядок в священническом и монашеском чине. В это время в идеологии реформаторской Церкви усилились тенденции, которые Жорж Дюби образно назвал «манихейскими». Возникла

теория, оправдывающая и даже обязывающая христианское рыцарство применять силу против врагов Бога и веры, поскольку после проповедей святого Бернара Клервоского стало считаться, что при этом не совершается никакого греха. Под конец столетия появляется новый образ врага – мусульманин в Испании или в Святой земле: этих врагов можно и нужно было убивать, и евангельские заповеди при этом якобы не нарушались. Под крики «Сие угодно Богу!» стала активно пропагандироваться священная война – «крестовый поход». Западному христианству военизированная григорианская идеология предложила учение о двух Церквях: истинной Церкви трона святого Петра – Церкви католической и Римской – и лживой, вероломной Церкви Антихриста и врага, состоящей из неверных и еретиков. Поскольку последняя действует по дьявольскому наущению, то уничтожить ее во имя Бога – деяние праведное и дозволенное законом. Эту же функцию впоследствии взяла на себя инквизиция.

Первый призыв «К оружию!» относительно еретиков прозвучал уже в 1198 году: в письме к архиепископу Ошскому от 1 апреля Иннокентий III пишет: «Мы надеемся, что, ревностью вашей и прочих епископов, будет остановлено распространение этой болезни, которая постепенно развивается в виде язвы, тем более опасной, что гибнет много сил и помрачаются умы верных. <...> В случае же, если ересь будет препятствовать вам, вы можете прибегать к строгим мерам и даже, но только если того потребует необходимость, можете обратиться при посредстве государей и народа к силе светского меча»¹⁰.

¹⁰ Осокин Н. А. С. 207. *Patrologiae cursus completus. Series Latina*. Ed. J. P. Migne. (Далее PL.) Vol. 214. Col. 81; Die Register Innocenz III. Vol. 1. Gratz. P. 134.

«Сила светского меча» уже фигурировала в постановлениях III Латеранского собора 1179 года: епископам и архиепископам разрешалось и вменялось в обязанность потребовать у светских властей осуществления принудительных мер в борьбе с еретиками и их защитниками (канон 27); но именно Иннокентий III взялся ревностно претворять постановление в жизнь. Три недели спустя после пресловутого письма Папа шлет циркуляр архиепископам Оша, Экса, Эмбруна, Арля, Вьена, Лиона, Нарбонны, Таррагоны, а также обращается к светским властям и населению, сообщая об отправке на Юг особой миссии – брата Ренье и брата Ги, призванных действовать от имени Папы – «ловить лис, опустошающих виноградник Господень»¹¹. В последующие годы Иннокентий III пытается достичь своей цели, отсылая все новых легатов в области, затронутые ересью, и снова и снова требуя содействия от светских властей и южного епископата. Проповедническую миссию бороться против ересей *in situ* Римская Церковь поручает сперва цистерцианскому ордену, а позже, уже в XIII веке, доминиканцам и францисканцам. В промежутке Папа обращается к французскому королю Филиппу-Августу и его сыну Людовику с призывами выступить с оружием против лангедокских сеньоров и помочь легатам истребить катаризм.

Планы Иннокентия III касательно южных областей были весьма обширны – в папской корреспонденции то и дело фигурирует термин *negotium pacis et fidei* («дело мира и веры»), означающий борьбу с ересью на Юге, сперва посредством проповеди, потом – посредством силы, в ходе Альбигойской войны (по контрасту с термином *terrae sancte negotium*, «дело Святой земли», для обозначения крестового похода в Палестину).

¹¹ PL. Vol. 214. Col. 94.

А непосредственными мишенями становятся южные правители, в первую очередь – Раймон VI граф Тулузский, в силу своей неспособности или нежелания сотрудничать с Церковью в деле искоренения ереси (что было настоятельно рекомендовано светским властям в 27-м каноне III Латеранского собора 1179 года и в булле *Ad Abolendam*, выпущенной Люцием III в 1184 году в Вероне; вменение этого содействия в обязанность было закреплено только IV Латеранским собором 1215 года). Ему же (равно как и другим южным сеньорам) ставились в вину содержание у себя на службе наемников-рутьеров, этих врагов мира и христианской веры, несправедливые налоги и поборы, неуважение к церковной юрисдикции и нарушение прав собственности Церкви, терпимость к ростовщикам и участие евреев в делах управления.

Забегая вперед, скажем, что уже сами обвинения, выдвигаемые против южных правителей, свидетельствуют о «двойных стандартах»: все то, в чем упрекали Раймона VI и его соотечественников, в сущности, было справедливо и в отношении участников Альбигойского крестового похода, призванных бороться с вышеописанным «злом». Южным сеньорам то и дело вменяли в вину попустительство ростовщичеству. Во времена нестабильности, эпидемий и беззакония денежные ссуды под проценты были практически неизбежны: в Лангедоке, так же как в Каталонии и Арагоне, еврейские и ломбардские купцы и банкиры давали деньги в рост. Эта практика стала настолько распространенной, что III Латеранский собор 1179 года запретил ростовщичество под угрозой отказа в причастии и христианском погребении. При этом в хрониках Альбигойской войны фигурирует некто Раймон де Сальваньак, каорский банкир, знаменитый кредитор крестоносцев: именно он ссудил немалые средства для организации похода. Как

явствует из писем Иннокентия III, Раймон де Сальваньак был персональным банкиром Симона де Монфора, предводителя крестоносного войска; в частности, ему, в счет погашения долга, по распоряжению Монфора досталась вся богатая добыча, захваченная в Лаворе: кони, доспехи, пшеница, вино, дорогие ткани.

«Граф всегда весьма жаловал наемников», – с негодованием порицает Раймона VI в своей хронике Петр де Во де Серне (§42). «Наемниками», или рутьерами (в хрониках и в папской переписке по отношению к ним применялся собирательный уничижительный термин *ruptarii*, «разрушители»), называли и небольшие, хорошо организованные профессиональные отряды вне вассальных связей, продающие свои услуги, и инженеров-специалистов по осадным машинам, и полуразбойничьи банды, разорявшие страну. Профессиональные наемники вербовались главным образом в северной Испании и в Нидерландах (поэтому их зачастую именовали просто «арагонцами», «фламандцами» или «брабантцами»), подчинялись своим собственным вождям и в XII–XIII веках повсеместно задействовались в Западной Европе: их услугами пользовались и французский король Филипп-Август, и король Иоанн Английский в ходе войн с Францией, а до него – брат Иоанна Ричард. Искоренение этого зла было одной из ключевых составляющих *negotium pacis et fidei*; Церковь с самого начала связывала воедино искоренение ереси и избавление от наемников. В постановлениях III Латеранского собора, в одном и том же каноне (27) произносится анафема против наемников заодно с еретиками. В списке обвинений, приведших к отлучению Раймона VI от Церкви в апреле 1207 года, фигурируют все те же «разбойники арагонские», состоящие у графа на службе; это же обвинение выдвигается против графа Тулузского на IV Латеранском соборе.

В «мандате», врученном легатом Милоном Раймону VI перед отпущением грехов в Валансе (1209), говорится: «Я велю тебе немедленно изгнать из своих земель и владений *Aragonenses* [арагонцев], *Ruptarios* [«разрушителей», т.е. наемников], *Cotarellos* [головорезов], *Bramenzones* [? брабантцев], *Blascones* [? бласконцев], *Mainadas* [вооруженные отряды] или под какими бы то ни было иными именами они ни фигурировали» (PL. Vol. 216. Col. 91). То же самое обвинение предъявляется и другим южным сеньорам, в частности Раймону-Рожеру Фуаскому. Воспользоваться услугами наемников в глазах Церкви означало совершить непростительное преступление.

Между тем, в то время как Церковь предает анафеме рутьеров и их покровителей, услугами наемников не брезгают сами крестоносцы, в том числе и граф Симон де Монфор. В своей хронике П. де Во де Серне тщательно избегает упоминаний этого факта, точно так же, как и легаты в своей корреспонденции; однако тому есть прямые свидетельства. В сентябре 1209 года, после отбытия основного корпуса крестоносцев, Монфор в письме к Папе жалуется на то, что войско его сильно поредело, и сообщает о непомерных расходах на наемную боевую силу: «...Мне приходится нанимать *soldarios*, которые остаются со мной за цену более высокую, нежели в любых других войнах. Мне с трудом удастся заручиться их услугами, если не заплатить двойную цену» (PL. Vol. 216. Col. 141–142). В данном случае вместо одиозного в глазах Церкви термина *ruptarii* используется слово *soldarii*, но суть его такова же. «Арагонские рыцари», сражающиеся на стороне крестоносцев под Фанжо (1209), – это все те же рутьеры: возглавляет их некто Пейре Арагонец, по определению Гильема Тудельского «un mainader ardi» («смелый предводитель банды наемников»), который на том «изрядно обогатился».

Продолжая претворять в жизнь «дело мира и веры», Иннокентий III назначает все новых легатов, призванных действовать от его имени. В 1203 году он отправляет в Тулузу двух легатов-цистерцианцев, Петра де Кастельно и Рауля де Фонфруад. В 1204 году полномочиями легата был наделен их третий собрат, Арнольд-Амальрик, аббат Сито. Отношения Раймона VI с папскими посланцами складывались крайне непросто: легаты настроили против себя как местные духовные, так и светские власти, вину же за происходящее возлагали в первую очередь на графа Тулузского, обвиняя его в нежелании содействовать их миссии, в попустительстве ереси в своих землях, в неспособности поддерживать христианский мир и защитить Церковь. В апреле 1207 года Раймон Тулузский был отлучен от Церкви Петром де Кастельно; 17 ноября того же года Иннокентий III вновь призвал к оружию не только французского короля Филиппа-Августа, но и знатных французских баронов: бургундского герцога, графов Невера, Дре и Бара и «всех графов, баронов и рыцарей, верных Христу, что проживают в королевстве Франции» – впервые обратившись к ним напрямую, не через короля. Долгожданным поводом к войне послужила гибель легата Петра де Кастельно: утром 14 января 1208 года, по пути из аббатства Сен-Жиль, легат был убит при переправе через реку Рону. Предполагалось, хотя так и не было доказано, что к убийству непосредственно причастен граф Тулузский; в любом случае преступление совершилось на его земле. Узнав о происшедшем, в марте 1208 года Иннокентий III снова провозгласил крестовый поход в землю ересей – и на этот раз призыв его был услышан.

Гибель Петра де Кастельно – один из ключевых эпизодов в истории Альбигойского крестового похода и вместе с тем один из самых «темных». Личность убийцы так

и не была установлена; равно как и личность «заказчика» преступления. Известно, что накануне в Сен-Жильском аббатстве легат крайне непочтительно разговаривал с Раймоном VI; Раймон VI, в свою очередь, в запале ссоры позволил себе угрожать папскому посланцу. В своем письме Папе легат Милон сообщает, что убийца якобы был в немилости у Раймона VI и рассчитывал вернуть себе благоволение графа, избавив его от ненавистного легата. Латинская конструкция в тексте письма не вполне понятна: Милон возлагает вину либо на брата знатного арльского сеньора Гильема Порселлета, либо на брата одного из его приближенных. В знаменитой папской булле от 10 марта 1208 года, основанной на письме Милона, христианскому миру сообщаются подробности убийства, а ответственность возлагается на некоего оставшегося безымянным слугу графа Тулузского, который действовал не иначе как по прямому приказу своего господина:

«...Когда же легаты прибыли в город [Тулузу], граф казался то кротким и искренним, обещая исполнить все благие наставления, ему данные, а то становился упрям и лжив в своем отказе им подчиниться. Засим легаты решили удалиться, граф же публично угрожал им смертью и клялся, что бдительно проследит за их отъездом, отбудут ли они по земле либо по воде, и, перейдя от слов к делу, подготовил засаду, отослав туда своих пособников. Его безумный гнев не могли утишить ни молитвы нашего возлюбленного сына аббата Сен-Жильского, ни увещевания консулов и горожан; так что последние сопроводили легата – вопреки пожеланиям графа и воистину к вящему его раздражению – под защитой вооруженного эскорта до берегов Роны. С наступлением ночи легаты остановились на отдых, не ведая, что тут же находятся прислужники графа, которые, как показало

дальнейшее, жаждут их крови. На следующий день спозаранку, отслужив по обычаю мессу, добродетельные рыцари Христа собирались уже переправиться через реку, когда один из пресловутых прислужников Сатаны, потрясая копьем, пронзил Петра со спины между ребер – Петр же, не ждавший подобного предательства, стоял твердо, словно опираясь на несокрушимый камень, камень же был Христос¹². Затем – праведник пред неправедным – Петр взглянул в лицо нападавшему и, подобно святому Стефану¹³ следуя примеру учителя своего Христа, сказал ему: «Да простит тебя Господь, как я прощаю»; и много раз повторил эти благочестивые и кроткие слова. Надежда на небесное блаженство позволила ему забыть боль нанесенной раны, и, хотя близился момент его благословенной смерти, он продолжал обсуждать со своими братьями, что надобно сделать, дабы подействовать делу мира и веры, пока наконец, после многих молитв, не упокоился блаженно в Господе»¹⁴.

Другой хронист, Гильем Пюилоранский, пусть и основываясь на хронике Петра де Во де Серне, берет тон куда менее категоричный: «Легат Петр де Кастельно отдал душу Богу, пронзенный мечом святотатцев. В этом деле подозрения не могли не коснуться графа Тулузского. Когда бы нашлись судьи, когда бы князья, что потворствуют таким делам, были низложены»¹⁵.

Умеренный характер носит версия Гильема Тудельского: описание непростых отношений между фанатичным легатом и Раймоном VI сводится к единственному упоминанию об отлучении; детали, способные скомп-

¹² 1 Кор 10:4.

¹³ Деян 7:59–60.

¹⁴ Цит. по: *Petri Vallium Sarnaii Monachi. Hystoria albigensis*. Vol. I. P. 54–55.

¹⁵ *Guillaume de Puylaurens. Chronica Magistri Guillelmi De Podio Laurentii* / Ed., trad. J. Duvernoy. P., 1996. P. 58.

рометировать Раймона VI, – ссора в Сен-Жиле, угрозы графа, – опущены, равно как и принадлежность убийцы к графской свите. Создается впечатление, что он действовал по собственной инициативе, на свой страх и риск. Зато добавлены новые детали касательно личности убийцы: в частности, его проживание в Бокере (лэсса 4).

Спустя два столетия, в анонимной прозаической хронике, основанной на повествовании Гильема, появляется совсем иная версия:

«Когда легат [т.е. Арнольд-Амальрик] жил несколько дней в Сен-Жиле, Петру де Кастельно довелось жарко поспорить по поводу ереси с одним дворянином из свиты Раймона. Их спор дошел до того, что дворянин поразил кинжалом Петра де Кастельно и тем убил и умертвил его. <...> Что же до дворянина, который совершил убийство, то, как рассказывает история, он бежал в Бокер к своим родным и друзьям, и если бы граф Раймон мог захватить его, то совершил бы над ним такой суд, от которого легат и все духовные лица были бы совершенно удовлетворены. Граф был так сильно опечален и удручен этим убийством, совершенным одним из его людей, как никто на свете не бывал так опечален подобным обстоятельством...»¹⁶

Ведущий специалист по истории Альбигойских войн М. Рокбер, анализируя имеющееся «досье обвинения» и соответствующие фрагменты хроник, неизбежно приходит к вопросу: кому было выгодно убийство папского легата? Самоочевидно, что не графу Тулузскому; в создавшихся обстоятельствах совершить подобное преступление означало неминуемо навлечь на свою голову чудовищные последствия. Раймон VI, зарекомендовавший себя превосходным политиком, способным к умелому лавированию, никак не похож на человека настолько

¹⁶ Histoire Anonyme de la guerre des albigeois.
Nîmes, 2001. P. 2–3.

наивного или безумного, чтобы из соображений личной неприязни поставить под удар себя и свои владения. По всей видимости, убийство было совершено спонтанно, тем, кто не был в состоянии провидеть последствия; граф повинен разве что в том, что ненароком заронил идею в чью-то горячую голову¹⁷. Гибель Петра де Кастельно обернулась в первую очередь на руку Арнольду-Амальрику: как показало дальнейшее, именно он был поставлен во главе похода и именно ему война принесла наибольшую выгоду – вскорости он стал архиепископом Нарбонны, а потом и герцогом Нарбоннским. Смерть Петра де Кастельно отнюдь не послужила непосредственной причиной войны, давным-давно задуманной и идеологически подготовленной; по выражению Рокбера, «оставалось лишь поджечь фитиль» – подкрепить впечатляющим мотивом призывы к оружию 1207 года.

Тело убитого Петра де Кастельно было погребено в Сен-Жильском аббатстве; спустя год останки перенесли в крипту и захоронили близ гробницы святого Эгидия, где они и находятся по сей день. Спустя приблизительно месяц известия о гибели легата достигли Рима; и знаменитое письмо от 10 марта возвестило христианскому миру о совершенном преступлении – письмо с очередным грозным призывом к войне:

«Грядите, воины Христовы! Грядите, отважные паладины христианского воинства! Да подвигнет вас стенание святой вселенской Церкви, благочестивый пыл да вдохновит вас к отмщению столь чудовищного преступления против Господа! <...> Во имя Господа любви и мира, порадейте всеми силами об умиротворении этих народов. Трудитесь над искоренением гнусной ереси теми способами, что подскажет Господь.

¹⁷ Roquebert M. *L'épopée cathare*. Vol. I. L'invasion 1198–1212. P., 2006. P. 311–315.

Разите приверженцев ереси отважнее, чем сарацин, ибо они – еще большее зло, – разите рукою крепкою и мышцею простертою¹⁸. Что до графа Тулузского, который, подобно тем, кто заключил союз со смертью¹⁹, о собственной смерти не задумывается, – если кара пробудит в нем понимание, если с лицом, исполненным бесчестия, станет он взыскивать имя Божье²⁰, продолжайте, умножая угрозы, притеснять его, к вящей радости своей и Церкви, а также и Господа. Изгоняйте его самого и его приверженцев из городов Господних и захватывайте их земли, где католики заступят место выдворенных еретиков и станут служить Господу в праведности и святости, согласно доктрине истинной веры, которой вы следуете»²¹.

В своем письме о необходимости крестового ополчения Иннокентий III обращался ко всему католическому миру, но главным образом к южному епископату и к королям Франции и Англии – дабы те заключили между собой перемирие и обратили оружие против земель, погрязших в ереси. Более того, Филиппу-Августу Папа снова написал напрямую.

В «деле мира и веры» Иннокентий III с самого начала делал ставку на поддержку французской короны. Еще 28 мая 1204 года он писал французскому королю Филиппу-Августу: «Конфискуй имущество графов, баронов и граждан, не желающих уничтожить ересь на своих землях. Пospеши присоединить всю эту землю к королевским владениям...»²² На это письмо король ответить не соизволил. Филипп-Август и опальный Раймон VI были двоюродными братьями: мать Раймона VI, Констанция Французская, приходилась сестрой Людовику VII, отцу

¹⁸ Пс 136:12.

¹⁹ Ис 28:15.

²⁰ Пс 82:17.

²¹ Цит. по: *Petri Vallium Sarnaii Monachi. Hystoria albigensis*. Vol. I. P. 63–65.

²² PL. Vol. 215. Col. 526–528.

Филиппа-Августа. Филипп-Август поддерживал с родственником вполне дружеские отношения. Новое папское послание с теми же требованиями пришло 16 января 1205 года; король опять не ответил ни словом. 17 ноября 1207 года, уже после отлучения Раймона VI от Церкви, Папа вновь написал французскому королю: «Пусть ужасы войны обрушатся на сторонников ереси и таким образом дадут им познать правду...» Король наконец откликнулся, но только чтобы написать, что он слишком занят войной с Англией и не собирается идти воевать в «альбигойскую землю».

После убийства Петра де Кастельно Иннокентий III, обратившись к клиру, знати и всем верующим со знаменитым торжественным призывом к войне, снова напрямую пишет французскому королю (дословно дублируя целые фрагменты из общего обращения): «Когда вы изгоните еретиков с земель графства Тулузского, поселите там католических жителей...» На сей раз король ответил – хотя и уклончиво: «Вы предлагаете земли графа Тулузского тем, кто захочет захватить их. А ведь мы узнали от людей выдающихся и ученых, что вы не имеете права по закону (*de jure*) так действовать...» Светская власть, в том числе королевская, всегда с подозрением относилась к вмешательству Церкви в проблемы феодального землевладения, даже если это, как в данном случае, формально было на пользу первой. Буллы от 10 марта приняли в расчет вышеупомянутое возражение: в них говорилось, что завоеватель, чтобы не ущемлять прав сюзерена, должен принести ему оммаж за захваченную землю в надлежащей форме. Но Филипп-Август ничего не хотел знать: с какой стати ему признавать вассалов, которых он не выбирал, и отвергать вассалов, которых он не лишал прав? Сам принцип крестового похода в «альбигойские земли» выглядел

в глазах французского короля недопустимым вмешательством Святого престола в феодальные права, и он не собирався создавать прецедента даже под предлогом борьбы против ереси. Только после года тяжелых переговоров, под сильным давлением французского клира и могущественных баронов Франции, Филипп-Август разрешил некоторым своим вассалам принять крест: так, первыми французскими баронами, получившими особое разрешение короля присоединиться к походу, стали Одон III, герцог Бургундский, и Эрве IV де Донзи, граф Неверский. Но сама возможность вмешательства в войну французской короны Филипп-Август резко отверг – и категорически заявил, что ни сам не станет участвовать в походе, ни своему сыну принцу Людовику не разрешит, невзирая на требования Папы²³.

К весне 1209 года все практические приготовления к походу были завершены; в частности, король Филипп-Август дал разрешение своим высокопоставленным вассалам принять участие в войне. На данном этапе в поход выступили крестоносцы главным образом из северной Франции, Бургундии и рейнских областей. В июне 1209 года армия собралась под общим командованием папского легата Арнольда-Амальрика, аббата Сито.

Еще в булле от 28 марта Иннокентий III официально назвал предводителей похода – Арнольда-Амальрика, Наварра и Юка, епископа Рiezского – и подтвердил их полномочия: все трое должны были всеми силами содействовать искоренению ереси, объявлять анафему, изгонять виновных из их владений и конфисковывать их земли. Также в папских буллах оговаривалось, что командование походом возлагается на Церковь – коман-

²³ Roquebert M. L'Épopée cathare. Vol. V. La fin des Amis de Dieu 1244–1321. P., 2007. P. 22–23.

дование не только духовное, но и военное. К тому времени проповедническая миссия против ереси была по большей части прекращена, за исключением деятельности святого Доминика на базе Фанжо и Пруйля, где зимой 1206/07 года им была основана обитель, и позже, около 1215 года, – на базе Тулузы.

Крестоносная армия собиралась под Лионом – дабы двинуться на юг вниз по долине реки Роны. Между тем Раймон VI – против которого и был организован крестовый поход, как явствует из материалов папской дипломатии, – был занят переговорами с Римским престолом. Граф просил легатов о заступничестве; в начале 1209 года он отправил в Рим посольство, в составе которого были высокопоставленные южные прелаты – архиепископ Ошский, Раймон Рабастен (бывший епископ Тулузский) и приор госпитальеров. В начале июня Раймон VI предстал в Валансе перед новым назначенным легатом, Милоном, нотариусом Иннокентия III, поклялся повиноваться всем повелениям Папы и его представителей, в залог исполнения всех обещаний передал легату семь замков по берегам Роны и 18 июня того же, 1209 года прошел обряд торжественного покаяния в Сен-Жильском аббатстве, где покоились останки убитого Петра де Кастельно²⁴. Основываясь на папской документации, М. Рокбер подробно описывает, как Раймон VI был подвергнут «публичному унижению перед Церковью, но также и перед своим народом»:

«Там были архиепископы Экса, Арля и Оша и девятнадцать епископов Прованса и Лангедока. Выстроившись в ряд пред изображениями детства и Страстей Иисуса, они держали реликварии у подножия огромного алтаря, на котором лежали Святые Дары. Граф приблизил-

²⁴ Петр де Кастельно входит в состав католических святых в ранге Блаженного; но настоящего процесса канонизации не было. См.:

Vaucher A. La sainteté en Occident aux derniers siècles du Moyen Age. R., 1988. P. 480–481.

ся – босой, обнаженный до пояса. Он принес клятву на Евангелии, на гостии и на святых мощах: “Клянусь повиноваться всем приказам Папы и вашим, магистр Милон, клянусь, что добросовестно исполню все, что мне повелят Папа или его легат...”» После того как Раймон Тулузский выслушал список из пятнадцати обвинений и получил от Милона подробные указания касательно того, как исправить ущерб, причиненный Церкви, шестнадцать вассалов графа в свою очередь принесли сходную клятву. «Затем легат укрыл графа своей епитрахилью и, взяв пучок розог, ввел его в церковь, бичуя его по пути. Такова была церемония отпущения»²⁵.

В результате Раймон VI был примирен с Церковью – на тяжелых и унижительных условиях, и обязался беспощадно бороться с ересью и еретиками, а также их защитниками и укрывателями – теми, на кого ему укажут легаты. А 22 июня граф Тулузский принял крест – присоединившись к походу, организованному в первую очередь против него и его владений. В создавшихся обстоятельствах это был блестящий политический ход: поход, объявленный против графа Тулузского и его доменов, к которому примкнул сам граф Тулузский, внезапно утратил цель. С момента присоединения Раймона VI к крестовому походу его земли с точки зрения канонического права оказались в неприкосновенности как имущество крестоносца.

Тем самым Раймон VI устранил непосредственную угрозу военного вторжения в свои владения и на время отвел опасность от Тулузы. Однако, принимая крест, Раймон VI никак не мог знать, что в этот самый момент война уже вспыхнула в каких-нибудь тридцати километ-

²⁵ *Roquebert M. L'épopée cathare. Vol. 1. L'invasion 1198–1212. P., 2006. P. 337–339.* Рокбер, в свою очередь, в описании обряда

основывается на документах, опубликованных в PL. Vol. 216. Col. 127–128.

рах от Тулузы. В то время как основная армия двигалась по долине Роны, в Керси и прилегающих областях формировался второй контингент крестоносцев. Именно эти войска, более чем за месяц до захвата Безье, начали боевые действия и ознакомили крестовый поход первыми кострами: они проследовали из Керси в Ажене, взяли Пюиларок, Гонто, Тоннейн, Кассеней, Вильмур. Об этой операции говорится только у Гильема Тудельского, и неудивительно: Керси и Ажене – это владения графа Тулузского, на которые также должна была распространяться неприкосновенность.

Присоединение Раймона VI к крестоносной армии поставило крестоносцев в крайне затруднительную ситуацию. Как явствует из знаменитой буллы от 10 марта 1208 года и других булл, изначально речь шла в первую очередь о вооруженном вторжении в земли Раймона VI Тулузского – но тот внезапно перестал быть мишенью. Тогда Арнольд-Амальрик и прочие вожди похода решили (при каких обстоятельствах – неизвестно) сменить направление удара и вместо Тулузы атаковать владения виконта Раймона-Рожера Тренкавеля. В июле 1209 года армия крестоносцев двинулась через Монпелье (письмом Папы от 1 марта было запрещено причинять какой-либо вред этому городу – в силу безупречной репутации его сеньоров и в силу его принадлежности Педро II Арагонскому) на Безье и Каркассон.

Примечательно, что прямых обвинений против Раймона-Рожера Тренкавеля лично не обнаруживается даже в тенденциозных католических источниках; прокатолический хронист Гильем Тудельский однозначно свидетельствует: «Он [виконт] был добрым католиком; за подтверждением я сошлюсь на ряд клириков и каноников, что жили в его монастырях» (лэсса 15). Даже известный своей нетерпимостью к южанам Петр де Во

де Серне не противоречит Гильему Тудельскому: он не называет виконта еретиком и обвиняет разве что в попустительстве ереси («он следовал дурному примеру своего дяди и ничего не делал, дабы обуздать еретиков», §88). Молодой виконт был женат на Агнессе де Монпелье, представительнице ортодоксального католического дома, и приходился свояком королю Педро II Арагонскому, чья ортодоксальность также не ставилась под сомнение; он щедро жертвовал на церкви и монастыри и никогда не обвинялся в преступлениях против церковной собственности. В пресловутой булле от 10 марта имя виконта, в отличие от графа Тулузского, не фигурирует; что характерно, в отличие от Раймона VI, его даже не призывали на суд и возможности опровергнуть какие бы то ни было обвинения ему не предоставили. Тем не менее Раймон-Рожер попытался оправдаться перед легатами (10 июля 1209 г.), для чего отправился в Монпелье навстречу армии. Но примирение его с Церковью по примеру Раймона VI легатам никоим образом не было на руку: если бы он тем самым обеспечил неприкосновенность четырех виконтств – Безье, Каркассона, Альби и Разеса, – на сей раз поход утратил бы всякий смысл. 21 июля, по дороге заняв Сервиан, армия подошла к стенам Безье, укрепленного города в самом центре владений Тренкавейлей, и встала лагерем на берегу реки Орб.

«Безье был весьма достопримечательный город, но насквозь отравленный ядом ереси. Жители его были не просто еретиками, но последними из ворюг, преступников, прелюбодеев и мошенников, средоточием всевозможных грехов...», – пишет Петр де Во де Серне (§84). Неудивительно: для католического хрониста сопротивление крестоносцам уже приравнялось к ереси. Между тем сохранился список безьерских еретиков – двести двадцать три человека, из которых

поименно названы двести десять: через католического епископа Безье, Регинальда де Монпейру, легат Арнольд-Амальрик ультимативно потребовал выдачи этих людей. Население города на тот момент оценивается приблизительно в 20 000 человек²⁶; таким образом, число «еретиков» составляет около одного процента. Значение этого процента, несомненно, меняется в зависимости от того, вошли ли в список только катарские священники или простые верующие; но в любом случае – статистика весьма наглядна. Выдать «еретиков» горожане отказались. М. Рокбер, рассуждая о том, почему двадцать тысяч жителей поставили город под угрозу, отказавшись выдать двести соотечественников, говорит не только о велениях чести. Безьерцы защищали больше чем жизнь: свои политические свободы – и то, что мы сегодня назвали бы свободой совести²⁷. Безье дорогой ценой отвоевал свои городские свободы и независимость: консулат в нем действовал еще с 1131 года. Власть в городе принадлежала виконту и епископу, но непосредственное управление осуществлялось избираемыми консулами; историки подчеркивают, что из всех окситанских городов-коммун именно в Безье все особенности городской цивилизации Окситании отразились наиболее ярко. Позиция, занятая безьерцами, несомненно, свидетельствует о немалом мужестве – но это и политический жест. Точно так же другие города сопротивлялись крестоносному воинству, помимо прочих причин, еще и из желания сохранить самоуправление. У Гильема Тудельского дословно говорится: «Мы ничего не уступим крестоносцам, пусть даже в цену денье, что могло бы повлечь какое-либо изменение в управлении сеньорией» (лэсса 17).

²⁶ Roquebert I. P. 352 ff.

²⁷ Roquebert I. P. 355.

К вечеру 22 июля город был взят. История взятия Безье – первого крупного города на пути крестоносного воинства – задает характер всего последующего развития событий. «Христово воинство» с благословения Святого престола захватило и разрушило христианский город, владельцу которого не предъявлялось никаких обвинений; в ходе разграбления Безье крестоносцы сожгли два католических храма – кафедральный собор Святого Назария (Сен-Назер) и церковь Святой Магдалины (Сент-Мадлен), и «перебили едва ли не всех жителей от мала до велика» (П. де Во де Серне, §90), в том числе семь тысяч укрывшихся в церкви Святой Магдалины – нарушив тем самым средневековое право убежища, установленное самой Церковью. Именно там, если верить словам немецкого монаха-цистерцианца Цезария Гейстербахского, легат Арнольд-Амальрик произнес знаменитую фразу: «Убивайте всех, Господь узнает своих» – что, при всей ее гипотетичности, могла бы послужить эпиграфом к истории Альбигойского крестового похода в целом. В знаменитой сирвенте трубадура Гильема Фигейры говорится: «Рим и Сито, дурную репутацию снискали вы себе, приказав учинить страшное побоище в Безье»²⁸.

Первый же мощный удар, нанесенный крестоносцами, явился индикатором сознательной политики запланированного террора – террора, всецело одобренного Церковью. Из речей епископа Регинальда, обращенных к горожанам Безье, недвусмысленно явствует, что истребление жителей города в случае отказа выдать «еретиков» не было случайностью: прелат уговаривает жителей

²⁸ В оригинале: «...Roma [del cervel] / Quar de mal capel / Etz vos e Cistel / Qu'a Bezers fesetz faire / Mout estranh mazel». Цит. по: *Martin de Riquer. Los trovadores: Historia literaria y textos*. Barcelona, 1975. P. 1278. На русском

языке сирвента опубликована в переводе В. Дынник (Поэзия трубадуров, вагантов, миннезингеров / Библиотека всемирной литературы. Т. 23. М., 1974. С. 133–139).

вступить в переговоры с крестоносцами, «чтобы не оказаться пронзенными остриями мечей» (лэсса 17). Еще нагляднее о целенаправленной политике устрашения, принятой крестоносцами, говорится в лэссе 21: если бы не ужасный пример Безье, уверяет автор, «Монреаль, и Фанжо, и остальные земли никогда не победить бы посредством силы» (лэсса 21). Впоследствии, на разных этапах похода, многие города разделили участь Безье, как, например, в июне 1219 года – Марманд; это произошло при вторжении французского принца Людовика, уже после гибели «волка-Монфора». Хроника католического автора Петра де Во де Серне изобилует пассажами, выдающими истинные намерения вождей похода (иногда даже против желания автора). Один из многих примеров: при осаде крепости Минерв Гильем Минервский вступил в переговоры с Монфором и обсуждал условия сдачи замка. «Услышав о том, аббат [Арнольд-Амальрик] был сильно обеспокоен, ибо желал гибели врагов Христовых, но, как монах и священник, не смел приговорить их к смерти. Потому задумался он, как бы вынудить либо графа, либо Гильема отказаться от соглашения, к которому они пришли». Аббат повелел обоим изложить условия соглашения в письменном виде, надеясь, что либо тот, либо другой сочтут их неприемлемыми. Но Гильем Минервский безоговорочно согласился на требования Монфора. Одно из условий договоренности гласило, что катарские священники останутся в живых, если согласятся перейти в католичество. «Там же присутствовал Робер Мовуазен, католик благородный и ревностный. Услышав о том, что происходит и что еретиков, возможно, пощадят, в то время как крестоносцы пришли только того ради, чтобы уничтожить их всех, он весьма обеспокоился – что, если страх заставит их пообещать выполнить любое условие нашей стороны? <...> Аббат

ответил: «Забудь о своих тревогах; я полагаю, очень немногие согласятся отречься»²⁹.

Последующие за началом похода события можно условно подразделить на несколько этапов. Этап первый – от начала крестового похода в июле 1209 года до середины 1211 года, когда крестоносцы захватили все владения Тренкавелей, невзирая на значительное сопротивление: эти эпизоды подробно изложены в хронике Гильема Тудельского. Спустя несколько недель после падения Безье, в июле 1209 года, был взят Каркассон. Согласно хронике П. де Во де Серне (§98), предводители крестоносцев обсуждали судьбу Каркассона на военном совете и приняли решение действовать следующим образом: если Каркассон возьмут штурмом, то город будет разрушен и разделит участь Безье. Если же, напротив, город сдастся, то виконт будет посажен в тюрьму, жители выпущены на свободу, а город перейдет в собственность нового виконта, которого назначат на место Тренкавеля³⁰. Согласно донесению папского легата, инициатива переговоров принадлежала самим осажденным, которые предлагали сдать город и все добро в нем, «лишь бы им сохранили жизнь и взялись бы их сопровождать по дороге изгнания на протяжении одного дня»³¹. Гильем Пюилоранский сообщает, что «виконт, охваченный ужасом, принял эти условия мира: жители выходят из города в камизах и брз; город будет передан крестоносцам, а сам он останется в заложниках до выполнения всех условий соглашения»³². Автор анонимной провансальской хроники описывает расстроенные чувства крестоносцев, вошедших в опустевший город: «После напрасных поис-

²⁹ *Petri Vallium Sarnaii Monachi. Hystoria albigensis*. Vol. I. P. 157–159.

³⁰ *Roquebert* I. P. 390.

³¹ *Ibid.* P. 391.

³² *Guillaume de Puylaurens*. P. 69; *Roquebert* I. P. 391.

ков их объяло горе, ибо они рассчитывали поступить с беглецами так, как они поступили с безьерцами»³³. Но вожди крестоносцев хорошо отдавали себе отчет, что в случае повторения истории с Безье может пострадать сам город и значительная часть добычи. К тому же у рыцарей заканчивался карантен (т.е. сорок дней – минимальный срок участия в крестовом походе, который давал крестоносцу право на все положенные по статусу привилегии и льготы), а это означало, что войско очень скоро поредеет. На тот момент им было важнее получить добро побежденных в целости и сохранности и закрепиться в завоеванной стране, нежели истребить «еретиков» и им сочувствующих.

Молодой виконт Раймон-Рожер отправился во французский стан для переговоров о мире и согласился стать заложником до окончательного выполнения условий капитуляции. Однако же, когда город перешел в руки крестоносцев, свободу виконту не вернули; пробыв в тюрьме около трех месяцев, Раймон-Рожер умер – от болезни, вызванной жесткими условиями заключения, или от яда. В любом случае речь идет о насильственной смерти: даже Иннокентий III в письме к Арнольду-Амальрику и прочим легатам говорит о погибшем виконте как о «*miserabiliter interfectus*»³⁴, «плачевным образом умерщвленном». На совете баронов владения и титулы Тренкавелей были предложены по очереди герцогу Бургундскому, графу Неверскому и графу де Сен-Поль. Все они отказались от этой сомнительной «честь»: по словам поэта, они утверждали, будто им довольно своих владений во Франции, чтобы посягать на чужую собственность. На тот момент был еще жив законный сеньор; кроме того, у Раймона-Рожера имелся сын и законный

³³ Histoire Anonyme. P. 18. Цит. по: Осокин. ³⁴ PL. Vol. 216. Col. 739. C. 245.

наследник, так что речь могла идти разве что о регентстве. Тогда кандидатом в сюзерены захваченных земель был назван Симон де Монфор. Согласившись «послужить делу Церкви», Симон де Монфор охотно принял все земли и титулы; с этого момента он фактически встал во главе крестового похода, наряду с Арнольдом-Амальриком.

За осень 1209 года Монфор прошел из конца в конец по завоеванным территориям, а также занял Памье, Саверден и Прейксан – владения графа Раймона-Рожера Фуаского. Множество городков или укрепленных деревень (*castra*) перешло в руки захватчиков, а их сеньоры стали файдитами – изгнанниками, объявленными вне закона и лишенными законной собственности, активными участниками южного сопротивления. Этот период М. Рокбер называет «войной замков». В июле 1210 года крестоносцы захватили Минерв, где состоялось массовое сожжение еретиков. После долгой и тяжелой осады в ноябре пала крепость Терм. Весной 1211 года сдался замок Кабарет. Завоевав три самые мощные крепости в бывших владениях Тренкавелей, Симон де Монфор оказался единовластным хозяином этих территорий.

Отсчет второго этапа начинается с того момента, когда Монфор впервые открыто атаковал владения Раймона VI: 6 февраля 1211 года граф Тулузский в очередной раз оказался под отлучением за невыполнение взятых на себя обязательств³⁵ – а значит, земли его были открыты для завоевания. Весной 1211 года был осажден и захвачен Лавор, город на границе виконтства Тренкавелей и Тулузского графства. В июне 1211 года Монфор воевал в северном Альбижуа; тогда же он начал первую осаду Тулузы – и, потерпев неудачу, занял Керси. Раймон VI и Раймон-Рожер Фуаский, объединив

³⁵ Roquebert I. P. 531 ff.

усилия, с переменным успехом давали крестоносцам отпор; так, в сентябре 1211 года им удалось осадить врага в Кастельнодари. Но перевес был по-прежнему на стороне крестоносцев: Монфор захватывал замок за замком во владениях графа Тулузского – Сент-Антонен, Муассак, Пенн д'Ажене, а также вторгся в Фуа, Комменж и Гасконь. К концу 1212 года практически все земли Раймона VI оказались в руках Монфора: в декабре Монфор созвал рыцарей в Памье, и на этом собрании были утверждены так называемые Памьерские статуты, призванные организовать управление завоеванными Монфором территориями. Оригиналы этих статут, скрепленные печатью Монфора, сохранились до наших дней. В статутах подтверждались свободы и привилегии Церкви и судебные иммунитеты клириков («Если кто арестует духовное лицо за преступление или по какой-либо иной причине, да передаст его без промедления епископу, архидиакону или их представителю, если только речь не идет о младшем чине клира. Любой, кто задержит клирика, подлежит отлучению, клирик же будет возвращен через вышестоящего сеньора», ст. VI). А также устанавливались жесткие меры по подавлению ереси, приводившие, в частности, к утверждению религиозной несвободы. («Если кто-либо на графской территории имел возможность захватить врагов веры или графа, но не сделал этого и может быть в том уличен, земли его будут отобраны и сам он окажется во власти и на милости графа. Та же кара распространяется на любого, кто знал о помянутых врагах, но не пожелал сообщить о том и преследовать их согласно закону здешней земли», ст. XXXVII. «Кто без ведома графа в будущем станет поставлять продовольствие или помогать людьми или иным добром Тулузе или другим врагам Господа или графа и будет в том уличен или сознается сам, он утра-

чивает навеки свое имение и прочее добро, в силу одной этой причины. Ежели сержант или бальи поступит так без ведома своего сеньора, он утратит все свое добро и сам окажется во власти и на милости графа. Люди и имущество, захваченные в подобных обстоятельствах, всецело и бесповоротно становятся собственностью того, кто их захватил», ст. XXXVI. «Прихожане обязаны ходить в церковь по воскресеньям и праздничным дням (когда все работы должны быть прекращены) и выслушивать мессу и проповедь от начала и до конца. Если же в оговоренные праздничные дни хозяин или хозяйка дома, находясь в городе, в церковь не пойдет (разве что им воспрепятствует недуг либо иная веская причина), пусть заплатят 6 денье турецкого чекана, причем половина этой суммы отходит правителю города, а вторая часть да будет поделена поровну между священником и Церковью», ст. IX. «Ни один верующий из числа еретиков, даже будучи примирен с Церковью, да не займет должности прево, или бальи, или судьи, или асессора; и да не выступит в суде свидетелем либо адвокатом; то же касается евреев, за исключением того, что еврей допускается свидетельствовать против другого еврея», ст. XIV. «Любому облаченному еретiku, даже примиренному с Церковью, запрещено жить в городе, где он занимался своей порочной деятельностью, но будет дозволено ему жить за пределами города, там, где укажет сеньор», ст. XV.) «Писаное право» (сборники римского права, по которым жили южные области) было заменено «обычным правом», действующим в Париже и в Ильде-Франсе в вопросах брака и наследования. В общем и целом новые правовые нормы носили дискриминационный, зачастую откровенно унижительный для южан характер. («Пусть с каждого жилого дома в покоренной земле взимается три мельгейских денье ежегодно в поль-

зу Папы и Римской Католической Церкви в знак вечного напоминания о том, что лишь с помощью Церкви в борьбе против еретиков эта земля была отвоевана и передана и навечно закреплена за графом и его наследниками», ст. VII. «Все жены предателей и врагов графа, даже будущи католичками, должны покинуть территории графа, дабы не давать повода к каким-либо подозрениям», ст. XLV. «Никакая знатная женщина, будь то вдова либо наследница, владелица замков или *castra*, не смеет выходить замуж за местного уроженца без разрешения на то графа в течение ближайших десяти лет», ст. XLVI»³⁶.)

В 1213 году в событиях на Юге активное участие принимает Педро Арагонский, родственник графа Тулузского (и граф Раймон VI, и его сын Раймон VII приходились ему зятьями). Теперь, когда положение дел в Испании не требовало его непосредственного вмешательства – христиане одержали победу в битве при Лас Навас де Толоса (16 июля 1212 года), – король поспешил на помощь оказавшейся в беде родне. На этом обрывается часть, написанная Гильемом Тудельским.

В битве при Мюре 12 сентября 1213 года южане, несмотря на численный перевес, были разгромлены; погиб король Педро II Арагонский – добрый католик, прямой вассал Папы, герой победоносной кампании против мусульман в Испании. Однако на этом сопротивление крестоносцам не закончилось: Симон де Монфор так и не смог занять Тулузу – ему не хватало войск для успешной осады. На протяжении последующих двух лет бои продолжались в Провансе, Керси, Ажене и Руэрге. Для урегулирования ситуации на Юге Иннокентий III

³⁶ Roquebert I. P. 690 ff; *Peter of les Vaux-de-Cernay. The History of the Albigensian Crusade* / Transl. W. A. and M. D. Sibly. Приложение Н. Woodbridge, 1998. P. 321 ff.

назначил нового легата, Петра Беневертского; он же должен был обеспечить возвращение в Испанию наследника Арагона, короля Хайме (находившегося на попечении Монфора). Несмотря ни на что, Монфор продолжал единовластно распоряжаться в южных землях. К 1215 году он фактически владел Тулузой и всеми территориями тулузских графов; узурпация Монфором земель и титулов Раймона VI была подтверждена и узаконена на IV Латеранском соборе в ноябре 1215 года.

Этот собор стал истинным триумфом Иннокентия; как писал в свое время Н. Осокин, «в какой бы конец Европы он [Иннокентий III] ни бросил взор, он видел осуществление своих замыслов»³⁷. Семьдесят соборных канонов охватывают все сферы жизни христианского мира и организацию Церкви как таковую. В первом каноне в очередной раз разъясняется догмат о пресуществлении (т.е. о реальном присутствии Тела и Крови Христовых в таинстве Евхаристии) – иначе говоря, сформулировано ортодоксальное исповедание католической веры, что в контексте борьбы с катаризмом обретает особую важность. В третьем каноне предписывается ряд карательных мер против еретиков: отлучению подлежат все те, кто верит еретическому учению, равно как и те, кто принимает еретиков у себя, защищает их и им покровительствует. Они утрачивают право избирать и быть избранными на официальные должности, право свидетельствовать в суде, лишаются завещательной правоспособности и права наследования. Если они из судей, то их приговоры не имеют силы, если из нотариусов – составленные ими документы объявляются недействительными, если из духовенства – то лишаются своего сана и своих бенефициев. Те, кто откажется избегать с ними общения, тоже подлежат отлучению; священники

³⁷ Осокин. С. 386.

ни в коем случае не должны их причащать, давать им церковное погребение или принимать от них подаяния и пожертвования; в противном случае такой священник лишается сана и может быть восстановлен в сане только по особому разрешению Святого престола. Вассалов тех светских правителей, что находятся под отлучением, Папа освобождает от вассальных обязанностей, а владения сеньора отдаст католикам, которые, по искоренении еретиков, смогут владеть этими землями беспрепятственно и блюсти в них чистоту веры.

Свое практическое выражение данный постулат находит в соборном решении, сформулированном в папской булле от 14 декабря 1215 года:

«Граф тулузский Раймон <...> в силу неопровержимых свидетельств с давних пор показавший себя неспособным управлять страной в интересах мира и веры, должен быть навсегда лишен своего права собственности, коим пользовался не иначе как во зло. Должно ему жить вне своей земли, в приличествующем ему месте, неся достойное покаяние по грехам своим <...>. Все же поместья, отнятые крестоносцами у еретиков, их верующих, их соумышленников и укрывателей, вместе с Монтобаном и Тулузой, городом, что наиболее запятнан ересью, должны быть переданы и предоставлены (за исключением того, что по праву принадлежит католикам обоого пола и церквям) графу Монфору, храброму мужу и доброму католику, более всех прочих содействовавшему успеху этого дела»³⁸. Следующей же весной, в апреле 1216 года, французский король Филипп-Август официально подтверждает узурпацию, вручив Монфору инвеституру и приняв у него формальную вассальную присягу.

³⁸ Цит. по: *Roquebert M. L'épopée cathare. Vol. II. Muret ou la dépossession 1213–1216. P., 2006. P. 376.*

Весьма показательно, что, едва IV Латеранский собор признал свершившийся факт и узаконил Монфора в правах, как вожди Альбигойского похода перессорились из-за добычи. По возвращении из Рима Арнольд-Амальрик, архиепископ Нарбонны, которую Монфор привык считать своим доменом, объявил себя герцогом Нарбоннским и единоличным правителем города. В яростном споре за герцогство каждый из претендентов сражался привычным ему оружием: Монфор взял город штурмом, папский легат Арнольд-Амальрик торжественно отлучил «воина Христова» от Церкви.

Третий этап крестового похода отсчитывается с начала 1216 года, вскоре после IV Латеранского собора. Южане упорно не желали смириться с поражением, а весть о передаче Папой земель графа Тулузского Монфору и французам всколыхнула новую волну сопротивления. Южные силы под предводительством Раймона VI и его сына, Раймона-младшего (будущего Раймона VII), начали освободительную войну против узурпаторов. Прованс восстал; города-коммуны, никогда не принадлежавшие тулузской династии, – Марсель, Авиньон, Тараскон, – предлагали опальному графу помощь как военной силой, так и финансовой поддержкой. Раймон VI отправился в Арагон, чтобы набрать там войско и освободить Тулузу, а в это время девятинадцатилетний Раймон-младший занял город Бокер, под стенами которого продержал армию Монфора около трех месяцев. Между тем 17 июля 1216 года Иннокентий III умер и был погребен в Перудже; на папском престоле его сменил Гонорий III. События в Риме еще больше обнадежили южан, а будущий Раймон VII зарекомендовал себя умелым предводителем; под его началом южное сопротивление набирало силу. Тулуза взбунтовалась.

Первое восстание было подавлено благодаря вмешательству епископа Фулька; город обложили непосильным налогом. Тулуза восстала снова; в сентябре 1217 года Раймон VI, прошедший последние 18 месяцев по большей части в Арагоне, во главе армии арагонцев и каталонцев перешел Пиренеи и вместе с графами Комменжским и Фуаским двинулся на Тулузу. В руках крестоносцев остался только графский дворец – Нарбоннский замок; законного владельца в городе ждал восторженный прием. «Когда же граф вступил под сводчатые врата, население устремилось к нему, все, от мала до велика, и бароны, и дамы, и мужья, и жены, падали перед ним на колени и покрывали поцелуями его одежды, и ноги, и руки, и пальцы. Со слезами радости принят был граф среди всеобщего веселья, ибо радость вернулась и принесла цветы и плоды...» – так описывает возвращение Раймона VI в Тулузу – в день 13 сентября 1217 года – анонимный автор второй части «Песни» (лэсса 182)³⁹. Едва слышав об этом, Монфор, на тот момент воевавший в долине Роны, поспешил к Тулузе, и крестоносцы вновь осадили город. 25 июня следующего года, на девятый месяц злополучной осады, Симон де Монфор был убит камнем, выпущенным из катапульты с городских стен, – камнем, который «полетел прямо и точно, куда следует». Тулузцы ликовали: «В городе все так возрадовались, что из тьмы сотворился свет» (*l'escurs esclarzic*), – рассказывает поэт-Аноним (205–206). Месяц спустя осада была снята. Восстание охватило весь Юг. Знаменитый историк XIX века Н. Пейра, в своем труде «История альбигойцев»⁴⁰, цитирует народную песню тех дней:

³⁹ La Chanson de la croisade albigeoise. Tome II / Ed., trad. E. Martin-Chabot. P., 1957. P. 276–277.

⁴⁰ Peyrat N. Histoire des Albigeois. T. I. P., 1870. P. 407.

Montfort
Es mort!
Es mort!
Es mort!
Viva Tolosa,
Ciotat gloriosa
Et poderosa!
Tornan lo paratge et l'onor!
Montfort
Es mort!
Es mort!

Es mort! [Монфор мертв, мертв, мертв! Да здравствует Тулуза, город славный и могучий! Возвращается Достоинство и Честь. Монфор мертв, мертв, мертв!]

Симону де Монфору унаследовал Амори, его старший сын, – он же был провозглашен вождем крестового ополчения. Однако как военный лидер он сильно уступал отцу. К весне 1219 года Раймон VI отвоевал большую часть своих родовых владений. И хотя в 1219 году принц Людовик, сын французского короля Филиппа-Августа, привел на юг большое войско в помощь Монфору-младшему, южане продолжали одерживать победу за победой, а вербовать новых крестоносцев становилось все труднее – Пятый крестовый поход в Египет перетянул силы феодальных сеньоров и монархии. Летом 1219 года Людовик осадил Тулузу, но спустя месяц снял осаду и вернулся во Францию, посчитав, что карантен исполнен. «Не должно пролиться безвинной крови... Да не убоятся они [тулузцы] ничего, ведь святой Сатурнин ведет их, а Бог, правота, сила, молодой граф и святые заступники защитят ради них Тулузу» – на этих словах обрывается «Песнь» поэта-Анонима. К 1222 году Раймон VI отвоевал все свои владения, а в 1224 году Раймон Тренкавель-младший, сын обездоленного виконта Раймона-Рожера,

полностью вернул отцовские земли. Амори де Монфор покинул южные края – и уступил все свои притязания на тамошние домены новому королю Людовику VIII. Спустя пятнадцать лет окситанские земли вновь обрели своих прежних сеньоров.

Однако на этом крестовый поход в «землю ересей» не закончился. 14 мая 1222 года Гонорий III призвал к новому крестовому походу в южные земли сперва Филиппа-Августа (который не проявил должной заинтересованности), а после его смерти в 1223 году – Людовика VIII. В 1226 году Людовик выступил в путь, и, хотя его армия задержалась на несколько месяцев под Авиньоном, далее он прошел через южные территории практически беспрепятственно – страна, ослабленная годами войн, не могла сопротивляться. Большинство сеньоров были вынуждены покориться. Людовик VIII назначил своим сенешалем в завоеванной стране Юмбера де Божё – первого французского наместника в Лангедоке. Король умер в том же году; править стала его вдова, Бланка Кастильская, от имени несовершеннолетнего сына (будущего Людовика IX), однако королевская интервенция, им начатая, имела решающее значение. Снова сменился Папа – на Святой престол взошел Григорий IX, племянник Иннокентия III, ревностный продолжатель его политики папской супрематии. Императора Фридриха II он призывал к походу на сарацин в Святую землю, короля французского – к походу против альбигойской ереси во имя Святой Церкви. В 1227–1228 годах последовали новые военные кампании; Раймон VII оказывался все в большей изоляции. На этом этапе борьба велась не с нерегулярными войсками крестоносцев, но с гораздо более организованной военной силой под эгидой французской короны. Раймон VII запросил мира.

В январе 1229 года в городе Мо в Шампани на Московом совете было подписано мирное соглашение,

ратифицированное 12 апреля того же года в Париже, где граф Раймон прошел публичное покаяние в соборе Парижской Богоматери. Основным условием мира стал брак между одним из королевских братьев и дочерью Раймона Иоанной, – чтобы через этот брак Тулуза со временем отошла Франции, причем при любом развитии дальнейших событий. «После нашей смерти Тулуза и тулузский диоцез отойдут к брату господина короля, женатому на нашей дочери, и их детям. Если же королевский брат, не приведи Господи, умрет бездетным, то Тулуза с тулузским диоцезом отходят к королю и его наследникам; и ни наша дочь, ни другие (возможные) сыновья и дочери никакого права на эти владения заявлять не могут. Если же наша дочь умрет без потомства от королевского брата, то Тулуза и тулузский диоцез отходят к королю и его наследникам, так что в любом случае Тулуза и тулузский диоцез после нашей смерти отходят к господину королю и его наследникам, и никто не сможет предъявить на них права, кроме сыновей и дочерей, рожденных от брата господина короля и нашей дочери, как говорилось выше»⁴¹, – обещает Раймон VII по условиям Парижского договора. (Примечательно, что в Моском документе предусматривалось дополнительное условие: «Если наша дочь умрет прежде нас, не оставив потомства, и если у нас будут другие дети, рожденные в законном браке, тулузский диоцез отойдет к ним». В текст Парижского договора этот фрагмент не вошел.) Также Раймон VII брал на себя обязательства преследовать еретиков, избавиться от наемников, вернуть Церкви ее собственность и утвердить ее привилегии; разрушить новые укрепления, возведенные в Тулузе;

⁴¹ Roquebert M. Lépopée cathare. Vol. III. Le lys et la croix 1216–1229. P., 2007. P. 496 ff.

разрушить до основания стены тринадцати городов (в их числе – Фанжо, Ажен, Муассак, Гайяк, Монтегют), а также отправиться крестоносцем в Святую землю на пять лет. Этот Московский/Парижский договор обозначил собою финал Альбигойских войн: французская корона приобретала в собственность цветущие, дававшие огромный доход земли.

Однако, невзирая на военную и дипломатическую победу Капетингов, Раймон VII Тулузский сохранил за собой значительную часть владений, а катарская Церковь в 1229 году не просто удерживала свои позиции в Лангедоке – она их укрепила. Ни крестовый поход баронов, ни массовые костры не подорвали ее влияния, напротив – придали ей ореол мученической славы. Если до крестового похода на Юге было четыре Церкви – Тулузы, Альби, Каркассона и Ажена, – то в 1226 году на Пьоском соборе (Pieusse, близ Лиму) создается пятая, Церковь Разеса. Но резкое сокращение южной знати во время королевского крестового похода – знати, которая служила активной поддержкой и опорой диссидентской Церкви, – привело к необратимым последствиям. Катарские священники, диаконы и епископы вынуждены были уйти в подполье. Одержавшая победу Римская Церковь отныне была занята борьбой с этим подпольем. Необходимость искоренения катарской Церкви в Окситании послужила одним из стимулов для формирования судебно-расследовательского института Римской Церкви, известного под названием инквизиции – института, задействовавшего юристов и специалистов по римскому праву, что вышли из стен понтификальной курии и высших школ Тулузы.

История последующих пятидесяти лет – это история локального, спорадического военного сопротивления: то здесь, то там вспыхивали очаги восстания; неуклонно

набирала силу папская инквизиция в попытках окончательно выкорчевать ересь и искоренить ее светских покровителей. В 1240 году был подавлен бунт Раймона Тренкавеля, в 1242 году – Раймона VII Тулузского, задавшегося целью пересмотреть Моский договор. В 1249 году Раймон VII умер; поскольку наследника мужского пола он не оставил, графство Тулузское по условиям Московского договора отошло к его дочери Иоанне и ее мужу, Альфонсу де Пуатье, брату французского короля. По смерти Альфонса и Иоанны (оба скончались бездетными в 1271 году) графство Тулузское и сопредельные земли – некогда независимый край, за который вот уже около века велись непримиримые споры, – были окончательно, не только *de facto*, но и *de jure*, присоединены к французской короне. Лангедок превратился в одну из французских провинций «в старинном и традиционном смысле этого слова: в страну второстепенного значения, колонизированную и эксплуатируемую, административно и интеллектуально подавленную сильной метрополией, блюдущей свои интересы», – пишет З. Ольденбург в заключении своей книги⁴². На многие десятилетия в южных областях инквизиция установила режим полицейского террора. Столь тяжелая обстановка не могла не сказаться на всей культуре: эпоха окситанских трубадуров завершилась, время великой поэзии ушло, а ее язык – язык, которым восхищался Данте, в многовековой перспективе умалился до провинциального диалекта. Людовик Святой, находившийся под сильным влиянием аскетического благочестия матери, Бланки Кастильской, ценил искусство только на службе у Церкви. Его биограф впоследствии напишет, что всехристианнейший король «никогда не пел мирских песен,

⁴² Ольденбург З. Костер Монсегюра. С. 339.

равно как и не позволял этого своим приближенным»⁴³. Последние образцы поэзии трубадуров, в которых верноподданные поэты прославляли королевскую политику, относятся к 1260–1280 годам

В 1244 году, после годовой осады (май 1243 – 16 марта 1244 года), был взят Монсегюр – укрепленная горная деревня, ставшая последним престолом и убежищем организованной катарской иерархии. На костре погибли около 200 священников, в том числе катарский епископ Тулузской Церкви Бертран Марти и Раймон Агуйер, епископ Церкви Разеса. Вместе с историей мятежной крепости заканчивается и история независимого Лангедока.

Монсегюр не был последним пристанищем катаров: так, замок Керибюс продержался на горном склоне Восточных Пиренеев вплоть до 1255 года. Но костер, зажженный в Монсегюре, ознаменовал собою конец организованных катарских Церквей в Лангедоке. Последнее подполье было децентрализованным. Этим подпольщикам, если они хотели выжить, оставалось либо бегство, либо отречение. *Добрые христиане* (катарское священство) и слишком скопрометированные верующие поодиночке бежали в Италию, где конфликт гибеллинов, сторонников императора Фридриха II, с гвельфами, сторонниками Папы, а также относительная независимость многочисленных североитальянских городов, обеспечивающая некоторую свободу религиозной жизни, долгое время давали катарскому христианству возможность выжить. Там окситанская церковная иерархия отчасти восстановилась; некоторые мужественные *добрые люди*, приняв консолament, возвращались на родину. Однако

⁴³ Гарро А. Людовик Святой и его королевство. СПб.: Евразия, 2002. С. 64.

инквизиция уже не встречала сопротивления; во второй половине XIII столетия уничтожение катаризма было предreshено.

На заре XIV столетия оказалось, что катаризм все еще жив в Окситании – несмотря на то что там уже господствовал иерархический сеньориальный порядок под властью короля. В 1300–1310 годах между Пиренеями и Керси действовала маленькая Церковь, пользовавшаяся активной поддержкой многочисленных и ревностных верующих. Братья Пейре и Гийом Отье, нотариусы из Акса (Арреж), смогли найти в итальянском убежище возможность обучиться и получить крещение из рук последних катарских иерархов. Они вернулись на родину как *добрые люди* незадолго до начала 1300 года, начали последовательную религиозную «реконкисту» при поддержке своих семей, многочисленных родственников и клиентов, возобновляя старые полузабытые связи, – и достигли значительных успехов. Единственной надеждой маленькой Церкви было резкое увеличение количества ее служителей. Своей проповедью Пейре Отье вызвал целую волну призваний; он обучал и крестил новых монахов, которые в свою очередь могли проповедовать Евангелие и крестить. Инквизиторы, Жоффре д'Абли в Каркассоне и Бернард Ги в Тулузе, ответили на это скрупулезными расследованиями, массовыми карательными мерами и гонениями. Один за другим, от горной деревни Монтайю до Тулузы, последние *добрые люди* были схвачены, осуждены и сожжены на соборных площадях.

Много позже, в 1960 году, в Монсегюре, у подножия скалы, на краю «Prat dels Cremats» («поле сожженных» – окс.) был установлен небольшой алтарь из камней, доставленных вниз от разрушенной крепости. Над ним возвышается стела: на одной ее стороне высечен диско-

идальный крест; на другой – звезда под ткацким челноком. Надпись на языке катаров и трубадуров гласит:

ALS CATHARS
ALS MARTIRS
DEL PUR AMOR
CRESTIAN
16 MARS 1244 –
(Катарам,
мученикам
чистой христианской любви
16 марта, 1244)

* * *

Существует три основных источника информации о событиях Альбигойского крестового похода, три «краеугольных камня» его историографии; помимо стихотворной «Песни» – это латинские прозаические хроники Петра де Во де Серне и Гильема Пюилоранского. Сюда же следует добавить соответствующие фрагменты из хроник Робера Оссерского и Гильема Бретонского. Интересны также некоторые сведения из книги «Беседы о чудесах» (*Dialogi miraculorum*) Цезария Гейстербахского, где, в частности, впервые зафиксирована впоследствии знаменитая фраза: «Убивайте всех, Господь узнает своих», которую автор вкладывает в уста папского легата Арнольда-Амальрика. Из источников Пиренейского полуострова следует в первую очередь назвать «Книгу деяний» (*Llibre dels feyts*) за авторством Хайме Арагонского, сына короля Педро II, в которой рассказывается, в частности, о битве при Мюре 1213 года.

Автор «Альбигойской истории» (*Historia Albigensis*, известной также под названием *Historia de factis et triumphis memorabilibus nobilis viri domini Simonis comitis*

de Monteforti), написанной на латыни, – Петр де Во де Серне, монах-цистерцианец, племянник и протеже аббата Ги из обители Во де Серне. Это аббатство, находящееся неподалеку от Парижа, было основано в начале XII века семейством Нофль и получило в дар богатые земли от Монфоров и других знатных семей. Аббат Ги и его племянник сопровождали Симона де Монфора в Четвертом крестовом походе; по словам Петра, Ги был близким другом (*familiarissimus*) Монфора. В марте 1212 года Ги вместе с племянником присоединились к Монфору на Юге; Ги предстояло сыграть важную роль в руководстве походом, особенно после того, как Арнольд-Амальрик временно отбыл в Испанию. В мае 1212 года Ги стал епископом Каркассона. С этого момента и далее Петр становится свидетелем и участником описываемых им событий. Как явствует уже из названия, его хроника – это в первую очередь история Симона де Монфора («благородного мужа господина Симона графа де Монфор»), посвященная Папе Иннокентию III, и соответствующим образом организованная. Ее структура отчасти совпадает с композицией «Песни» – хроника начинается с рассказа о распространении ереси на Юге, с назначения легатами Петра де Кастельно и Рауля в 1203 году и смерти Петра де Кастельно в 1208 году, повествует о первых десяти годах похода и доводит повествование до гибели Монфора при осаде Тулузы 25 июня 1218 года и до присоединения к походу французского принца Людовика. Ценность хроники как исторического свидетельства велика: автор был очевидцем многих событий, о которых повествует; он лично знал главных участников похода (включая своего дядю Ги, самого Симона де Монфора, многих знатных крестоносцев, легатов и св. Доминика) и имел доступ к официальным документам (в частности, к папской переписке), фрагменты из которых включал в

свой текст. Естественно, история событий предстает в его хронике в прокатолическом, проримском, профранцузском ключе.

Латинская хроника Гильема Пюилоранского, написанная около 1250 года, повествует об Альбигойском крестовом походе в контексте присоединения Тулузского графства к владениям французской короны. Ее автор, магистр Гильем, родился в Тулузе, а в Пюилоране близ Тулузы (*Puylaurens*; не путать с Пюилорансом в департаменте Од) некоторое время был священником. В 1228–1230 годах он находился на службе у Фулька, епископа Тулузы, время от времени оказывал услуги инквизиции и состоял капелланом при Раймоне VII на протяжении последних семи лет жизни графа. Гильем Пюилоранский, несомненно, опирался на хронику Петра де Во де Серне, которую дополнил своими собственными воспоминаниями молодости и сведениями из обитуариев (церковных книг с записями имен умерших) и официальных документов. Тон его куда более сдержан и объективен, нежели у его предшественника; так, Гильем, искренний католик, описывая ситуацию в стране после IV Латеранского собора (гл. XXV), говорит о том, что крестоносцы сами навлекли на себя гнев Господа, ибо сделались «рабами собственного корыстолюбия», позабыв об исходной цели похода⁴⁴. Возможно, Гильем Пюилоранский пользовался и рукописью «Песни» и отдельные детали заимствовал из нее; либо рукописи в своем распоряжении он не имел, но вспоминал многие ее фрагменты, воспринятые со слуха.

Гильем кратко пересказывает события – год за годом, начиная с 1145 года, – и доводит повествование до смер-

⁴⁴ *Guillaume de Puylaurens. Chronica Magistri Guillelmi De Podio Laurentii* / Ed., trad. J. Duvernoy. P., 1996. P. 103.

ти Раймона VII (1249). На страницах хроники история Альбигойских войн (главы с XIV по XXII) постепенно сменяется историей Франции (Седьмой крестовый поход, смерть Людовика IX и коронация Филиппа III Смелого, события вплоть до 1275 года). Как отмечает Ж. Дювернуа, издатель и редактор текста, «Гильем пытается придать своему труду провиденциалистский характер: резкие политические изменения в Европе за 70 лет в пользу французской монархии становятся знаком божественного провидения»⁴⁵. Объем хроники невелик; в ней встречаются неточности, особенно в том, что касается дат, а многие важные эпизоды опущены вовсе.

Помимо упомянутых хроник, важным источником информации о событиях эпохи являются дипломатические документы Святого престола, в том числе переписка между Иннокентием III (а после его смерти – Гонорием III) и папскими легатами, графом Раймоном VI, тулузскими консулами, французским королем Филиппом-Августом и испанским королем Педро Арагонским; тексты клятв, принесенных Раймоном VI в Сен-Жиле (1209); Памьерские статуты и т.д.⁴⁶

«Песнь об Альбигойском крестовом походе» – ценнейший исторический документ, к которому обращаются все без исключения историки, как европейские, так и русскоязычные, занимающиеся периодом Альбигойских войн. Это – кладезь фактологической информации, изложенной очевидцами; в нем, точно в зеркале,

⁴⁵ *Guillaume de Puylaurens*. P. 13.

⁴⁶ Этот материал содержится в коллекциях: *Patrologia Latina* / Ed. J. Migne. P., 1844–1864. 221 vols. (Материалы папской канцелярии Иннокентия III содержатся в томах 214–217.) *Layettes du Trésor des chartes*. P., 1863–1902. 4 vol.; *Histoire générale de Languedoc* / Eds. C. Devic, J. Vaissette, et al. 2nd ed. 16 vols.

Toulouse, 1872–1904. *Recueil des historiens des Gaules et de la France*. P., 1738–1776. 23 vols. Сюда же следует добавить материалы инквизиционных расследований, в частности материалы коллекции Doat (Bibliothèque Nationale, Paris) – инквизиционные протоколы XIII–XIV веков Тулузского и Каркассонского диоцезов.

отражен менталитет эпохи. Тем не менее на русском языке этот уникальный литературный памятник полностью никогда не издавался. На наш взгляд, необходимость в таком издании, имеющем равно историческую и художественную ценность, крайне велика. Она тем более велика, что в наши дни, к сожалению, люди, в том числе довольно образованные, порою основывают свое представление об эпохе Альбигойских войн на источниках весьма сомнительных, в частности на малограмотных дамских «исторических романах», в которых Симон де Монфор превращается в своего рода непобедимого супермена, идеологическая правота которого напрямую обусловлена его физическими параметрами, персонажи-тезки перепутаны, а исторический колорит воспроизводится средствами ненормативной лексики. Вызывает сожаление и тот факт, что сравнительно новые работы, опубликованные за последние три десятилетия на тему катаризма и военно-политической истории Альбигойских войн, до сих пор не были изданы на русском языке (если не считать ряда интернет-публикаций). В отечественной историографии оригинальные исследования на эту тему закончились на Н. Осокине (вторая половина XIX века).

В результате наблюдаются резкое смещение акцентов в восприятии событий Альбигойского крестового похода и определенная тяга к христианскому фундаментализму, как православному, так и католическому – мы нередко сталкиваемся с попытками оправдания деяний тогдашнего папства и крестоносцев, апологией инквизиции и т.д., в то время как на Западе наиболее интеллектуально честные из католических историков, занимающиеся научным изучением этих вопросов, уже не стесняются называть преступления преступлениями.

Публикация исторических документов должна несколько уравновесить картину. Читателю, который хочет увидеть эпоху через ее памятники, мы предлагаем первую часть аннотированного издания «Песни об Альбигойском крестовом походе». Хотя подавляющее большинство дошедших до нас источников создано сторонниками крестоносцев, факты говорят сами за себя – и это наглядно видно на примере повествования Гильема Тудельского.

ДВЕ ЦЕРКВИ, ИЛИ КАТАРИЗМ В ОКСИТАНИИ

Н. Дульнева

Стоит рассказать немного о подробностях религиозного феномена, известного ныне как *катаризм*. **Ката́ры** – название, данное противниками христианскому религиозному движению в Западной Европе в XI–XIV веках. По мнению современных исследователей, это слово было придумано в 1163 году в рейнских землях клириком Экбертом из Шёнау. Последователи этого движения жили на территории современной Франции, в северной Италии, на северо-востоке Испании, в некоторых землях Германии, а также в Византии, Малой Азии и на Балканах.

Катаризм не являлся принципиально новым мировоззрением, возникшим в Средние века. Богословские воззрения, впоследствии ставшие характерными для катаризма, можно найти также у учителей раннего христианства, испытавших влияние гностицизма и неоплатонизма (Ориген Александрийский). Большинство исследователей (Жан Дювернуа, Анн Бренон, Анни Казенаве, Ильва Хагманн и т.д.) считают его одним из многочисленных и в то же время уникальных христианских движений, выявившихся одновременно в Западной и Восточной Европе на рубеже первого и второго тысячелетий. Катаризм исповедовали различные общины, не

обязательно связанные между собой и иногда отличавшиеся доктриной и образом жизни, но тем не менее обладавшие определенным единством в области структуры и обрядов, как во временных рамках – между X и XV столетиями, так и в географических – между Малой Азией и Западной Европой. В Восточной Европе и Малой Азии к таким общинам относят богомилов. Богомилы Византии и Балкан, а также катары Италии, Франции и Лангедока представляли собой одну и ту же Церковь¹.

Эта религия носила исключительно христианский характер – хотя в некоторых аспектах она была полностью противоположна средневековому католицизму. Для катарских текстов характерно отсутствие отсылок к текстам нехристианских религий. Даже в наиболее радикальных своих положениях (например, о дуализме или о перевоплощениях) катары апеллируют только к христианским первоисточникам и апокрифам. Теология катаров оперирует теми же понятиями, что и католическая теология, «то приближаясь, то удаляясь в их толковании от основного течения христианства»². Правда, до недавнего времени, согласно укоренившейся еще с XIX столетия точке зрения, катаризм рассматривался как одно из ответвлений античных или восточных верований, манихейских, зороастрийских или иных, как некое чужеродное тело, подобное занозе в самом сердце западноевропейского христианства. Занозе, которую, конечно же, следовало вытащить.

Историография катаризма заслуживает отдельного пояснения. Дело в том, что долгое время главным источником, на который опирались исследователи, были

¹ Brenon A. *Le Vrai visage du catharisme*. Toulouse, 2004. P. 39.

² Martineau F. *Deux principes antagonistes et un sauveur: les cathares italiens du XIII siècle et le Liber de duobus principiis*. Ed. Centre d'études Cathares/Rene Nelli. № 29, 1999. P. 7–29.

антиеретические «Суммы», составленные теологами XIII столетия, и до 1950-х годов изучение этого вопроса находилось под исключительным влиянием теологов³. Но с 50-х годов XX века медиевисты стали все чаще и чаще говорить о катарской ереси в терминах социальной, а не религиозной проблематики. Кроме того, начиная с 1939 года в архивах нескольких европейских библиотек, в основном благодаря исследованиям доминиканца о. Антуана Дондена, были обнаружены многочисленные фрагменты подлинников катарских рукописей. За последние несколько десятилетий в распоряжении ученых появился целый ряд критических исследований ценных средневековых документов – инквизиторских архивов и фрагментов найденных и опубликованных катарских книг⁴. Это позволило историкам преодолеть старые стереотипы, касающиеся этого течения. Исследователи стали подчеркивать многочисленные общие черты катаризма и европейской культуры XI–XII столетий в целом. Наиболее серьезный вклад в опровержение «традиционного» видения катаризма как ветви манихейства внес Жан Дювернуа. В книге «Религия катаров», основываясь на документах различных типов, он впервые осуществил подробнейший анализ катаризма как средневекового религиозного феномена и пришел к выводу о том, что катаризм следует рассматривать исключительно в контексте христианства. С тех пор этот вывод Дювернуа является господствующим в среде современных ученых. Информация, содержащаяся в данном очерке, почерпнута преимущественно из трудов,

³ Наиболее известный труд такого рода: Borst A. *Die Katharer*. Stuttgart, 1953.

⁴ Собрание этих текстов – два трактата и три ритуала XIII и XIV столетий на латыни

и окситанском – было переведено и прокомментировано в книге Рене Нелли (новое исправленное издание): Nelli R., Brenon A. *Ecritures cathares*. Monaco: Le Rocher, 1995.

ставших классикой изучения катаризма и приведенных ниже⁵. В 90-х годах XX века несколько историков, в частности Моник Зернье, выдвинули гипотезу о том, что катаров вообще не существовало, а катаризм возник как «изобретение инквизиции»⁶, однако это утверждение не встретило достаточной поддержки.

Сегодня нам известно, что эта средневековая ересь была частью более широкого движения за возвращение идеалов *vita apostolica*, примера апостольской жизни: утрата этих идеалов была главной проблемой средневековой спиритуальности со времен григорианской реформы. Катарские церкви были организованы согласно принципам раннего христианства; катары, которых воинствующая Церковь⁷ объявила еретиками, крестили верующих возложением рук, и это таинство было одновременно «крещением покаяния» и «крещением Святым Духом». Их религиозное призвание, или «путь праведности и истины»⁸, было для них тем знаком, которым отмечена истинная Церковь Христа и апостолов. Это прямое наследие позволяло катарам и самим себя называть *апостолами*; с их точки зрения оно передавалось через епископов, которым была дана власть посвящения. Катары отрицали всякую легитимность Римской Церкви, которая, согласно их представлениям, сошла с апостольского пути и избрала дорогу богатства и власти⁹.

⁵ Duvernoy J. La religion des cathares des cathares. Toulouse, 1976; *Id.* L'Histoire des cathares. Toulouse, 1978; Roquebert M. L'épopée cathare, rééd. Vol. 1–5. P., 2006–2007; Brenon A. Les Archipels cathares. Cahors, 2002; Brenon A. Le Choix hérétique. Toulouse, 2006.

⁶ Zernier M., dir. Inventer l'hérésie: Discours polémiques et pouvoirs avant l'Inquisition. Nice, 1998.

⁷ О репрессивном контексте в деятельности средневековой Церкви см., например: Moore R. The formation of a Persecuting society. Power and Deviance in Western Europe, 950–1250. Oxford, 1987.

⁸ Еф 5: 8–9.

⁹ Vauchez A. Diables et hérétiques: les réactions de l'Église et de société en Occident face aux mouvements religieux dissidents, de la fin du X-e au début du XII siècle // *Settimane di Studio sull'Alto Medioevo, Spolete*, 1989. P. 573–601.

Давших обеты катарских монахов и монахинь их верующие уважительно называли *добрыми мужчинами* и *добрыми женщинами* (*bons otes, bonas femnas*); но сами они называли себя только *христианами* или *апостолами*. Термины «совершенный» или «совершенная», до последнего времени принятые в западной историографии, происходят исключительно из инквизиторского жаргона и означают «совершенный (т.е. законченный) еретик» (*hereticus perfectus*). Современные медиевисты практически отказались от использования этого термина: во-первых, исторически он неверен, во-вторых, представляется несправедливым использовать вместо самоназвания группы людей кличку, придуманную для них противниками¹⁰.

Во второй половине XII века прежде разобщенные еретические общины, разбросанные по всей Европе, преобразовываются в структурированные церковные институты, возглавляемые епископами. Есть сведения о том, что около 1170 года Ницетас (Никита или Никвинта), богомилский епископ из Константинополя, совершил поездку в Западную Европу, целью которой было помочь местным общинам катаров и поделиться опытом восточных церквей, утвердившихся в Византийской империи. Вначале он посещает Ломбардию, затем по приглашению Тулузской катарской Церкви отправляется в Лангедок, где руководит общим собранием западноевропейских еретических Церквей в Сан-Фелис де Караман. В документах XII века подтверждается, что на тот момент в Западной Европе у катаров уже были епископы (Льеж, Франция, Рейнские земли). Так, в Сан-Фелисе присутствовал епископ Франции Роберт д'Эпернон. Он представлял общины

¹⁰ Brenon A. Les Cathares: vie et mort d'une Église chrétienne / Ed. J. Grancher. P., 1996. P. 14.

Шампани, Бургундии и Фландрии (о преследованиях которых говорят документы XII века), а именно общины Реймса, Везеле, Шарите-сюр-Луар, Лилля и Невера. Акты собрания в Сан-Фелисе упоминают также Марка, катарского епископа Ломбардии (центром его общины был Милан). Эта единая итальянская Церковь под конец XII столетия разделилась на пять отдельных Церквей, в каждой из которых был свой епископ и своя иерархия. Доминиканские источники¹¹ утверждают, что эти Церкви соперничали между собой из-за разницы во взглядах. Наиболее сильными противоречиями отличались ломбардская Церковь Конкореццо и Церковь Дезенцано (возле озера Гарда). Активными очагами катаризма были Флоренция, Сполете и Мантуя, где также были Церкви со своими епископами.

Особенно успешно катарская Церковь развивала свои структуры в Окситании, где светские власти – графы Тулузские, графы де Фуа, виконты Каркассона, Альби и Безье Тренкавели, – никак ее не притесняли. Во второй половине XII века там уже существовало четыре Церкви, или катарских епископства: в Альбижуа, Тулузене, Каркассе и Ажене. По инициативе тулузской и каркассонской общин состоялось их совместное собрание в Сан-Фелисе. Там они избрали себе епископов, которых посвятил Никита. По-видимому, Церковь Альбижуа, более древняя, чем другие, уже имела посвященного епископа, Сикарда Селлерье. Именно он несколькими годами раньше, в 1165 году, в Ломбере, возле Альби, участвовал в диспуте с католическими епископами и папским легатом в присутствии виконта Тренкавелия.

¹¹*Moneta de Cremona. Adversus Catharos et Valdenses libri quinque*, / Ed. Ricchini, Roma, 1743; *Dondaine A. La hierarchie cathare d'Italie II* // *Archivum Fratrum Praedicatorum*. T. 20.

1950. P. 234–324; *The Summa contra haereticos ascribed to Praepositionis of Cremona* / Ed. J. N. Garvin, J. A. Goretz. Notre-Dame (Illinois), 1958. P. 292. etc.

Уже в 1145 году, во время своей средиземноморской миссии, известный цистерцианский проповедник Бернар из Клерво сетовал на «ужасные оскорбления», которые аристократия окситанских бургад наносила посланникам Папы. По его словам, церкви опустели, а в Верфее (замок в Альбижуа) даже не нашлось никого, кто пожелал бы послушать его проповедь. Упоминаемое выше собрание в Сан-Фелисе, состоявшееся на границе графства Тулузского и виконтства Альби, принадлежавшего Тренкавелям, прошло открыто и без всяких препон со стороны светской власти. Конец столетия можно считать временами «катарского мира» в Окситании. Катарские епископства XII столетия возникают на землях двух крупных территориальных формирований: графа Тулузского – вассала короля Франции, и союза виконств, объединенных семьей Тренкавель, – Каркассона, Безье, Альби и Лиму, расположенных между Барселоной и Тулузой. В 1177 году граф Раймон V Тулузский, не скрывающий своего враждебного отношения к еретикам, пишет капитулу Сито, что он не в состоянии справиться с ересью, так как ее поддерживают все его вассалы. Его сын Раймон VI (1156–1222, граф Тулузский с 1194 г.) был настроен к еретикам вполне дружелюбно. Династия Тренкавелей долгое время оказывала ереси еще большее содействие. И наконец, графы де Фуа пошли еще дальше: они были непосредственно вовлечены в катарскую Церковь – на рубеже XII–XIII веков женщины семейства де Фуа сами становились *добрыми христианками*. На протяжении жизни нескольких поколений соотношение сил в окситанских сеньориях было в пользу катарских Церквей, и это исключало любые преследования. Перед крестовым походом против альбигойцев катаризм распространился на западе от Керси до Гурдона и Ажене (Церковь Ажене), в центре – на территории Тулузена,

Лораге и графства Фуа (Тулузская Церковь), на севере – в Альбижуа (Церковь Альби), на востоке – в Кабарде, Минервуа и Каркассе (Церковь Каркассона), охватывающая также Корбьеры и средиземноморское побережье. В 1226 году было создано пятое епископство, в Разесе (область Лиму), которое прежде входило в Церковь Каркассе.

Таким образом, в то время как в Шампани, Фландрии, Рейнских землях и Бургундии катаров преследовали, светские власти в Лангедоке и гибеллинских городах Италии не только относились к их вере терпимо, но и защищали «диссидентов» от церковных властей. В 1178 и 1181 годах Святой престол направил в Тулузу и Альби цистерцианские миссии, однако посланцы не смогли установить сотрудничество с местными властями и практически ничего от них не добились в деле преследования ереси. В первые годы XIII столетия посланцы Папы Иннокентия III – Рауль де Фонфруад и легат Петр де Кастельно – участвовали в нескольких публичных дебатах с *добрыми людьми* на теологические темы. Большинство историков считают, что особых успехов они не достигли. Кастильский каноник Доминик де Гусман с 1206 года начал бороться с катарами в Лангедоке, проповедуя и соблюдая обеты бедности и нищенствования. Ему удалось добиться нескольких десятков обращений в католичество, но крестовый поход, объявленный Иннокентием III в 1209 году, по мнению многих историков, например А. Бренон и М. Рокбера, означал, что и эти попытки окончились неудачей.

По отношению к существующим догмам катаризм представлял собой не типичную еретическую секту, а альтернативное христианское вероучение, со своей метафизикой и экклесиологией, обрядами и таинствами,

посланием Откровения и Спасением, своей моралью и Святыми Писаниями.

Метафизическую рефлексию катаризма можно определить как дуалистическое прочтение Евангелий. Вся его теологическая система основана на Новом Завете. Характерные для Евангелий противостояния «Свет» – «Тьма», «Правда» – «Ложь», «Бог» – «Мир» служили для катаров подтверждением их дуализма. Евангельскую притчу о дурных и хороших деревьях, которые познаются по своим плодам¹², они трактовали как иносказательную отсылку к Христу, по наследованию которому можно распознать истинных христиан.

В католических источниках того времени встречается много упоминаний о том, что катары верят «в двух богов – одного доброго, а второго злого...». Однако, согласно мнению большинства современных ученых авторов, в частности Ж. Дювернуа, такое представление катарского дуализма является упрощенным и тенденциозным. Основой метафизики катаров действительно является вера в два неравноценных начала: с их точки зрения, только Добро, символизирующее Отца Небесного, обладает реальностью и вечностью, а зло, иллюзорное и эфемерное, является на самом деле квази-небытием – как пишет Рене Нелли, «тексты катарского происхождения заявляют об онтической¹³ несостоятельности и бессилии злого Творца...»¹⁴. Но дуализм катаров является не отправной точкой, а следствием размышления и рефлексии, выводом из анализа Библии. Вся

¹² Мф 7:16–20, Лк 6:43–45.

¹³ *Онтический* – т.е. относящийся к порядку сущего (существующего тем или иным образом), в отличие от *онтологического* как относящегося к порядку бытия. Термин используется в философии М. Хайдеггера,

который последовательно проводит различие сущего (предметно-чувственного мира) и бытия (условия возможности сущего).

¹⁴ Nelli R. La Nature maligne dans le dualisme cathare du XIII-e siècle, de l'inégalité des deux principes. Carcassonne, 1969. P. 21.

система катаризма основана на Новом Завете. Катарский перевод Библии на окситанский язык не очень отличался от Вульгаты святого Иеронима – он был сделан, скорее всего, с латинского оригинала, предшествующего Вульгате, – со «старолангедокской» рукописи Нового Завета, так называемого Кольбертинского кодекса¹⁵. Фактически, окситанский текст Лионского катарского Нового Завета¹⁶, как и фрагменты из Писаний, приводимые в трактатах и проповедях катаров, являются полностью ортодоксальными, а цитаты и отрывки из Вульгаты приводятся катарами в их текстах в качестве аргументов. Этот текст только в одном месте отличался от текста ортодоксальной Библии. Если цитировать по синодальному переводу, то он гласит: [Ин 1:3]: «Всё чрез Него начало быть, и без Него ничто не начало быть, что начало быть»; [Ин 1:4]: «В Нем была жизнь, и жизнь была свет...». Катары же переводили этот отрывок следующим образом: [Ин 1:3]: «Всё чрез Него начало быть, а без Него ничто начало быть»; [Ин 1:4]: «Всё, что в Нем, было жизнью, и жизнь была свет...». Таким, как они считали, должен быть перевод латинских слов Вульгаты: *sine ipso factum est nihil*. Таким образом, смысл цитируемого отрывка из Пролога Евангелия от Иоанна выглядит так: всё чрез Него стало быть – то есть то, что реально «есть», стало быть чрез Него. Наоборот, «без Него ничто, стало быть» – т. е. возникает «ничто» – то, что по-настоящему

¹⁵ Codex Colbertinus (Кольбертинский кодекс). Saec. XI (W), XII (A y B J K M N S T V); XII–XIII (Beu), хранится в Париже, в Национальной библиотеке, Lat. 254 (Colbertinus 4051); содержит Четвероевангелие и Деяния в старолатинской версии и остальную часть Нового Завета по Вульгате. Издания: Belsheim J. Codex Colbertinus Parisiensis... 4051 (Christiania, 1888); Vogels H. J. Evangelium

Colbertinum, 2 vols. (Bonner biblische Beiträge, iv–v. Bonn, 1953); Jülicher. Цит. по: Брюс М. Мецгер. Ранние переводы Нового Завета. Их источники, передача, ограничения. М.: ББИ, 2004.

¹⁶ Le Nouveau Testament traduit au XIIIe siècle en langue provençale suivi d'un rituel cathare // Ed. L. Clédat. P., 1887, reimpr. Slatkine, Geneve, 1968.

«не есть», то, что «без любви», согласно выражению святого Павла, которое охотно цитировали катары: «...если не имею любви, – то я ничто» (1 Кор 13:2). Это означает, что катары различали два творения: истинное, дела которого на самом деле «есть», то есть творение Божье («Всё чрез Него начало быть»); и иллюзорное, дела которого не имеют истинного бытия – видимый мир, ассоциируемый ими с «небытием» («а без Него ничто начало быть» или же «все вещи без Него начали быть», как говорил последний великий катарский проповедник Пейре Отье)¹⁷. Видимый мир, «этот мир», не является творением Божиим. Он возник из другого начала. Дуализм катаров предполагал абсолютную независимость корней добра и зла по отношению друг к другу. Даже Монета Кремонский признает, что катары основывали свою диалектику на «Логике» Аристотеля: «Противоположные принципы являются противоположностями, следовательно, добро и зло, являющиеся противоположностями, происходят от противоположных принципов»¹⁸.

Отношение катаров к Ветхому Завету было в целом критическим. Значительную часть ветхозаветных писаний они отвергали. Ветхозаветный Бог в их представлении – не кто иной, как бог гнева, «бог века сего, или князь мира сего», злое начало. Чтобы вернее ввести людей в заблуждение и отвлечь от спасительного пути, он заставил их поклоняться себе. Доводом в пользу того, что Ветхий Завет зачастую инспирирован «князем мира сего», катары считали изобилие в нем жестокости и чрезмерное внимание к плотской стороне бытия. Напротив, некоторые книги пророков пользовались у

¹⁷ Показания Арнота Тиссейра, декабрь 1321 г. цит. по: *Duvernoy J. Le Registre d'Inquisition de Jaques Fournier (1318–1325). 3 vols. P., 1978. P. 603.*

¹⁸ *Nelli R. La Philosophie du catharisme. Toulouse, 1986; Brenon A. Le vrai visage du catharisme. Toulouse, 2004. P. 61.*

катаров большим уважением – те, которые явно говорят не о мстительном и ревнивом Боге Израиля, а о Боге благом и духовном, которого и должен был явить людям Христос. Священное Писание катары переводили на народный язык, хотя в молитвенной практике преобладала латынь.

Их учение, основой которого стало устремление к Добру (*entendensa del Be*), сохранило следы внутренних дискуссий раннего христианства: так, катары в большинстве своем разделяли докетический тезис об отрицании человеческой природы Христа в пользу Его божественной или ангельской природы. Будучи дуалистами, они проповедовали «Царство Божье, которое не от мира сего», но которое является истинной небесной родиной человеческих душ, испытывающих по нему ностальгию. Все души созданы Богом благими и равными; но часть их – падшие ангелы, или «заблудшие овцы Израилевы» – были увлечены дьяволом и заключены в темницы плоти мира сего, князем которого он является.

Злое начало является совечным Богу, и поэтому Бог не имеет отношения к возникновению зла. «Бог не создавал ни тьмы, ни зла», – заявляет «Книга о двух началах». Для катаров Бог Отец пребывал в своем невидимом Царствии, а обреченный на разрушение мир был делом рук злого творца – дьявола, или восставшего ангела.

Этот мир они расценивали как единственно возможный ад, но ад преходящий, который в конце времен завершится, не имея ничего общего ни с вечностью, ни с Богом, ни с Его благим творением. Этот конец времен настанет тогда, когда все души людей будут спасены и вернутся к своему Творцу.

Эта версия представляет оригинальную форму средневекового христианства, лишенную средневекового

символизма. Ничто видимое, в том числе крест, не могло, с точки зрения катаров, свидетельствовать о Боге или быть священным символом. Они не строили ни храмов, ни часовен и практиковали отправление культов и проповеди в домах близких людей, под сенью пещеры, в таверне, на лесной поляне, утверждая, что единственной Церковью Божьей является сердце человека. Они считали, что истинная природа всякой созданной Богом души – благая.

В трактатах и ритуалах катаров нет никаких упоминаний, разъясняющих последовательное переселение душ из одной телесной тюрьмы в другую. Только в антикатарской полемике и показаниях перед инквизицией содержится информация на эту тему (в частности, у Райнерия Саккони, в показаниях верующих о проповедях Пейре Отье и Гийома Белибаста). Однако их теоретические тексты утверждают, что вопреки тому, чему учат католические клирики, Бог не создает бесконечно новые души, чтобы однажды остановить время и судить всех в том состоянии и возрасте, в котором Он их застанет. Наоборот, определенное количество божественных душ пало, оказавшись в рабстве тел, и теперь они должны «пробудиться» от этого мира, перед тем как услышать призывание покинуть его и вернуться на небесную родину.

Таким образом, «Благая весть» Евангелия, с точки зрения катаров, состояла в просвещении Словом Христовым, в пробуждении душ, получающих спасение через крещение путем возложения рук, о котором сказал Иоанн Креститель: «Идущий за мною сильнее меня... Он будет крестить вас Духом Святым и огнем». Катары считали, что на самом деле Сын Божий пришел в этот мир не для того, чтобы искупить первородный грех Своей

жертвой и смертью на кресте, но для того, чтобы напомнить людям, что их Царство не от мира сего, и научить их спасительному таинству, которое навсегда избавит их от зла и от времени. Это таинство – крещение Духом.

Христос вдохнул этот Дух в апостолов, которые преисполнились им и передали его своим ученикам. Таким образом, в интерпретации Евангелия катарами особую значимость приобретала Пятидесятница, а не Страсти Господни: скорее всего, эта интерпретация является более архаичной. Потому апостольская роль Церкви катаров состояла в спасении всех душ, в том, чтобы привести их в Отчий дом проповедью Евангелия и таинством крещения покаянием – *consolament* (лат. *consolamentum*). Слово *consolament* непосредственно происходит от общехристианского термина «Утешитель» (Святой Дух, или Параклет). Перед принятием таинства следовало пройти испытательный период, а затем покаяться во всех грехах, совершенных со дня рождения. Согрешивший должен был совершить покаяние и заново принять *consolament* – единственное таинство, которое для катаров являлось одновременно и крещением в качестве вступления в христианскую жизнь, и посвящением, и причастием, поскольку одного только крещения водой было недостаточно. Оно также являлось отпущением грехов, вступлением на путь покаяния, знаком власти «связывать и развязывать», которым отмечена Церковь Христова. Уделяемое умирающим, это таинство представляло собой также и соборование. И, наконец, соединяя душу с духом, оно являлось как бы духовным, мистическим браком. Таким образом, обряд *consolament* совмещал в себе шесть католических таинств. Единственная составляющая таинств католической церкви, которой не было соответствия в *consolament*, – это Пресуществление.

Крещение путем *consolament* происходило следующим образом. Неофит приходил в дом епископа, «чтобы отдаться Богу и Евангелию», перенять традицию молитвы «Отче наш» – наиболее важной молитвы, которую следовало регулярно повторять в определенное время и определенное количество раз, а потом принять саму Книгу Писания. Далее, после долгой церемонии, епископ и все присутствующие *добрые люди* возлагали правые руки на голову неофита и произносили первые строфы Евангелия от Иоанна – от слов «*In principio*» до слов «*Gratia et veritas per Jesum Christum facta est*». *Consolament* для умирающих был аналогичным ритуалом: его уделяли двое *добрых людей* в присутствии семьи и друзей умирающего.

Религиозная организация катарских Церквей имеет признаки христианского архаизма. Для катаризма с самого начала был характерен резкий антиклерикализм – критика так называемых «предрассудков Церкви Римской» – культа святых, реликвий, изображений и т.д. Однако, критикуя «отступничество Римской Церкви», катары никогда не утверждали того, что Церковь и ее иерархия не нужны вообще.

Как и Римская Церковь, Церковь катаров делилась на клир и мирян. Катарский клир соединял в себе смешанные функции священников и монахов и состоял из мужчин и женщин. Как и католические священники, *добрые христиане и христианки* проповедовали, обеспечивали ритуал спасения душ и отпущение грехов. Как монахи, они жили в общинах, соблюдали посты и воздержания и ритуальные часы молитв.

Так же, как и католический епископ в своей епархии, катарский епископ являлся источником священства, из его рук происходило посвящение членов общины.

Крещенные/посвященные епископом *христиане* и *христианки* вели жизнь, посвященную Богу. Во главе каждой катарской Церкви стояли епископ и два его помощника, или коадьютора – старший Сын и младший Сын (лат. *Filius Major* и *Filius Minor*), также возведенные епископом в этот сан. После смерти епископа старший Сын становился его непосредственным преемником; младший становился старшим, а епископ рукополагал в сан младшего Сына одного из диаконов. Территория епископства также была разделена между определенным количеством диаконов: они играли посредническую роль между епископской иерархией и общинами христиан, находящимися в деревнях и городках, которые они регулярно посещали. Сами епископы редко селились в больших городах, но предпочитали жить в общинах небольших городков.

Скорее всего, катарские монахи и монахини носили монашеские облачения – простые черные одежды, если верить хронисту Петру де Во де Серне. Инквизиторы достаточно часто употребляют выражение «облеченный еретик» (*hereticus indutus*), для того чтобы отличить катарских монахов от простых верных. Согласно показаниям перед инквизицией, в те времена, когда война и репрессии еще не разрушили мир, существовавший до крестового похода, «множество мужчин и женщин» катарских Церквей Тулузена, Альбижуа или Каркассе ходили по улицам и жили в общинных домах. «В те времена, – вспоминали горожане, домохозяйки, ремесленники, крестьяне, рыцари, – еретики открыто жили в деревне; они открыто держали свои дома». Мужские монашеские общины управлялись Старшими (термин, соответствующий паулинистскому пресвитеру – настоятель, игумен). Термин «Старшая» по отношению к главе женской общины, по всей видимости, не употреблялся; инквизиция

пользовалась латинским словом *anteposita* (настоятельница, управительница). Некоторые из этих общинных домов были подобны современным хосписам для безнадежно больных – верующие получали там духовное руководство и утешение и обеспечивали себе, как они говорили, «счастливую кончину» и спасение души.

И мужские, и женские катарские дома были небольшими общинами. Подобно католическим монастырям, такие дома были местами, где проходило обучение неофитов. Неофитам полагалось прежде всего пройти послушничество. Этот испытательный период был достаточно долгим – в целом он длился «три поста», т.е. по крайней мере год, иногда дольше. И молодежь, и более зрелые люди учились следовать правилам воздержания, предусмотренным их верой, а также изучали теологию и учились нести просвещение Евангелием, чтобы быть допущенными к произнесению обетов. Вначале происходил обряд принятия в послушники – когда неофиты получали монашескую одежду и возможность произносить молитву христиан, *Pater*; потом, научившись жить в аскезе и овладев необходимыми знаниями о вере, они принимали *consolament* и вступали в религиозную жизнь.

В этих домах каждый *добрый мужчина* «и его еретические товарищи», каждая *добрая женщина* «и ее еретические подруги» жили на виду у всего населения, в общинах; они молились, работали и следовали своим правилам и постам. Монашеские общинные дома-ячейки – основа катарских Церквей, – судя по их количеству и расположению в густонаселенных пунктах, были явно небольшими и не шли ни в какое сравнение с огромными бенедиктинскими или цистерцианскими монастырями. *Добрые христиане* не были склонны к тому, чтобы изолироваться от мира и медитировать в своих «головокру-

жительных цитаделях»¹⁹. Наоборот, они предпочитали селиться в самой гуще христианского народа. В этих общинах, где даже для женщин не практиковалось затворничество, катарские монахи и монахини зарабатывали на жизнь своими руками, желая трудиться, как апостолы, «которые знали ремесла». Там часто создавались небольшие мастерские, где работали с шерстью, льном, деревом, костью, металлом.

По-видимому, катаризм, по крайней мере в Окситании, не был по преимуществу городским феноменом. Намного чаще, чем в больших епископальных городах – Тулузе, Альби, Каркассоне, Нарбонне, – он укоренился во владениях сельской аристократии, сеньориях графских вассалов, т.е. в динамичном и пестром обществе *castra*. *Castrum* (лат., мн. ч. *castra*) – это вид укрепленного поселения, характерного для сельской местности средиземноморского Юга между XI и XIII веками; каstrумы строились на возвышенностях, вокруг старой феодальной башни или церкви, и обносились стенами. *Castrum* был интересным примером укрепленного поселения, характерным для средиземноморского феодализма. Три сословия общества (те, кто воюет, кто молится и кто работает), обычно жестко сегрегированные, здесь делили общее небольшое пространство каstrума. Рыцарское сословие жило очень близко к простому люду, и монахи жили там же. Почти всегда знатная семья сеньора сама подавала пример, вступая в религиозную жизнь; особенно это касалось дам. Всякое слово, всякий образец и способ христианской жизни распространялись в этом обществе с быстротой ветра. Внутри стен каstrума никто никогда не говорил ни о ереси, ни о еретиках – все здесь были христиане.

¹⁹ Аллюзия на книгу М. Рокбера, посвященную горным цитаделям Окситании (*Roquebert M., Soula C. Citadelles du vertige*. Toulouse, 1966), в названии которой, в свою очередь, обыгры-

вается двойной смысл выражения «l'esprit du vertige» (лат. *spiritus vertiginis*) – «головокружение» и «дух заблуждения, дух непокорности» (см., напр., Ис 19:14).

Очень часто католический приходской священник дружил с *добрыми людьми*: вовлечение знати в их среду было дополнительным свидетельством их респектабельности. Катарский религиозный дом представлял собой цельный, завершённый пример монастыря в миру, непротиворечиво вписывавшийся в контекст средневековой христианской повседневной жизни.

Проповедники и проповедницы регулярно покидали свои общины для исполнения религиозного долга, а также навещали родственников и друзей в городе или его окрестностях. Поскольку они давали обеты общинной жизни, они, как и другие монашествующие того времени, не покидали своих религиозных домов без как минимум одного спутника или спутницы, называемых по-окситански *soci* (ж.р. *socia*). Это облегчало им выполнение других обетов и, в случае впадения в грех одного из них, давало возможность другому отпустить этот грех (как это практиковалось и у доминиканцев).

То, что среди катарского клира были и *добрые женщины*, способствовало укреплению религиозной традиции катаров в окситанском обществе. Как и их духовные братья, женщины имели право проповедовать (это происходило обычно в домах верующих и преимущественно для женской аудитории) – и даже осуществлять, в случае необходимости, таинство спасения души. До самых времён инквизиции и несмотря на массовые казни во время крестовых походов, среди катарского клира числилось немало *добрых женщин*. Привязанность женщин к этой форме христианства, признавшей за ними духовный и религиозный авторитет, является одной из причин массового успеха окситанского катаризма.

Другой важнейшей причиной процветания катаризма и одной из сильнейших сторон этой Церкви было

присутствие катарских монахов в самом сердце общества. Иногда разница между семейным домом и катарским домом была довольно размытой. Есть множество сведений о том, как целые семьи – отец, мать, сыновья и дочери, – принимали *consolament*. Обычно мужчины вместе уходили в мужской религиозный дом, а женщины – в женский; однако существовали и смешанные дома, когда мать семейства, *добрая женщина* со своей ритуальной спутницей, жила под крышей своего экс-мужа. Намного чаще встречались случаи, когда несколько женщин из одной семьи формировали религиозную общину – мать и дочь, бабушка и внучка, тетя и племянницы, свекровь и невестка, сестры – все они, *добрые женщины*, составляли некую «семейную общность».

В то время как среди католических монахов и монахинь большинство составляли посвященные девственники и девственницы, в «ордене еретиков» было очень много кающихся довольно зрелого возраста – вдовцов, вдов или пар, вырастивших многочисленных детей и теперь подумывавших о спасении своей души. Девочки, выращенные в катарском доме матерью или тетей, далеко не все принимали обеты: многие из них, достигнув совершеннолетия, возвращались в мир, чтобы выйти замуж и создать семью доброй верующей, а потом, лет через тридцать, когда жизнь уже станет клониться к закату, сделаться *доброй женщиной*. Человек, принимавший обеты катаров, вовсе не порывал связей ни с обществом, ни со своими близкими. *Добрые люди* оставались членами семьи: более того, семейные связи только крепли внутри самих общин. Крепость этих связей делала пример апостольской жизни видимым для всех и укрепляла Церковь в сердцах людей; на них основывалась базовая структура этой христианской Церкви. Многие

жители Лангедока считали катаров «добрыми христианами, которые имеют большую силу спасать души» (из показаний перед инквизицией).

Моралью Спасения, согласно концепциям катаров, могла быть только евангельская мораль. Смысл евангельской жизни для них основывался преимущественно на Нагорной проповеди: христиане у катаров должны были быть настолько «добрыми христианами», чтобы даже их противники не могли упрекнуть их ни в чем, кроме «лицемерия» их безупречной жизни. Катарские монахи следовали правилам «праведности и истины», взятым из евангельских предписаний. Они избегали убийства (в том числе и животных), лжи, осуждения, прелюбодеяния и т. д. – то есть тех действий, которые приводят ко злу и которые человек, принявший таинство духовного крещения, обязывался никогда более не совершать. Все это являлось для них грехом, сводящим на нет нисшедший на них Дух.

Миряне, или верующие, не должны были отречься от своих прежних католических привычек или привязанностей, но они признавали духовный авторитет *добрых христиан*. М. Рокбер в своей «Катарской эпопее» подсчитал, что, согласно показаниям, собранным в ходе процессов инквизиции, в начале XIII века в Лангедоке насчитывалось 40 000 верующих и более 1000 *добрых христиан*²⁰. Историки делают вывод, что большая часть населения Лангедока как минимум симпатизировала катарам. Многочисленные литературные, а позднее и юридические источники свидетельствуют о том, что «пример апостольской жизни» привлекал к *добрым людям* многих верующих.

²⁰ См., в частности: Roquebert M. L'épopée cathare. Vol. I. L'invasion 1198–1212. P., 2006. P. 142 ff.

Когда верующий или верующая встречали *доброго мужчину* или *добрую женщину*, они приветствовали их тройной просьбой о благословении, трижды склоняясь перед ними в земном поклоне: «*Добрый христианин (добрая христианка)*, просим благословения Божьего и вашего». На третий раз верующий добавлял: «И молитесь за меня Богу, чтобы Он сделал из меня *доброго христианина* и привел к счастливой кончине». *Добрые люди* отвечали им и благословляли. После третьего благословения верующий поднимался, прикасался лбом к плечу каждого из *добрых людей* и обменивался с ним тройным поцелуем мира, на старинный манер, в обе щеки, а потом в губы – «*caretas*» (милосердие). Между мужчинами и женщинами посредником служила Книга Евангелия. Эта простая практика, которую катарская Церковь называла *melhorier*, или обряд «устремления к лучшему» (но которую инквизиторы переводили на свой язык как «поклонение еретикам»), подчеркивала роль катарских монахов как заступников перед Богом за христианский народ, как посредников на пути к Спасению. Правда, слово «поклонение», рожденное антикатарской полемикой, не было безосновательным. В лице *добрых людей* верующие почтительно приветствовали Святой Дух, носителями которого *добрые мужчины* и *добрые женщины* становились после своего посвящения; сами *добрые люди* приветствовали друг друга при встрече точно так же. Под конец всякой ритуальной церемонии священство и верующие также обменивались поцелуем мира, мужчины между собой, а женщины – между собой. Строгие обеты целомудрия фактически запрещали катарским монахам любые физические контакты с лицами противоположного пола.

Документы показывают, что *добрые христиане* часто присутствовали за столом верующих. В начале каждой

трапезы – исключительно вегетарианской – старшие из *добрых мужчин* или *добрых женщин* благословляли хлеб, преломляли его и раздавали всем присутствующим. Этот ритуал, существовавший уже на рубеже первого и второго тысячелетий, заменял им евхаристию. Они делали это в память о Тайной вечере, но не считали, что едят Тело Христово, когда преломляют хлеб; для них соответствующие строки Евангелия²¹ символизировали Слово Божье, которое распространяется по миру.

Как уже говорилось выше, обряд *consolament* при посвящении послушника или при счастливой кончине умирающего, по сути, был одним и тем же. В обоих случаях важнейшим компонентом церемонии было личное вовлечение: например, нельзя было дать утешение маленькому ребенку, не достигшему сознательного возраста, чтобы говорить от своего имени, или умирающему, находящемуся в беспамятстве. В последнем случае, чтобы избежать такого драматического исхода, особенно во времена репрессий, появилась практика заключения заблаговременного взаимного соглашения, *convenensa*, между верующим, который просил утешения на ложе смерти, в каком бы состоянии он ни был, и Церковью, которая соглашалась дать ему утешение, даже если он будет без сознания.

Возложение рук *добрых людей* и дар Святого Духа делали из умирающего человека – христианина, грехи которого смыты. Поэтому он не должен был вновь впасть в грех и нарушить свои обеты. Последние часы, которые остались у него в этом мире, он жил, соблюдая правила и воздержания своего ордена и остерегаясь всякого греха – чтобы не утратить благодати своего отпущения и не потерять возможности спасти свою душу. Это соблюдение религиозной катарской аскезы

²¹ Лк 22:19.

на ложе смерти породило черную легенду об *endura*. Это окситанское слово, буквально означающее отсрочку, подразумевало, что до самой смерти умирающий или умирающая являются настоящими *добрым мужчиной* или *доброй женщиной*. Потому они должны были практиковать ритуальные посты на хлебе и воде, жить в общине и даже, если с момента *consolament* минуло достаточно времени, проходить монашеское покаяние перед диаконом, т. е. *aparelhament*. Именно поэтому всячески поощрялось, чтобы последние часы умирающий проводил в религиозном доме; если он получал утешение у себя дома, один или двое *добрых мужчин* или *добрых женщин* оставались у его ложа, составляя вместе с ним общину до последнего его вздоха – а также приглядывая за тем, чтобы какой-нибудь родственник из лучших побуждений не напоил его куриным бульоном вопреки правилам.

В инквизиционных протоколах и основанных на них сочинениях теологов слово *endura* трактовалось как название якобы существовавшего у катаров обряда медленного самоубийства. Некоторые авторы до последнего времени приводили в своих работах эту трактовку, хотя давно установлено, что подобное предположение не имеет ничего общего с реальностью и в последнем таинстве катаров нет ничего связанного с самоубийством. Наоборот, бывало так, что суровый режим благоприятно сказывался на здоровье больного и происходило что-то вроде чудесного исцеления. Катарские «Ритуалы» уточняют, что в этом случае выздоровевший мог выбирать, вернуться ли в мир (и тогда над ним повторно совершат обряд утешения, если он почувствует в этом необходимость) или вступить в религиозную общину в качестве послушника, а потом вновь пройти посвящение. Пейре-Рожер старший,

главный совладелец Мирпуа, испытал это на себе: впервые он получил утешение около 1202 года от местного диакона. Выздоровев, он решил отпраздновать свое исцеление и устроил грандиозный пир для всех *добрых людей* города. Через несколько лет, смертельно раненный, он вновь вызвал диакона Раймона из Мирпуа и получил счастливую кончину и прощение Божье.

Вся эта прекрасно разработанная христианская религиозная система исчезла, была стерта с лица земли в XIII столетии во Франции и Германии, в XIV столетии в Окситании и Италии, в XV столетии в Греции и Боснии. Нам остались свидетельства победителей, искажающие ее память, и не так давно найденные книги, повествующие о ее собственной теологической рефлексии. Даже сегодня некоторые историки, как и вся историография католической направленности, выступают с утверждением о том, что катаризм исчез из-за «внутренней доктринальной слабости», из-за утраты интеллектуальной силы; из-за того, что ему на смену пришли нищенствующие ордена, новая францисканская мистика, обновленная теология доминиканцев, более «современный» томизм. Однако в этих гипотезах перепутаны причины и следствия; кроме того, они не выдерживают исторической критики, основанной на анализе всего собрания источников.

В 1320-х годах, в горных деревнях Пиренеев, еще существовало иное видение этого вопроса: вот что, к примеру, рассказывала инквизитору некая Азалаис из Кассу:

«Гильельма говорила у очага, и мы все это слышали, что еретики были *добрыми людьми* и что они держатся своей веры лучше, чем мы, католики, нашей; что они вернее спасутся в своей вере, чем мы, католики, в нашей; что Церковь преследует их потому, что у нее слишком много

власти; и что если бы Церковь их не преследовала, то их было бы намного больше, чем нас...» (Показания Азалаис Буррет, 1321)²².

В этих словах словно слышится отголосок метафоры из проповедей Пейре Отье о том, что «есть две Церкви, одна бежит и прощает, а другая владеет и сдирает шкуру». Катары верили в то, что если их Церковь преследуема в этом мире, как Церковь Христа и апостолов, то она и является Церковью Христа и апостолов: «Если Меня гнали, будут гнать и вас» (Ин 15:20); «Вот, Я посылаю вас, как овец среди волков» (Мф 10:16). Реальность инквизиторской травли только подтверждала это убеждение. Ересь для одних, Церковь для других, эта вера умерла с последними *добрыми людьми*, смешавшись с их пеплом в Каркассоне, на берегах реки Од, в Тулузе, у подножия кафедрального собора Сен-Этьен, в Виллеруж-Термене. Но умерла она не от слабости, а в самом расцвете сил, своей теологии и веры. Погибла в результате систематических религиозных преследований, которые породили современные формы тоталитаризма.

Но даже тогда, на мрачной заре XIV века, *добрый человек* Пейре Отье проповедовал пастуху из горной деревни Монтайю о своих небесных надеждах: «Не бойтесь больше, но пребывайте в радости: ибо нас ожидают прекрасные дни. Если бы Вы знали, какие награды нам обещаны! – но мы не можем сказать об этом никому, кто не сделается *добрым христианином*, иначе Вы бы не вынесли всей горечи жизни на земле». (Показания Пейре Маури, 1324)²³.

²² Пер. Жана Дювернуа: Le Registre d'Inquisition de Jacques Fournier (1318–1325). 3 vols. P., 1978. P. 698.

²³ Le Registre d'Inquisition de Jacques Fournier. P. 925–926.

ОБ АВТОРЕ И ЕГО ХРОНИКЕ

С. Лихачева

«Песнь об Альбигойском крестовом походе» вобрала в себя две контрастные точки зрения на происходящие события. Уже при поверхностном чтении становится ясно, что произведение состоит из двух частей, разительных друг от друга как по сути, так и по форме. Внутритекстовые свидетельства подтверждают, что мы имеем дело не с одним, но с двумя авторами, из которых второй, оставшийся неизвестным, взялся продолжить труд первого. Два автора «Песни» принадлежат к противоположным лагерям: создатель первой части (131 лэсса, 2772 стиха) Гильем Тудельский – ярый поборник католической теократии; Аноним, оставшийся безымянным автор второй части (в два раза более пространной – 6810 стихов, поделенных на 83 лэссы), – пламенный окситанский патриот. Касательно идентификации анонимного автора существует целый ряд версий: С. Фабр отождествляет его с трубадуром Пейре Карденалем, итальянский филолог С. Гвида – с Ги де Кавальоном. Однако ни одна из них не представляется абсолютно убедительной.

«Песнь» осталась незаконченной. Обрывается она на моменте третьей осады Тулузы (1219), предпринятой принцем Людовиком, будущим королем Людови-

ком VIII. В данном издании содержится перевод первой части, написанной Гильемом Тудельским.

Аноним, автор второй части, избегает биографических отсылок, по всей видимости намеренно сохраняя инкогнито. Гильем Тудельский, напротив, всеми доступными ему средствами выдвигает себя на передний план, демонстрируя позицию подчеркнуто осознанного авторства. В первых же строках он сам представляется читателю (лэссы 1 и 9). Биографический (а также психологический) портрет автора складывается из его рассказа о себе самом, равно как и из внутритекстовых свидетельств. Зовут его Гийом (Гильем по-окситански), он родился и вырос в городе Тудела, в испанской Наварре; со временем переселился в Монтобан (город, ныне входящий в департамент Тарн и Гаронна) – около 1199 года, судя по приведенным датам и по тому, что автор присутствовал на свадьбе Раймона VI Тулузского с Альенор Арагонской (январь 1204 г., 1200 г. по Г. Пюилоранскому). В Монтобана Гильем прожил около одиннадцати лет, после чего, к 1211 году, переехал в Брюникель (Керси) и поступил на службу к младшему брату тулузского графа, Бодуэну. 6 мая 1212 года Симон де Монфор завоевал Сент-Антонен, городок в тридцати километрах от Брюникеля, и передал его Бодуэну; тогда же Гильем стал каноником в Сент-Антонене – благодаря протекции своего покровителя, а также магистра Тедиза, помощника легата Милона, и Жоффруа де Пуатье.

Что же представляет собой автор в социальном плане? Перед нами, несомненно, образованный клирик («us clerics», от лат. *clericus*, т.е. лицо духовное; однако тот же самый термин означает и просто человека грамотного, умеющего читать и писать на латыни, представителя класса, поставляющего писцов, секретарей, нотариусов).

Звание магистра («maestre Guilhelms») указывает на то, что он получил университетское образование. Гильем, скорее всего, принадлежал к одному из младших чинов Церкви, что позволило ему получить каноникат, т.е. бенефиций, вручаемый канонику (клирику, являющемуся членом кафедрального или коллегиального капитула). Случай Гильема отнюдь не уникален: в эпоху расцвета университетской культуры известны и другие примеры того, как интеллектуальный труд вознаграждался церковным саном и прибыльным бенефицием (так, в середине XII века Раймон Антиохийский наградил автора некоей песни о крестовом походе в Святую землю каноникатом в антиохийской церкви Святого Петра).

Гильем хорошо знаком с «литературной жизнью» своего времени, в особенности с традицией французского эпоса. Он то и дело ссылается на знаменитые *chansons de geste* (поэму «Рауль Камбрейский», «Песнь о Роланде», «Песнь об Антиохии», послужившую Гильему образцом), на «Роман о Трое» Бенуа де Сен-Мора, откуда заимствует аллюзии и сравнения. Впрочем, эта широкая осведомленность на поверку оказывается достаточно поверхностной. Что до расхожих сопоставлений, Гильем вполне способен сравнить доблесть своего покровителя графа Бодуэна с доблестью Оливье и Роланда. Однако стоит автору углубиться в сюжет поэмы менее известной, и он теряется в деталях: скажем, ссылаясь на события «Майнета», поэмы каролингского цикла, написанной в XII веке, он путает имена персонажей (93.33–36). Помимо эпической традиции автор, несомненно, знаком и с географическими сочинениями, и с бестиариями; и, разумеется, с Библией (впрочем, он и здесь тоже склонен к некоторой путанице). Притом Гильем демонстрирует познания общего характера в самых разных областях

средневековой жизни – в военном деле (специальные термины, имеющие отношение к оружию, доспехам, подробностям ведения осады), в церковных практиках (обычаи цистерцианского ордена), в повседневной жизни аристократии (названия дорогих тканей), в монетной системе разных регионов (названия денежных единиц). Он неплохо осведомлен в том, что касается исторического фона и ключевых событий эпохи, разбирается в генеалогиях северной и южной знати.

Интересно, что в первых же строках Гильем не без гордости заявляет о своих познаниях в геомантии: гадательной науке, близкой к астрологии (так, астрологические трактаты XII–XIII веков – знаменитые «*Archanum magni*», переведенные Бернардом де Гурдоном в 1295 году, и переводы с арабского, приписываемые Герарду Кремонскому, – используют геомантические знаки). По всей видимости, в XIII веке, в эпоху Гильема, геомантия постепенно утрачивает свой эзотерический характер. Каноник Гильем не видит ничего дурного в том, чтобы похвастаться своей причастностью к «колдовской науке». Провансальские геомантические трактаты начала следующего века, подробно рассмотренные П. Мейером (*Traité provençaux de géomancie*, Romania, t. XXV (1897), p. 225–275), в значительной степени представляют собой не более чем упражнения в риторике.

Авторская позиция Гильема обусловлена не только социальным статусом, но и отдельными аспектами его биографии. Как представитель католической Церкви и поэт, состоящий на службе у графа Бодуэна, перешедшего на сторону Монфора, Гильем положительно настроен по отношению к борьбе крестоносцев против альбигойской ереси и радуется их победам. Ересь воспринимается автором как настоящее безумие, а ее сторонники

выглядят в глазах Гильема как своего рода «неверные», глубоко погрязшие в заблуждении. Но в отличие от северных хронистов, чужих в этом краю, он не выносит приговор всем окситанцам в целом – он старательно балансирует на некой грани, симпатизируя и тем и этим. Южные приверженности дают о себе знать: Гильем горячо отстаивает благонадежность виконта Безьерского (лэсса 15); возмущается жестокостью рутьеров крестовоносной армии; хвалебный эпитет «pros», «доблестный», с равной легкостью употребляется им и по отношению к Монфору, и по отношению к Раймону VI («lo pros coms Ramons»), и к графу де Фуа («lo pros coms de Foïs»). Традиционно нейтральный стиль автора внезапно обретает особую выразительность как раз там, где Гильем, ориентируясь на адресата «Песни», излагает сомнительную или заведомо фальсифицированную версию происходящих событий: доказывает непричастность графа де Монфора к смерти виконта Безьерского в каркассонской тюрьме (лэсса 37), воспекает подвиги графа Бодуэна (песнь VII), причем позорная сдача крепости последним в обработке Гильема превращается в деяние великой доблести. Передача этих эмоциональных всплесков приобретает особую значимость, равно как и торжественные пространные славословия, разбросанные по тексту поэмы. Гильем, не жалея сил, воскуряет фимиам сильным мира сего – графу Бодуэну, своему покровителю и благодетелю, Альенору Арагонской, графине Тулузской (на ее свадьбе с графом Тулузским автор присутствовал лично), аббату Ситоскому (одному из предводителей похода), Симону де Монфору (тем более что покровитель и благодетель поэта состоит у него на службе), легату Тедизу, который посодействовал Гильему в получении канониката, епископу Фолькету Тулузскому и многим

более мелким участникам похода, например рыцарю Гильему де Контре (судя по количеству посвященных ему славословий, последний проявил по отношению к автору особую щедрость).

Итак, перед нами – автор, сознательно «работающий» на аудиторию и целиком и полностью зависящий от щедрости слушателей и покровителей, в первую очередь графа Бодуэна. С чисто литературной точки зрения поэт он весьма посредственный, в отличие от блистательного Анонима второй части. Стиль у Гильема довольно холодный и безликий, ему недостает рельефности; стих во многих местах хромает: автор позволяет себе неточные рифмы, лишние слова-«втычки», сбои ритма (дифтонг считает то за один, то за два слога), его язык изобилует чужеродными французскими заимствованиями. Однако, и это уже подкупающе индивидуальный штрих, сам Гильем свято убежден в собственной гениальности и в эпохальной значимости своего творения. Согласно принятому литературному этикету, Гильем призывает слушателей проявить подобающую щедрость по отношению к талантливому поэту и порицает тех, кто проявляет достойную осуждения скупость. Более того – в глазах автора «интеллектуальная собственность» (насколько это понятие применимо в контексте Средних веков¹) уже обладает коммерческим потенциалом. В контексте поэмы, уже обретшей своего заказчика, Гильем охотно рассуждает о своих дальнейших творческих планах: он намерен написать «новую песнь», посвященную еще одному актуальному событию современности: военной кампании христианских королей Испании против мусульман и их победе в

¹ См.: *Le Goff J. Les intellectuels au Moyen Âge.* P., 1985. P. i ff.

сражении под Лас Навас де Толоса (16 июля 1212 года). Такой сюжет, несомненно, созвучен духу эпохи и должен «хорошо продаваться».

Язык «Песни» – окситанский, изрядно контаминированный французскими формами. Но родным языком автора не являлись ни окситанский, ни французский: Гильем – уроженец Туделы, где говорили на одном из романских диалектов, близких к арагонскому. Однако в литературных кругах города поэтические произведения на окситанском и на северофранцузском, вероятно, были хорошо известны. С другой стороны, за одиннадцать лет, проведенных в Монтобане, Гильем, несомненно, неплохо овладел окситанским языком, а на службе у Бодуэна Тулузского словарь его обогатился французскими формами, изрядно облегчающими для него процесс версификации. Примеров французских заимствований можно отыскать множество: *mesira* (фр. *messire*), *chivacher* (фр. *chevaucher*), глагольные формы *seit* (фр. *soit*), *avoit*, *veneit* (вместо окситанских *sia*, *avia*, *venia*), артикли в сочетании с предлогами перед именами существительными женского рода *dels* и *als* (*dels peireiras*, *als albergas*) (вместо окситанского *de las*, *a las*). Говоря об изобилии окситанских форм, необходимо также учитывать влияние переписчиков: единственная рукопись «Песни», дошедшая до наших дней, переписана южанином, притом что между данной рукописью и оригиналом стоят как минимум один или два южных списка².

Гильем Тудельский, по его собственным уверениям, приступил к созданию «Песни» еще в Монтобане, в мае 1210 года. Однако, судя по датам описываемых событий,

² Об истории рукописи подробнее см.: La Chanson de la croisade albigeoise. Tome I / Ed., trad. E. Martin-Chabot. P.: Les Belles Lettres, 1976. P. XXI ff.

основной корпус сочинен на службе у графа Бодуэна (в Сент-Антонене), если и не по его прямому заказу, то по крайней мере с расчетом на него как на главного адресата. Да и окончательная редакция первых лэсс на самом деле относится ко времени гораздо более позднему – уже после назначения Арнольда-Амальрика, аббата Ситоского, архиепископом Нарбонны (12 марта 1212 года) и битвы под Лас Навас де Толоса (16 июля 1212 года): на эти два события автор ссылается в лэссах 5 и 7. Издатель «Песни» Э. Мартен-Шабо предполагает, что поэт работал с перерывами и брался за перо лишь тогда, когда узнавал какие-либо новые важные факты. Одна из такого рода пауз заметна в конце лэссы 47 (середина 1210 года), вторая – в конце лэссы 129 (зима 1213 года). Показательно, что автор доводит рассказ только до событий января-июля 1213 года (Педро II Арагонский собирается выступить на помощь к графу Тулузскому – лэсса 131 и последняя), т.е. прерывает повествование за шесть месяцев до казни графа Бодуэна по приговору его брата (февраль 1214 года). Причина этого неясна; повествование об Альбигойском крестовом походе впоследствии было продолжено Анонимом, в то время как следы Гильема Тудельского теряются. Невозможно утверждать доподлинно, разделил ли Гильем судьбу своего покровителя или просто потерял интерес к работе за отсутствием заказчика и спроса. В любом случае ключевая идея поэмы – прославление героического графа Бодуэна в контексте победоносного крестового похода в «землю ересей» – себя исчерпала.

Как современник похода, Гильем Тудельский подробно описывает развитие событий – едва ли не по дням и часам. Этим в первую очередь и ценна его хроника. Разумеется, сам Гильем не присутствовал лично при

каждом из эпизодов, о которых повествует, – он и не пытается ввести слушателя в заблуждение. Так, в конце лэссы 36, перечисляя крестоносцев, оставшихся при Симоне де Монфоре под Каркассоном и Безье, автор признает, что, знай он их всех лично и находясь он с ними, «книга была бы полней и песня была бы лучше». Однако, живя на юге, находясь в «горячих точках» (область Керси), общаясь с графом Бодуэном и, по всей видимости, с другими непосредственными участниками событий, Гильем был достаточно хорошо осведомлен обо всем происходящем. То и дело автор ссылается на своих информаторов. От некоего Понса де Мела, посланника короля Наваррского к Папе, он узнает о том, что происходило в Римской курии в 1209 году (лэсса 5), т.е. об обстоятельствах провозглашения крестового похода. Изарн, архидиакон Вьельмора, рассказал ему о еретиках Кассе (лэсса 84); байль и прево графа Бодуэна сообщили подробности осады Муассака (лэсса 119). Можно назвать также некоего магистра Николая, кума и приятеля автора, «пострадавшего» в битве при Сен-Мартене в сентябре 1211 года (лэссы 98, 99). Эти ссылки – не просто указания на источники информации. Благодаря им хроника Гильема как бы вписывается в некий коллективный гипертекст, отдельные части которого автор дополняет, проясняет, опровергает или улучшает. Таким образом, автор предстает фигурой отнюдь не обособленной: присутствие множества рассказчиков создает эффект многоголосия и вводит в хронику коллективный дискурс.

Хронология Гильема не всегда точна; зачастую автор ограничивается тем, что датирует то или иное событие только месяцем или днем недели, а то и приближенностью к тому или иному церковному празднику – такая

хронологическая приблизительность вообще свойственна средневековой историографии. Ошибок в повествовании на удивление мало: последовательность событий сбивается только единожды: в изложении Гильема Сен-Жильский совет имел место уже после взятия Терма (лэсса 58; на самом деле – несколькими месяцами раньше). В фактологии путаницы тоже почти нет: разве что «Арльский» совет (насчет которого автор и сам не вполне уверен) на самом деле проходил в Монпелье в начале февраля 1211 года (лэсса 59), и несколько преувеличена длительность осады Терма (лэсса 56), что вполне можно списать на поэтическую вольность. Практически везде и во всем повествование Гильема согласуется с рассказами иных хронистов, его современников. Это, несомненно, придает убедительности и тем фактам, которые нигде более, кроме как в «Песни», не упомянуты: как, например, разорение крестоносцами Керси и Ажене в 1209 году (лэсса 13) или посредничество Педро II Арагонского в переговорах накануне капитуляции Каркассона (лэссы 26–32).

Поэма Гильема Тудельского, длиной в 2772 строки, делится на так называемые лэссы (всего 131) разной длины, причем длина каждой из лэсс обусловлена рифмой; в среднем по 20–25 строк в каждой; в самой длинной (лэсса 56) насчитывается 46 строк, в самой короткой (лэсса 119) – всего 8. Каждая лэсса заканчивается «подвеской», укороченным стихом из шести слогов, задающим рифму для лэссы последующей.

В «Песни» насчитывается 32 мужские рифмы и 17 женских (по контрасту, во второй части, за авторством Анонима, 25 мужских рифм и всего 3 женские). Немногие ассонансы с легкостью превращаются в рифмы, если скорректировать чисто окситанские формы, привнесен-

Сен-Жильское аббатство

*Когда Тулузский граф известье услышал,
Что захватили Терм, в Сен-Жиль он поскакал:
Там рыцари и клир созвали трибунал...*

Могила Петра де Кастельно внутри

*Так к Господу Отцу дух Пейре воспарил,
А тело бренное Сен-Жиль в стенах сокрыл...*

Безье. Церковь Сен-Мадлен.

Безье. Собор Сен-Назер

*Собор, что мэтр Жерве воздвиг, Господь не спас,
И стены треснули, и надвое каркас
Расколот был огнем.*

Каркассон.

*Был пригород сожжен, а города народ
Тесним и окружен, и перекрыт подход
К течению реки, что прозывалась Од.
И не один был установлен камнемет,
Чтоб днем и ночью бить в твердь башен и ворот...*

Каркассон. Вид города и стены с фресками.

Минерв.

Реконструированная
катапульта.

*Сеньоры, уж зимы минула половина,
И вешнее тепло повеяло в долины,
Когда Монфорский граф, собрав свою дружину,
Пошел на град Минерв, что близ морской пучины,
И там осадой встать задумал для почину.
Меж катапульт его глава - Мальвуазина,
В высоких стенах брешь пробили те машины...*

Терм.

*Сеньоры, слушайте, как власть явил сполна
Христос, и крепость Терм была покорена.
Уж девять месяцев противилась она,
Когда колодцы пересохла все до дна...*

Ластур (Кабарет)

*...А на рассвете дня войска, закончив сборы,
Пошли на замок Кабарет в глухие горы
И объявили там условия договора.
Всем изложил Бушар условие, с которым
Вмиг согласились обе стороны без спора.
На башне ж знамя графа Форт подняли споро.
Так замок взяли крестоносцы де Монфора -
Был занят Кабарет без крови и раздора...*

Тулуза.

Тулуза – Юга цвет и лучшая из роз...

Фуа. Замок.

Фуа. Собор Сен-Волузьен.

*Едва рассветный луч позолотил простор,
 Большое войско на Фуа повел Монфор...
 Пробыв до осени в краю Фуа, средь гор,
 Рать крестоносцев, что чинила там разор,
 Посевы и хлеба сжигая словно сор,
 Надумала отбыть - и протрубила сбор...*

Лиму.

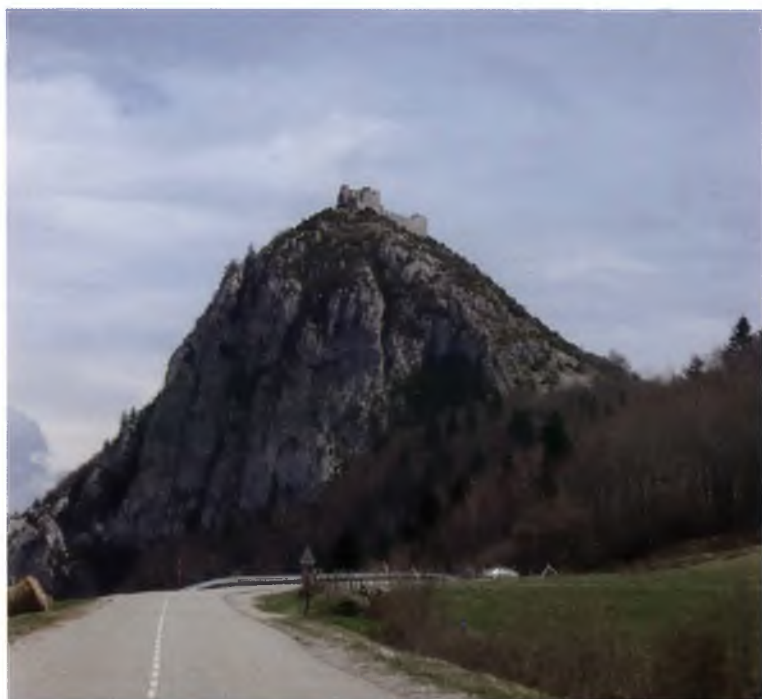

Мирпуа

Авиньонет

Монсегюр

Альби

ные в текст переписчиками (напр., *benaziga* > *benazia* в лэссе 3 с рифмой на-*ia*). Во имя рифмы Гильем Тудельский охотно использует формы, почерпнутые из разных диалектов, равно как и из французского языка. В предисловии к своему изданию «Песни» П. Мейер приводит таблицу использованных поэтом рифм, как чисто французских (-*a*, как в *ama*, *monta* и т.д.) и чисто провансальских (-*ac/-ag*, задающихся, в частности, топонимами – *Galhac*, *Laurac* etc., -*ai*, -*ar*, -*atz*, и т.д.), так и смешанных, окситанско-французских (-*al*, -*ot*)³.

Произведения сходной структуры, написанные до «Песни», как на французском, так и на окситанском, в том числе и исторические, предполагали декламацию под музыкальный аккомпанемент вьелли или другого струнного инструмента, причем мелодия повторялась от строфы к строфе. Скорее всего, именно так преподносилась аудитории и «Песнь об Альбигойском крестовом походе». Разумеется, поэма такой длины никак не могла быть выслушана целиком за один раз и исполнялась фрагментами. Во французских шансон де жест определенные фразы, с которыми автор обращается к аудитории, служат маркерами тех мест, где повествование временно прерывалось. У Гильема Тудельского такие фразы-маркеры обнаруживаются в начале лэссы 2, ближе к концу лэссы 9, а также в начале лэссы 12, 23, 34, 48, 57, 64, 70, 79, 85, 88, 103, 105, 108, 122, 129, 130. Наиболее распространенный маркер – обращение «сеньоры» («*senhors*»), им открывается целый ряд эпизодов. А также – личные размышления автора, которыми завершаются лэссы 47, 68 и 130. В соответствии с этим

³ Подробнее см.: La chanson de la croisade contre les albigeois, commencée par Guillaume de Tudèle et continuée par un

poète anonyme. Tome I / Ed. P. Meyer. P., 1875–1878. P. XCV ff.

внутритекстовым членением на относительно самодостаточные фрагменты в издании Э. Мартена-Шаболэссы сгруппированы в пролог и двенадцать более или менее равных по объему эпизодов (2–11, 12–22, 23–33, 34–37, 48–56, 57–68, 69–78, 79–87, 88–102, 103–111, 112–121, 122–131), в каждом приблизительно по 200 стихов. Для удобства восприятия каждому эпизоду издатель присваивает условное название, в исходной рукописи отсутствовавшее; это деление сохранено и в переводе.

Произведение Гильема Тудельского – одновременно исторический памятник и литературное произведение, рассказ о событиях Альбигойского крестового похода, облеченный в поэтическую форму (в отличие от двух других, прозаических латинских хроник Петра де Во де Серне и Гильема Пюилоранского). Перед нами некий «сплав» из трех составляющих: по формальным признакам произведение Гильема возможно отнести одновременно к жанру стихотворной исторической хроники и к жанру эпической песни, и при этом в нем отчетливо ощущается влияние окситанской лирической поэзии – так называемых *coblas carcaudadas*. Это жанровое своеобразие в меньшей степени, чем личные пристрастия и жизненная ситуация Гильема Тудельского, наложило определенный, собственно литературный отпечаток на подбор и описание событий, оценку действий и характеров ее участников и общей исторической ситуации.

Название, под которым нам известна поэма, не более чем изобретение современных издателей. Показательно, что Клод-Шарль Фориэль, первый издатель хроники, опубликовал ее под названием «История крестового похода против альбигойских еретиков» (*Histoire de la croisade contre les hérétiques albigeois*), однако в последующем издании Поль Мейер заменил слово «история»

словом «песнь» и, учитывая терпимость автора к южной стороне, убрал слово «еретики» (*La chanson de la croisade contre les albigeois*). Термин «chanson» более чем оправдан: именно так называет свое произведение сам автор: «cansos» и «gesta», т.е. эпическая песнь, шансон де жест.

В главе, посвященной созданию национальных эпосов, Гастон Парис, французский филолог-медиевист XIX века, заложивший основы французской школы романской филологии, формулирует следующие характерные черты эпической песни⁴:

– *Эпическая песнь неизбежно носит обобщенный характер, т.е. выражает идеалы и чувства нации в целом или по крайней мере класса военной аристократии.* Это вполне применимо к «Песни» Гильеми Тудельского: пересказывая события Альбигойского крестового похода, он выступает представителем своего класса, вписывая баронов-крестоносцев, «воинов Христовых», в эпический контекст эпохи Роланда и Карла Великого (напр., лэсса 93).

– *Эпическая песнь обыкновенно носит воинственный характер, поскольку именно в войне против иноземных врагов люди преисполняются общего энтузиазма и ощущения солидарности.* И это определение тоже вполне применимо к «Песни»: именно военная тема, тема крестового похода (как и в «Песни об Антиохии»), становится здесь ключевой – но это крестовый поход в христианские земли, война христиан против христиан.

– *Эпическая песнь носит национальный характер <...>, она – спонтанное и непосредственное порождение национального духа.* И здесь мы наблюдаем интересный парадокс: учитывая принадлежность Гильеми

⁴ Paris G. La littérature française au Moyen Age (X–XIV siècle). P., 1890. P. 33.

Тудельского к южному священству и его частичную самоидентификацию со стороной южан, гильемовская шансон де жест, непосредственное выражение «национального духа», оказывается эпосом нации, которая утрачивает свою национальную независимость, иначе говоря – эпосом о денационализации.

«Песнь» Гильема Тудельского возможно отнести и к жанру исторических стихотворных хроник: на примере бытования «Песни» любопытно проследить преемственность и эволюцию данной традиции. Хроники такого типа существовали и прежде, как на французском, так и на окситанском – как историческое повествование, облеченное в поэтическую форму. Наличие рифмы и разбивка на лэссы, или строфы, позволяли декламировать текст под музыкальный аккомпанемент, удерживая тем самым внимание публики. Сходная форма использована во французской истории святого Фомы Кентерберийского, написанной англо-нормандским автором Гervасием де Пон-Сен-Максенсом⁵ в Лондоне четыре года спустя после гибели Фомы Бекета (6180 alexandрийских стихов, моноримы по пять строк в каждой строфе), в исторической хронике Третьего крестового похода, записанной свидетелем-очевидцем, нормандским жонглером Амбруазом (12 000 восьмисложников)⁶, в биографии Гильема ле Марешаля, регента Англии с 1216 по 1219 год, записанной около 1220 года (19 214 восьмисложников)⁷. А также – в «Песни об Антиохии» (*Chanson d'Antioche*), поэме из Первого цикла Крестовых походов, что приписывается северофранцузскому или фламандскому

⁵ *Guernes de Pont-Sainte-Maxence. La vie de saint Thomas le martyr* / Ed. E. Walberg. Upsal, 1922.

⁶ *L'estoire de la guerre sainte, histoire en vers de*

la troisième croisade (1190–1192) / Ed., trad. G. Paris. P., 1897.

⁷ *L'histoire de Guillaume le Maréchal* / Ed. P. Meyer. 2 vols. P., 1891–1901.

труверу Грендору из Дуэ, который около 1190 года якобы переработал более раннюю поэму, за авторством некоего Ришара Пилигрима («Richart le Pelerin cil qui la Chanson fist...»), очевидца осады, продолжавшейся восемь месяцев. Она посвящена событиям 1097–1099 годов: это апогей Первого крестового похода, захват Антиохии и Иерусалима и возникновение королевств крестоносцев на Ближнем Востоке. «Песнь» рассказывает о провозглашении крестового похода, о том, как могущественные бароны принимали крест; о приготовлениях к отъезду, о прибытии в Константинополь и об осаде и взятии Антиохии; после того «Песнь» прослеживает путь крестоносцев до Иерусалима. В середине XII века на ту же тему на окситанском языке была написана «Песнь об Антиохии» (*Canso d'Antiocha*), от которой сохранился только небольшой фрагмент⁸; возможно, обе традиции, французская и окситанская, восходят к одному и тому же утраченному оригиналу. Полутора столетиями позже антиохийских событий Гильем Тудельский, очевидец иного крестового похода, воскрешает кровопролитные сцены «*Canso d'Antiocha*». На этом тексте основаны структура и композиция его собственной хроники: повествование начинается с провозглашения Папой крестового похода в «землю ересей», сбора первой крестоносной армии, прибытия крестоносцев в земли Тренкавелей и захвата Безье и Каркассона.

Если «Песнь об Антиохии» послужила для Гильема Тудельского образцом для подражания (он пишет в той же манере, двенадцатисложным александрийским стихом, поделенным на неравные лэссы; правда, «под-

⁸ Fragment d'une chanson d'Antioche en provençal / Ed., trad. P. Meyer // Les Archives de l'Orient latin. Vol. II. P. 1884. P. 467–509.

вески» в исходном оригинале отсутствуют), то «Песнью об Альбигойском крестовом походе», в свою очередь, вдохновлялся потом тулузский трубадур Гильем Анелье (Guillaume Anelier de Toulouse) при написании собственной исторической поэмы на окситанском языке про войну в Наварре (1276–1277)⁹. Он подражает стилю и композиции «Песни», особенно второй ее части, однако именно Гильему Тудельскому он обязан *coblas carcaudadas*. Историческая ситуация в Памплоне, описанная в поэме Анелье, весьма близка к событиям «Песни»: здесь тоже речь идет о французской интервенции и насильственной смене власти. В 1276–1277 годах, когда королева Иоанна Наваррская еще не достигла совершеннолетия, в Памплоне началась усобица: население города уже давно поделилось на две фракции, прокастильскую и проарагонскую, и теперь фракции ополчились друг на друга. В ходе смуты прокастильской знатью был убит губернатор города из числа наваррской знати, Педро Санчес де Монтагут, и король Франции Филипп III Смелый, опекун малолетней Иоанны, ввел в Памплону войска, подавил бунт и, восстановив порядок, жестоко отомстил восставшим и разорил город. Женив на принцессе Иоанне своего сына Филиппа, он приобрел для своей династии право наследовать ее владения, в частности королевство Наваррское; сама Иоанна с тех пор жила во Франции и в Наварру больше не возвращалась. Тем самым Наварра перешла под французскую юрисдикцию, повторив судьбу Окситании. Произведение Гильема Анелье сложено около 1280 года, т.е. вскорости после описанных событий.

⁹ Guillaume Anelier de Toulouse. Histoire de la guerre de Navarre de 1276 et 1277 / Ed., trad. F. Michel. P., 1856.

В предисловии к своему изданию «Песни об Альбигойском крестовом походе» П. Мейер анализирует параллели между нею и поэмой Гильема Анелье: совпадающие строки и стихи и целые фрагменты (в частности, перечисление защитников бурга Памплоны и описания сражений). Любопытно, что у Гильема Анелье используются два типа лэсс «Песни об Альбигойском крестовом походе»: *coblas carcaudadas* Гильема Тудельского и *coblas carfinidas* анонимного продолжателя.

«Песнь об Альбигойском крестовом походе», будучи вписана в рамки традиции шансон де жест и традиции стихотворных исторических хроник, обеспечивает своего рода преемственность: из подражания уже существующим образцам, в свою очередь, превращается в модель для подражания и задает определенный стандарт для поэта следующего поколения. Но есть и третья жанровая составляющая, к которой нам следует обратиться: окситанская лирическая поэзия.

Как говорилось выше, в «Песни» Гильема Тудельского, состоящей из моноримных лэсс (что характерно для французских шансон де жест), каждая лэсса заканчивается укороченным шестисложным стихом (семисложным, если рифма – женская). Этот заключительный стих, который мы называли «подвеской», заканчивается рифмой, отличной от сквозной рифмы предыдущей лэссы и задающей рифму для лэссы последующей. Такая форма соответствует тому, что в окситанской поэтике называлось *coblas carcaudadas* (или *carcoadas*). Следует уточнить, что анонимный продолжатель использует несколько другую форму. Во второй части «Песни» лэссы также заканчиваются укороченным шести-семисложным стихом – «подвеской», но «подвеска» эта не рифмуется с последующей

лэссой, а повторяется в первой строчке последующей лэссы, обеспечивая связь между ними: финал одной лэссы преобразуется в начало следующей. Такая форма, под названием *coblas carfinidas*, также заимствована из лирической поэзии трубадуров.

Термином *cobla* обозначается строфа в окситанской лирической поэзии, т.е. в поэтическом искусстве трубадуров. Испанский филолог Мартин де Рикер, автор книги «Трубадуры: история литературы и тексты», определяет «коблу» как «метрическое единство, число стихов и распределение рифм которого повторяются в нескольких частях стихотворения и которое, в свой черед, представляет собой мелодическое единство»¹⁰. Авторы романских поэтик XIII–XIV веков в своих трактатах (в частности, Гильем Молинье, первый «канцлер веселой науки» в «Законах любви» (*Leys d'Amor*)) перечисляют основные типы строф. По системе рифмовки *coblas* бывают, в частности, *однозвучные*, или *моноримные* (*unissonans*, или *monorrimas*) – т.е. все рифмы начальной строфы непременно сохранялись в заданном порядке во всех остальных, притом что внутри каждой отдельной строфы строки могли не рифмоваться. Менее распространены *одиначные коблы* (*coblas singulares*: общая система рифмовки внутри строф не меняется, однако каждая последующая строфа не сохраняет набор рифм предыдущей, рифмы в ней свои), а также *двойные* или *тройные* (*doblas* и *ternas*, т.е. одни и те же рифмы сохраняются на протяжении каждых двух или трех строф) и т.д. Термином *coblas carcaudadas* обозначают строфы, в которых последняя рифма одной коблы становится первой рифмой в кобле

¹⁰ De Riquer M. Los Trovadores: historia literaria y textos. Barcelona, 1975. P. 40.

последующей. Если это монорим – как в случае не лирической, но нарративной поэзии, – со всей очевидностью, финальная рифма будет использована на протяжении всей последующей лэссы, что мы и наблюдаем у Гильема Тудельского.

Простейшую разновидность *coblas carcaudadas* можно проиллюстрировать на примере произведения Раймбаута д'Ауренги (Раймбаута Оранского, ок. 1147–1173) под названием «Joglar, fe qed eu dei» («Жонглер, клянусь верой...»): каждая строфа представляет собою монорим с использованием своей собственной, отдельной рифмы, но последняя строка задает рифму для последующей строфы: aaaaab / bbbbbc / ccccd и т.д. Рифма последней строки служит как бы рефреном, соединяющим финал одной коблы и начало другой.

Joglar, fe qed eu dei
A Dieu ni a ma donna ni a mei,
Qauzutz son en esfrei
Q'ar mais ancor non vei
Lieis a cui totz m'autrei
*Per ar e per totz **tems**.*
*E serem mais ense**ms**,*
Eu sai, q'ò tol ma domna. Qar trop tems?
L'un oil me-n fus redems
Q'eu non temes t'estrems;
Sol vos – se-n era sems –
*Meins no m-en presase**tz**.*
*C'anc fams, ni sons, ni **setz***
No-m destreis tan, uns ni tuig millia vetz,
Com fai sos talans fretz.
Q'èn breu de vent m'abretz
Car vos non vei, cui letz
De sofrir mon perill... etc.

Coblas capcaudadas могут использоваться и в формах более сложных, в сочетании с *чередующимися коблами* (*coblas alternadas* – одна и та же система рифмовки повторяется из строфы в строфу, однако сами рифмы меняются). Хорошим примером послужит стихотворение Бернарта де Вентадорна «Non es meravelha s'eu chan» («Немудрено, что я пою...»)¹¹: его строфы отличаются крайней усложненностью, но везде между двумя строфами наличествует связующая рифма:

*Non es meravelha s'eu chan
melhs de nul autre chantador,
que plus me tra-l cors vas amor
e melhs sui faihz a so coman.
cor e cors e saber e sen
e forsè poder i ai mes;
si-m tira vas amor lo fres
que vas outra part no-m aten.
Ben es mortz qui d'amor no sen
al cor cal que dousa sabor;
e que val viure ses valor
mas per enoi far a la gen?
ja Domnedeus no-m azir tan
qu'eu ja pois viva jorn ni mes,
pois que d'enoï serai mespres
ni d'amor non aurai talan.... etc.*

В своем предисловии к изданию «Песни», анализируя версификацию Гильема Тудельского, П. Мейер ссылается на два сочинения, построенные на моноримных лэсах, на конце которых присутствует укороченный стих, рифмующийся с последующей лэссой. Это, во-первых,

¹¹ На русском языке кансона опубликована в переводе В. Дынник. См.: *Бернарт де Вентадорн. Песни*. М., 1979. С. 22 ff.

прение между еретиком-«совершенным» и инквизитором (*Las Novas de l'heretge*)¹² и, во-вторых, уже упомянутая нами выше поэма о войне в Наварре Гильема Анелье – т.е. оба примера взяты из нарративной, а не лирической поэзии. Тем самым мы видим, как *coblas carcaudadas*, тип строфы, возникший в лирической поэзии и функционирующий как элемент формообразующий и декоративный, проникает в иной жанр, в эпическую поэзию, где берет на себя те же функции.

Рукописи

«Песнь об Альбигойском крестовом походе», как и большинство произведений провансальской литературы (за исключением лирической поэзии трубадуров), полностью сохранилась лишь в одной-единственной рукописи (в издании Э. Мартена-Шабо она обозначена буквой A): эта рукопись хранится в Национальной библиотеке Франции в Париже (BnF fr 25425). Она состоит из 120 листов тонкого пергамена¹³, пронумерованных постранично с 1 по 239. Текст написан южнофранцузским круглоготическим шрифтом. В каждой строке цезура обозначена точкой. Инициалы лэсс либо красные и украшены фиолетовой филигранью, либо синие с красной филигранью. На тринадцати страницах, в начале или внутри лэссы оставлено место для миниатюр: нераскрашенные рисунки выполнены черными чернилами и занимают, как правило, половину страницы, выступая за границы текста.

¹² Текст прения, с переводом на современный французский и комментариями, был опубликован П. Мейером в ежегодном бюллетене Французского исторического общества: Meyer P. Le Débat d'Izarn et de Sicart de Figueiras // *Annuaire-bulletin de la Société de l'histoire de France*. Vol. 16. 1879. P. 233–292.

¹³ П. Мейер ошибочно говорит о 169 листах (С. XXIV его издания «Песни»); эта же ошибка повторяется в каталоге французских рукописей Национальной библиотеки, т. II (1902). P. 589.

Для кого была изготовлена рукопись, неизвестно. В 1337 году она принадлежала южанину, возможно, жителю Керси или Альбижуа, по имени Джордан Капелла (Jourdain Capella); судя по надписи на стр. 239, он оставил рукопись в залог, взяв в долг 15 турских грошей. В XVII веке кодекс оказался в библиотеке кардинала Мазарини; впоследствии его купил советник Людовика XV, крупный коллекционер Пьер-Поль Бомбард де Белью; а потом рукопись попала в библиотеку герцога де Лавальер. В 1780 году кодекс приобрела Королевская (нынешняя Национальная) библиотека за 180 ливров. В парижской библиотеке Арсенала хранится также сделанная с него копия (Bibliothèque de l' Arsenal ms. 3321).

Рукопись № 25425 создана около 1275 года; неизвестно, сколько промежуточных копий отделяет ее от оригинала. Остается лишь гадать, много ли изменений переписчик внес в орфографию и язык авторов двух частей «Песни». Однако, поскольку переписчик, по всей видимости, был родом из области, в которую входят Тулузен, Керси и Альбижуа, а также Муассак, Комменж и графство Фуа, откуда, вероятно, происходит и Аноним, автор второй части, разумно предположить, что изменениям подверглась главным образом первая часть: французские формы заменялись на более привычную окситанскую орфографию. Отдельные ошибки легко исправляются на основе контекста (*Bergonha* вместо *Narbona*, *Guincestre* вместо *Leicestre* и т.д.). Кое-где пропущены строки – как александрины, так и шестисложные «подвески» (4-я и 23-я лэссы). Существуют также два фрагмента рукописей, не сохранившихся до наших дней¹⁴, и два анонимных окситанских

¹⁴ Один был опубликован Ф. Ренуаром (Raynouard F. *Lexique roman ou Dictionnaire de la langue des troubadours*. Т. I, Р., 1838. Р. 226–229; в издании Э. Мартена-Шабо обо-

значен буквой R); второй включен в анналы Керси, составленные между 1600 и 1614 годами знатным уроженцем того края, Гийоном де Мальвилем (обозначен буквой G).

прозаических переложения «Песни» (скорее всего, оба автора пользовались рукописью, не дошедшей до наших дней и не вполне совпадающей с рукописью А). Первое (обозначено буквой L), за авторством некоего тулузского юриста XV века, было опубликовано О. Молинье в томе VIII нового издания «Истории Лангедока»¹⁵ (критическое издание, основанное на трех известных ему рукописях). Рукопись второго прозаического переложения (обозначено буквой M), не лучшим образом сохранившаяся, находится в библиотеке замка Мервиль (Верхняя Гаронна). Автор этого текста, по всей видимости, родом из Тулузы или ее окрестностей; судя по стилю, языку и почерку, рукопись относится к началу XVI века¹⁶. Создавалась она независимо от первой и ничуть не более точна. Авторы обоих переложений, враждебно настроенные по отношению к крестовому походу, сокращают и перерабатывают одни фрагменты оригинала и удлиняют другие, предлагая собственную интерпретацию тех или иных событий исходной «Песни».

Издания

Первым изданием «Песни» стало издание прозаического переложения L в числе прочих исторических источников в 1737 году о. Ж. Вессетом¹⁷ в третьем томе «Истории Лангедока»; оно же было переиздано в 1833 году в XIX томе «Recueil des historiens de la France». В предисловии к данному тому составители утверждали, что, несомненно, знали о существовании рукописи А, но в качестве истори-

¹⁵ Оно же существует в виде отдельного издания: *Histoire Anonyme de la Guerre des Albigeois*. Nîmes, C. Lacour, 2001.

¹⁶ См.: *Huit ans de Guerre albigeoise: édition avec notes et commentaires de la version en ancien occitan offerte par le manuscrit de Merville* / Ed. D. Hoekstra. Groningen: Rijksuniversiteit Groningen, 1998.

¹⁷ *Histoire de Languedoc*. Т. III. P., 1737. Col. 1–104. Переиздание «Истории», продолженное и расширенное А. дю Межем, в т. IV и V (Toulouse, 1842) содержит литографии всех иллюстраций из рукописи А, за исключением изображения IV Латеранского собора.

ческого источника предпочли использовать прозаическое переложение, поскольку «магистру Гильему Тудельскому» недостает сдержанности и беспристрастности.

В 1838 году Франсуа Ренуар опубликовал пространные фрагменты «Песни» (в целом около 1200 стихов) с переводом на французский и кратким анализом остальной части поэмы, включив их в первый том своей «Романской лексики» под названием «Хроника альбигойцев» (*Chronique des Albigeois*)¹⁸.

Первое полное издание поэмы вместе с переводом текста на французский язык осуществил французский историк и лингвист Клод-Шарль Фориэль (1772–1844) по заказу Ф. Гизо для серии «Documents inédits sur l'histoire de France»: он подробно изучил и проанализировал «Песнь» еще в процессе работы над переводом ее отдельных фрагментов для своей «Истории провансальской поэзии»¹⁹. Его издание «Песни» снабжено предисловием, примечаниями, географической картой и факсимильным изображением стр. 81 из рукописи А (фрагмент лэссы 143 и иллюстрация к IV Латеранскому собору 1215 года).

В 1875–1878 годах Поль Мейер (1840–1917), французский филолог, ведущий специалист по провансальской и старофранцузской литературе, осуществил новое, двухтомное издание «Песни»: в первый том вошли критический текст оригинала и словарь, во второй – перевод «Песни» на французский язык, комментарии и странное предисловие²⁰.

¹⁸ Raynouard F. Lexique roman ou Dictionnaire de la langue des troubadours. T. I. P., 1838. P. 226–229.

¹⁹ Fauriel C. Histoire de la poésie provençale. Cours professé à la Faculté des lettres de Paris [1831–1832]. P., 1836. 3 vols. *Id.* Histoire de la croisade contre les hérétiques albigeois, écrite en vers provençaux par un poète contemporain. P., 1837.

²⁰ La chanson de la croisade contre les albigeois, commencée par Guillaume de Tudèle et continuée par un poète anonyme / Ed. P. Meyer. P., 1875–1878. 2 vols. См. также: *Id.* Notes additionnelles au tome II de La chanson de la croisade contre les albigeois // Annuaire-Bulletin de la Société de l'histoire de France. T. XVI. 1879. P. 286–292.

За основу нашего перевода взято трехтомное аннотированное издание «Песни», опубликованное в серии «Классики истории Франции времен Средневековья», с параллельным французским переводом Эжена Мартена-Шабо²¹. За полстолетия, отделяющие издание П. Мейера и Э. Мартена-Шабо друг от друга, исследования в области окситанистики существенно продвинулись вперед, что позволило Э. Мартену-Шабо прояснить многие неясности и спорные места предшествующего издания, устранить неизбежные ошибки, снабдить текст значительно более развернутым научным аппаратом и сопоставить разночтения в основных рукописях (не все из которых были доступны П. Мейеру и Ф. Ренуару). В придачу к изданию Мартена-Шабо переводчики также пользовались двухтомником П. Мейера, снабженным, в частности, сводным списком рифм (что существенно облегчало задачу по сверке соотношения женских и мужских рифм и определения их частотности).

Следует также упомянуть популярные издания, рассчитанные на массового читателя: выполненный александрийским стихом перевод Мари Лафон на современный французский (основой для этого перевода послужило издание Фориэля); перевод Ж. Одью избранных эпизодов из обеих частей «Песни» и карманное издание из серии «Lettres Gothiques» – адаптированный перевод Анри Гуго на основе трехтомного издания Э. Мартена-Шабо²².

²¹ La chanson de la croisade albigeoise. T. I: La chanson de Guillaume de Tudele / Ed., trad. E. Martin-Chabot. P.: Les Belles Lettres, 1931 (Classiques de l'histoire de France au Moyen Âge, 13). La chanson de la Croisade albigeoise. T. II-III: Le poème de l'auteur anonyme / Ed., trad. E. Martin-Chabot. P.: Les Belles Lettres, 1957–1961 (Classiques de l'histoire de France au Moyen Âge, 24–25).

²² La croisade contre les albigeois, épopée nationale / Trad. M. Lafon. P., 1868. La chanson de la croisade contre les Albigeois, principaux épisodes / Trad. J. Audiau. P., 1924. La chanson de la croisade albigeoise. Adaptation de Henri Gougaud, introduction de Michel Zink. P.: Librairie générale française (Le Livre de poche. Lettres gothiques, 4520), 1989.

Несколько слов о переводе

Первый же вопрос, который вынужден решить для себя переводчик «Песни об Альбигойском крестовом походе», – это вопрос соблюдения формы. Как говорилось выше, «Песнь» написана александрийским (шестистопным) стихом, типичным для средневековых стихотворных хроник, о чем автор сообщает в первых строках, ссылаясь на выбранный им образец для подражания – «Песнь об Антиохии». Одной из целей, нами поставленных, было точное воспроизведение формы оригинала: его размера и системы рифмовки со всеми ее вариациями и индивидуальными особенностями, а также соблюдение эквилинейрности.

Переводчики старались по возможности не повторять рифмы чаще, нежели это делает автор, и использовать мужские и женские рифмы приблизительно в том же количестве и в той же пропорции, как в оригинале (благодаря возможностям русского языка разнообразие рифм в переводе несколько богаче: около 40 мужских и около 20 женских). В отдельных местах, там, где это подсказано самим текстом оригинала, нам даже удавалось «продублировать» рифмы автора (лэсса 7 – рифма *-она* в оригинале и *-она* в переводе подсказаны использованием ряда географических названий типа Гаронна, Барселона, Таррагона, Нарбонна; лэсса 18 – рифма *-ена* оригинала и *-ена* перевода подсказаны использованием имен и названий Елена, Бриенн(а), Микены и т.д.). Сохранены также дефекты и погрешности оригинала: кое-где отсутствует «подвеска» (лэсса 4), в тексте наличествуют лакуны (лэсса 5), рифма меняется в пределах одной строфы (лэсса 18) или через «подвеску» переходит на следующую строфу (лэссы 65–66).

Особый интерес представляет передача ономастики. В целях сохранения национального и исторического колорита в большинстве случаев переводчики отдают предпочтение окситанским вариантам имен и географических названий (Гильем, а не Гийом, Пейре д'Арагон, а не Педро, Альенор, а не Элеанора и т.д.; притом что в комментариях указывается традиционный вариант – Педро Арагонский и т.д.). Исключение составляют немногие топонимы, имеющие устойчивый прецедент перевода (сколь ни соблазнительной казалась возможность сохранить рифму «роза-Толоза» в лэссе 79, в переводе использован вариант Тулуза (так же, как Бордо, Париж, и т.д.).

Не меньший интерес представляет образ рассказчика. Гильем Тудельский, автор первой части, – персона довольно комичная: чопорная, исполненная самодовольства средневековая посредственность, чья версия событий и расстановка эмоциональных акцентов зависят непосредственно от личных пристрастий поэта, которые, в свою очередь, во многом подсказаны соображениями личной выгоды. Одна из ключевых задач, стоящих перед переводчиком, – это выдержать стиль автора в его первоизданном виде, нисколько не приукрашивая и не «нивелируя» оригинал. Любопытно отслеживать элементы как традиционного литературного этикета, так и авторского стиля: избыточные повторы (автор склонен повторять информацию, данную в предыдущей лэссе, в начале лэссе последующей), любимые слова и выражения (на каждом шагу встречающееся «гнилое яблоко» = мелочь, пустяк), постоянные обращения к Господу и Пресвятой Деве (подчеркнутая религиозность плюс заполнение лакун). Все эти подробности, безусловно, в переводе ни в коем случае не должны потеряться. В перспективе это создает дополнительную трудность: необ-

ходимость воссоздать и подчеркнуть контраст между первой и второй частью, сочинением посредственного стихотворца Гильема и творением вдохновенного окситанского поэта, оставшегося безымянным.

Текст поэмы является бесценным справочником по истории, экономике и культуре эпохи. Именно поэтому при переводе слов, обозначающих национально-культурологические реалии, используется метод транслитерации либо транскрипции, позволяющий подчеркнуть специфичность вещи или понятия, а не описательный, перифрастический перевод и не перевод обобщенно-приблизительный, когда видовое понятие языка оригинала передается родовым понятием языка перевода. Так, например, в тексте тщательно воспроизводятся все названия денежных единиц (не абстрактные «монеты», но денье, масмудины (арабские золотые монеты), ангевины (мелкая монета, что чеканили графы Анжуйские), пожесы (мелкая монета епископов Пюи); детали вооружения («гоньоны и гамбизоны» оригинала вместо обобщающего «поддоспешники») и т.д. Объяснение подобных понятий и реалий читатель найдет в обширном справочном аппарате.

ПЕСНЬ
ОБ АЛЬБИГОЙСКОМ
КРЕСТОВОМ
ПОХОДЕ

1. Монтобан (Montauban) на сегодняшний день входит в департамент Тарн и Гаронна. В строках 22–25 лэссы 9 уточняется, что сочинять «Песнь» поэт начал именно в Монтобане, в 1210 г.

2. В рукописи А здесь содержится вставка следующего содержания: «Он был человеком весьма ученым и добродетельным, как гласит рассказ, ему оказывали уважение как церковники, так и миряне; его любили и к нему прислушивались графы и виконты».

3. Колдовская наука: здесь – геомантия. Геомантией в Средние века называли гадания, родственные юдициарной астрологии, но все же отличные от нее и не менее распространенные, особенно начиная с XIII в., благодаря переводам с арабского. Отрывки из провансальских трактатов по геомантии XIII–XIV вв. опубликованы П. Мейером (*Traité provençal de géomancie*. Romania. T. XXV (1897). P. 225–275). Тж. см.: *Poème sur les signes géomantiques en ancien provençal*. Publié par T. Ebnetter, Urs Graf-Verlag Olten & Lausanne, 1955. Предвидение будущего с помощью этой не слишком respectable науки уже в XIII в. стало литературным и морализаторским топомосом и совсем не обязательно свидетельствует о том, что Гильем реально владел какими-то магическими знаниями.

4. Имеется в виду так называемая альбигойская ересь, или ересь катаров.

5. В рукописи А, начиная со строки 14 (со слов «вот почему»), говорится следующее: «Еще решил он в душе – ибо наделен был тонким умом и мудростью, и готов был превратить в жизнь свой замысел, – написать книгу, которая прославилась бы по всему миру, свидетельствуя об учености и познаниях автора».

6. Младший брат графа Раймона VI Тулузского, сын Раймона V Тулузского и Констанции, сестры французского короля Людовика VII. Раймон V женился на Констанции в 1154 г. и в силу дипломатических причин развелся с нею в 1165 г.; Констанция вернулась на север и там произвела на свет Бодуэна. В 1194 г., после смерти отца, Бодуэн приехал к брату в Тулузу. Приблизительно в мае 1211 г. Бодуэн принял власть над Брюникелем в Керси;

впоследствии предал брата и перешел на сторону крестоносцев. Зимой 1214 г. Бодуэн был захвачен южанами и повешен по приказу Раймона VI. Тот факт, что Гильем Тудельский ни словом не упоминает о казни Бодуэна, доказывает, что работу над поэмой поэт прекратил еще до смерти своего покровителя.

7. О передаче Брюникеля графу Бодуэну см. лэссы 75–76.

8. Каноникат – должность каноника со всеми правами получения дохода, бенефиций каноника. Каноник (лат. *canonicus*, изначально – священнослужитель, внесенный в список, канон, т.е. каталог епархии) – католический клирик, являющийся членом кафедрального либо коллегиального капитула, назначенный в помощь епископу. В Средние века произошло деление каноников на секулярных (*canonici saeculares*), бывших членами капитулов, и регулярных (*canonici regulares*), приносивших монашеские обеты. Т.о., канониками могли становиться и лица, не принявшие священного сана; при этом на практике обязанности священника они исполняли. Случай Гильема, получившего пресловутый бенефиций за «литературные труды», не единичен: известно, что в середине XII века Раймон Антиохийский вознаграждал автора некоей песни о крестовом походе в Святую землю должностью каноника в антиохийской церкви Св. Петра.

9. Имеется в виду маленький город Сент-Антонен-де-Руэрг. Симон де Монфор захватил его 21 мая 1212 г. и поставил в нем Бодуэна своим наместником.

10. В дарственной грамоте графа Тулузского Раймона VI ордену Гранмон от 1208 г. этот персонаж фигурирует в качестве свидетеля (*Teulet A., éd Layettes du Trésor des Chartes*. Vol. I. P., 1863. P. 329). Ниже, в лэссе 38, Гильем Тудельский называет его наставником юного Раймона VII, сына Раймона VI. Возможно, он тоже оказался предателем и перешел на сторону крестоносцев одновременно с графом Бодуэном.

11. Магистр Тедиз, каноник кафедральной церкви в Генуе, был назначен легатом во Францию с 1209 г. Папой Иннокентием III вместе с Милоном. Активно участвовал в событиях, касавшихся Альбигойского похода.

I

Предыстория похода

[1]

Да славятся Отец, и Сын, и Дух Святой!
Се — ныне мэтр Гильем труд представляет свой.
Наваррец он; ему Тудела — град родной.
Он в Монтобане¹ лет одиннадцать с лихвой

5 Прожил (гласит рассказ)² и отбыл в край иной,
Прознав при помощи науки колдовской³,
Что вскоре будет град опустошен войной,
И ныне обречен весь край судьбине злой
За веру лживую, что мнили там благой⁴:

10 Богатым буржуа начертано судьбой
Утратить все добро и встретиться с нуждой,
А славным рыцарям — страдать в земле чужой,
Где горя и забот сполна хлебнет изгой.
Вот почему Гильем осел в земле другой⁵.

15 Граф Бодуэн⁶ (храни его Иисус благой)
Ввел в Брюникель⁷ его и с радостью большой
Вручил каноникат⁸ ему своей рукой
В Сент-Антонене, ставшем графскою землей⁹;
И Джауфре де Пуатье¹⁰ о цели той,

20 И добрый мэтр Тедиз¹¹ радели всей душой¹².

да, совместно с Милоном и с его преемником Гуго Риезским. Получил сан епископа Агда (24 августа 1215 г.), но и тогда продолжал играть важную роль в событиях Альбигойского крестового похода; присутствовал на IV Латеранском соборе и, предположительно, при второй осаде Тулузы.

12. Конец абзаца неясен. Скорее всего, Гильем Тудельский имеет в виду, что Тедиз и Джауфре (Жоффруа) посодействовали ему в получении канониката. Но можно понять и так, что они способствовали передаче Сент-Антонена Бодуэну.

13. «Песнь об Антиохии», поэма, написанная в конце XII в. на провансальском языке, до наших дней дошла лишь в виде небольшого фрагмента. Сохранившийся фрагмент «Песни об Антиохии» был опубликован во французском переводе П. Мейера в 1884 г.

14. Под словом «сторонники» (в оригинале *crezens* – досл. «верующие») подразумеваются те, кто исповедовал еретическое учение и принимал участие в ритуалах, совершаемых катарскими священниками, так называемыми совершенными (*perfecti*). Следует отметить, что сами катары никогда не употребляли этого термина; их священники именовались «добрыми христианами» (*Bons Crestians*), «добрыми людьми» (*Bons Omes*), «добрыми женщинами» (*Bonas Femnas*).

15. Сразу по восшествии на папский престол (январь 1198 г.) Иннокентий III, уstraшенный стремительным распространением катарской веры, задался целью положить ей конец. Он начал с того, что отправлял на юг легатов и приказывал главам всех южных диоцезов объединить свои усилия с папскими посланцами в борьбе против таковой. Уже 1 апреля 1198 г. он подписал первую грамоту на имя архиепископа Ошского, в которой, помимо прочего, говорилось: «...Просим этим посланием ваше братство принять меры к искоренению всяких ересей и к изгнанию из пределов вашей епархии тех, кто уже заражен ею... В случае же, если ересь будет препятствовать вам, вы можете прибегать к строгим мерам, и даже <...> обратиться при посредстве государей и народа к силе светского меча» (см. папские грамоты от 1,

16, 21 апреля 1198 г., от 7 и 12 июля 1199 г.: Migne. Patrologia Latina (далее – PL). Vol. 214. Col. 71, 79–83, 666–677).

16. Цистерцианский орден, орден Сито (лат. *Ordo Cisterciensis*) – католический монашеский орден, ответивший в XI в. от бенедиктинского ордена. Название происходит от первой обители ордена – монастыря Цистерциум (*Cistercium*), или, по-французски, – Сито (*Cîteaux*), основанного в 1098 г. бенедиктинцем Робертом Молезмским (сегодня это территория департамента Кот-д'Ор). В 1112 г. в орден вступил святой Бернард Клервоский, и популярность ордена стремительно возросла: на момент смерти святого Бернарда ордену принадлежало около 350 обителей, а в 1200 г. – уже около 2000 монастырей в разных европейских странах. В 1119 г. святой Стефан, третий аббат Сито, еще больше укрепил позиции ордена, утвердив его конституцию – *Charte de Charité* («устав милосердия»). В эпоху своего процветания цистерцианский орден превосходил все прочие как богатством, так и влиянием; до возникновения доминиканского ордена цистерцианцы вели активную борьбу с ересями на юге Франции.

17. Особенно после того, как настоятель главного цистерцианского монастыря, знаменитый Арнольд-Амальрик, о котором говорится в последующей строфе, был назначен легатом (май 1204 г.).

18. Согласно труду Л. Корвалана (*Descripción histórica del obispado de Osmá*), этот прелат звался Диего де Асебес; он носил сан епископа Озмы (город в Кастилии) начиная с 1201 г. и по 30 декабря 1207 г. (день его смерти).

19. В оригинале «*cels de Bolgaria*» («болгары», старофр. *les Bougres*). В Болгарии была распространена родственная альбигойству ересь богомилов. Альбигойцев и, вслед за ними, еретиков вообще стали называть на юге Франции словом *bougres*, «болгарами»; этот термин входит в употребление хронистов в начале XIII в.

20. Педро II, король Арагонский (годы правления 1196–1213).

- И вот Гильема труд вы зрите пред собой:
С начала до конца писал он день - деньской,
Корпел почти без сна над каждою строкой.
Изящен и красив в сей книге стих любой,
25 А выслушав ее, и малый и большой
Свой ум обогатит, почтив меня хвалой,
Ведь автору талант от Бога дан с лихвой,
И тот, кто обойдет поэму стороной,
Раскается потом!

[2]

- Сеньоры! Песни сей послужит образцом
«Антиохийский сказ»¹³ и ритмом и стихом:
Кто знает, как прочесть, тот преуспеет в том.
Я чаю, помнит всяк, как ересь день за днем
5 (Да поразит Господь ее Своим мечом)
Захватывала мир, накрыв своим крылом
Альби, и Каркассе, и Лораге притом.
До самого Бордо повсюду и кругом
Сторонники¹⁴ ее все множились числом,
10 И я вам не солгу, назвав их большинством.
Понтифик римский же и клир, что был при нем,
Узрев, что целый край отравлен этим злом,
Отправили туда посланцев прямоком —
Увещеваньями бороться со грехом¹⁵.
15 Из орденов Сито¹⁶ был главным в деле том,
Оттуда много шло монахов сим путем¹⁷.
Тут в Каркассон собрал оговоренным днем
Епископ Озмы¹⁸ всех на диспуте одном:
И кто легатом был, и кто еретиком¹⁹.
20 Был Арагонский сир²⁰ в собрании большом:
Послушав прение, уехал он потом,
Признав, что ересь впрямь нашла в тех землях дом:

21. В средневековой эпической поэзии топоним «Ломбардия» очень часто употреблялся для обозначения Италии в целом либо некоей части Италии.
22. Письмо короля Педро II Папе, здесь упомянутое, не сохранилось. По всей видимости, содержание его не сильно отличалось от циркулярного письма, адресованного «всем верным христианам», в котором король по итогам каркассонского диспута осуждал еретические доктрины.
23. Отсчет, скорее всего, ведется с конца 1203 г. – именно тогда легаты Петр де Кастельно и Рауль отбыли с проповеднической миссией.
24. Данное аббатство входит в диоцез Таррагоны; однако находится на равном расстоянии (44 км) и от Таррагоны, и от Лерида. Каталанская форма этого топонима – Лейда (*Lleyda*), что под пером Гильема Тудельского трансформировалось в Лейре (*Leire*), возможно, в память о Лейрском монастыре, что славится по всей Наварре, родине поэта. Тем не менее ниже, в лэссе 7, Гильем пишет «Лерида».
25. Аббатство Грансельв (*Grandselve*, или *Grandis Silva*), расположенное в местечке Буйяк в шести с половиной лье к северо-западу от Тулузы, входило в тулузский диоцез. Основано в 1114 г. Жераром де Салль; к цистерцианскому ордену было присоединено в 1144 г. На конец XII в. приходится его расцвет.
26. Арнольд-Амальрик (окситанская форма – Арнаут-Эймерик) возглавлял Поблет с августа 1196 г. по апрель–июль 1198 г., позже стал аббатом в более крупном и влиятельном Грансельвском монастыре (с октября 1198 по ноябрь 1200 г.) и, наконец, стал главой цистерцианского ордена и аббатом Сито вместо Ги Поре (который, в свою очередь, возвысился до кардинала в 1199 г.).
27. Булла, утверждающая его в звании легата, от 29 или 30 мая 1204 г. (PL. Vol. 215. Col. 358), наделяет его правом «уничтожать, разгонять и искоренять» во имя восстановления веры.
28. Двумя спутниками Арнольда-Амальрика были Петр (окситанская форма – Пейре) де Кастельно и Рауль, монахи цистерцианского аббатства Фонфруад нарбоннского диоцеза, назначенные легатами примерно за год до Арнольда (в 1203 г., возможно, осенью; точную дату назвать невозможно, поскольку папское письмо, утверждающее их в должности, не сохранилось).

- Так в Рим, в Ломбардию²¹ он сообщил письмом²².
Злодеи ж проку в поучении святом
25 Не больше видели, чем в яблоке гнилом.
И длилось так лет пять²³, я вам ручаюсь в том!
Упорно шли они неправедным путем.
И вспыхнула война, и кровь лилась ручьем,
И многих смерть еще пожнет своим серпом, —
30 Ведь так предрешиено.

[3]

- Близ города Лейре аббатство есть одно,
И ордену Сито принадлежит оно,
Зовется же Поблет²⁴. И в нем не так давно
Достойный жил аббат, чей нрав и ум равно
5 Вели его все вверх и вверх. Немудрено,
Что он попал в Грансельв²⁵, где было суждено
Ему аббатом стать, а погода — дано
Возглавить и Сито²⁶. Так было зачтено
Усердье Господом, чему и быть должно.
10 Сей мудрый праведник нес истины зерно
В край ереси, уча, что чисто, что грешно.
Но рвение его там было всем смешно.
С легатской властью же ему было дано
Орудье против тех, чье сердце смущено,
15 Кто о Христе забыл²⁷.

[4]

- И вот аббат Сито, что Господу столь мил,
То пешим, то в седле с легатами²⁸ отбыл.
Он звался брат Арнаут, и проповедей пыл
Он на еретиков упорных обратил.
5 Служители Христа зывали, что есть сил,
Но лишь презрение призыв их пробудил.

29. Этот персонаж, имя которого, по всей видимости, происходит от Кастельно-ле-Лез (сегодня этот город входит в департамент Эро, кантон Монпелье), был каноником (с 1182 г.), потом архидиаконом Магелона (1197–1198); был назначен Папой Иннокентием III в помощь легату Рейньеру в разборе дела касательно монастыря Сен-Гильем-дю-Дезер (между 10 июля 1199 г. и 1 июля 1200 г.). (Иннокентий III знал Петра еще до того, как вззошел на папский престол; еще будучи кардиналом, он разбирал дело Петра в споре о правомочности его избрания в архидиаконы Магелона.) Вскоре после того он вступил в цистерцианский орден, став монахом аббатства Фонфруад. В феврале 1203 г. он начинает исполнять обязанности папского легата в Тулузе. См.: *Villemagne A., Le bullaire du bienheureux Pierre de Castelnau. Montpellier, 1917.*

30. Он ехал из Сен-Жилья и собирался переправиться через реку (булла от 10 марта 1208 г. PL. Vol. 215. Col. 1355) близ Арля (*Chronique de Saint-Victor de Marseille, éd. J. H. Albanès, dans École française de Rome. Mélanges. T. VI. 1886. P. 320.*).

31. Раймон VI (1156–1222, правил с 1194 г.).

32. Булла, извещающая об этом отлучении архиепископов и епископов провинций Вьенна, Арля и Нарбонны, датирована 29 мая 1207 г. (*Rec. des historiens de France. T. XIX. P. 491.*).

33. Церковь ставила в вину Раймону VI не только попустительские ереси, но и содержание у себя на службе так называемых рутьеров (см., например, буллу Иннокентия III от 29 мая 1207 г.): эти разбойничьи банды, нанимаемые правителями для участия в своих войнах, разоряли округу и грабили монастыри и церкви. К помощи рутьеров охотно прибегали, в частности, графы де Фуа. На III Латеранском соборе 1179 г. (канон 27) и на соборе в Монпелье 1195 г. наемники-рутьеры были осуждены заодно с еретиками.

34. Термин, появившийся в документах конца XII в. и означающий «рыцарь-ученик», еще не получивший оружия: этим титулом именовались отроки благородного происхождения, чьи отцы не могли взять на себя затраты на церемонию посвящения сына в рыцари (то же, что *дамуазо*).

35. В своем сообщении Папе легат Милон утверждает, будто до совершения злодеяния убийца был в немилости у графа, зато после был встречен весьма радушно (PL. Vol. 219. Col. 126).

36. Личность убийцы Петра де Кастельно так и не была установлена доподлинно. Булла от 10 марта 1208 г., извещающая христианский мир об обстоятельствах гибели легата, возлагает вину на некоего приближенного графа Тулузского (эта булла воспроизведена полностью в хронике П. де Во де Серне). В сообщении легата Милона назван некто Гильем Порселлет, сеньор из Арля (из невнятной формулировки латинского текста непонятно, приходился ли ему убийца братом или брат убийцы состоял в его свите). В провансальской анонимной хронике причастность графа Тулузского к убийству легата решительно опровергается: «...И если бы граф Раймон мог захватить его [убийцу], то совершил бы над ним такой суд, от которого легат и все духовные лица были бы совершенно удовлетворены». Подробнее см. Предисловие.

37. Дата смерти Петра де Кастельно, объявленного мучеником в вышеуказанной булле от 10 марта 1208 г., отмечена как 14 января в заупокойном поминании аббатства Кассан (*Histoire de Languedoc. T. V. Col. 36*). В некоторых мартиролагах приводится дата 5 марта (ср. *Acta Sanctorum des Bollandistes. T. I. De mars. P. 416*), в других – 16 февраля.

38. Бенедиктинское аббатство Сен-Жиль (*Saint-Gilles, или Saint-Gilles-du-Gard*) расположено на равнине примерно в 15 км к западу от Арля и в 20 км к югу от Нима. Основано в VII в., по преданию – святым Эгидием (по-французски – святым Жилем); в аббатстве захоронены его мощи. Город Сен-Жиль издавна являлся владением графов Тулузских, откуда и идет их родовое прозвище «Сен-Жильский». В истории Альбигойского похода аббатство Сен-Жиль фигурирует достаточно часто; так, в июне 1209 г. в аббатстве состоялась унизительная церемония публичного покаяния графа Раймона VI Тулузского.

39. Молитвенный распев «Kyrie eleison» («Господи помилуй») в ходе погребальной службы повторяется восемь раз, согласно древнему епархиальному обряду юга Франции и аббатства Лаграсс.

- Пейре де Кастельно²⁹ тогда в дороге был:
К Провансу, к Роне³⁰ мул легата увозил.
Тулузы графа³¹ тот от церкви отлучил³²:
10 Ведь разорял страну сброд, что ему служил³³.
Но некий эжюйе³⁴, что злобу затаил,
От графа похвалу себе снискать решил³⁵
И папского гонца предательски убил:
Он со спины копьем насквозь его пронзил,
15 Затем во весь опор в Бокер он поспешил,
Откуда прибыл он и где с семьею жил³⁶.
Пред смертью же легат, собрав остаток сил,
Ладони к небесам воздел и отпустил
Пред Богом страшный грех: убийцу он простил.
20 Едва пропел петух, причастье он вкусил
И на рассвете вздох последний испустил³⁷.
Так к Господу Отцу дух Пейре воспарил,
А тело брренное Сен-Жиль³⁸ в стенах сокрыл,
Где «Kyrie eleison»³⁹ клир нараспев твердил⁴⁰.

[5]

- Когда дурная весть до Папы долетела,
Что мертв его гонец, то не было предела
Отчаянью его. Он, став белее мела,
К Иакову воззвал, святому Компостелы⁴¹,
5 И к Римскому Петру, что спит во тьме капеллы⁴², —
Молитву сотворил⁴³ — пока свеча горела.
Прелатов дюжина сошлась в стенах придела,
Арнаут, аббат Сито, чья слава не скудела⁴⁴,
И мэтр Милон, в латыни столь поднаторелый⁴⁵.
10 На совещанье том решение созрело,
Немало от него в огне войны сгорело
Мужей, и донн, и дев. Владенье их скудело...⁴⁶
Ни платья, ни плаща. Печальней нет удела.

40. В оригинале в данной строфе «подвеска» отсутствует.
41. По легенде, мощи святого апостола Иакова захоронены в кафедральном соборе города Сантьяго де Компостела (*Sant-Jago de Compostela*) – в центре области Галисия на западе Испании. С X в. Сантьяго де Компостела стал третьим центром паломничества католического мира (после Рима и Иерусалима), конечным пунктом знаменитого Пути святого Иакова – паломнического маршрута, пролегающего через всю Европу. Путь святого Иакова активно действует по сей день.
42. Имеется в виду так называемая «Сопфессия», подземная часовня (оставшаяся от древней базилики Св. Петра, построенной при Константине), где находится гробница апостола Петра.
43. Дословно в оригинале: «cant ac sa orazo». Однако из продолжения фразы следует, что речь идет о церемонии отлучения от церкви: Папа, в окружении двенадцати священников (в следующей строке упоминаются двенадцать кардиналов) с зажженными свечами в руках, провозглашает анафему, после чего все бросают свечи на землю.
44. Гильем Тудельский пересказывает эту сцену и вставные диалоги в последующих двух лэссах со слов некоего очевидца, Понса «де Мела» (см. строку 16), посланного к папскому престолу королем Наварры. Присутствие в Риме на тот момент аббата Сито никакими иными документами не подтверждается; П. Мейер в своем издании «Песни об Альбигойском крестовом походе» подвергает его сомнению, А. Люшер – отрицает вовсе («Иннокентий III и Альбигойский крестовый поход»). Напротив, Э. Мартен-Шабо, в новом издании «Песни», находит такое возможным: он датирует пребывание Арнольда в Риме мартом 1208 г., приписывая его влиянию составление булл от 10 марта (PL. Vol. 215. Col. 1354–1361) в том, что касается искоренения ереси. По всей видимости, Арнольд-Амальрик отбыл из Рима, увозя с собою буллу от 28 марта.
45. Милон был папским нотариусом; П. де Во де Серне особо отмечает его красноречие, а также бесстрашие и неподкупность (гл. X, §69). Назначен легатом 1 марта 1209 г.; умер в Сен-Жиле в декабре того же года; см. лэссу 11.
- Именно ему Раймон VI присягнул в Валансе (Прованский маркизат) в июне 1209 г., а потом в Сен-Жиле (см. соответствующие документы в PL. Vol. 216. Col. 89–92).
46. Здесь, по всей видимости, пропущены один или два стиха.
47. Данный персонаж больше нигде не фигурирует; возможно, имя восходит к названию наваррского города Мелида (*Mélida*) и трансформировано Гильемом в соответствии с требованиями размера и рифмы. Присутствие в Риме посланника короля Наваррского, а также епископа Памплоны (см. тж. лэссу 7), несомненно, объясняется представленной на рассмотрение Папы тяжбой, что епископ и король вели против каноников Памплонны (*Pérez F. Historia de la Iglesia y obispos de Pamplona. Vol. I. Madrid, 1820. P. 298–307*).
48. Т.е. король Наварры Санчо VIII (1194–1234).
49. Имеется в виду знаменитое сражение под Лас Навас де Толоса 16 июля 1212 г., ознаменовавшее важнейший этап Реконксты. Предводитель мусульман Марокко Эль-Насер бен Якуб бен Юссеф бен Абд эль-Мумен бен Али носил титул «эмира правоверных», «эмир аль-му'минин»; отсюда испанизованная форма «Мирмамолен». В этой битве Альфонс VIII (1158–1214), король Кастилии, командовал центром, а короли Наварры и Арагона возглавили фланги (Санчо VIII и Педро II, который впоследствии появится в данном повествовании).
50. Святитель Мартин Турский (316 или 317–397) – архиепископ Тура, один из пяти католических покровителей Франции и самых почитаемых во Франции святых.
51. В вышеназванных буллах, написанных и разосланных в марте 1208 г., Папа обещал отпущение грехов всем, кто примет участие в борьбе с ересью. «Пусть архиепископы и епископы твердо пообещают отпущение грехов именем Господа и его наместника тем, которые, воспламененные истинной верой, готовы отомстить за праведную кровь <...>, мужественно препоясавшись против зачумленных гонителей мира и правды...» (П. де Во де Серне, §61).
52. 12 марта 1212 г.

- Решенье то карать бунтовщиков велело
15 От Монпелье и до Бордо в округе целой:
Так мне рассказывал достойный Понс де Мела⁴⁷.
Его отправил в Рим король, сеньор Туделы,
Памплоны - города и крепости Эстела⁴⁸.
Отважней рыцаря земля еще не зрела:
20 Король Мирмамолен изведаль то всецело:
Наваррца воинство, с ним — сир Кастильи смелый
И Арагонский сир, — эмира одолело⁴⁹.
Об этом песнь сложить охота мне приспела —
Взяв ценный пергамен.

[6]

- Но вот аббат Сито, что был дотоль согбен,
Меж мраморных колонн воспрял и встал с колен,
И Папе рек: «Сеньор, свидетель Сен-Мартен⁵⁰,
Довольно слов пустых деяниям взамен.
5 Диктуйте ж знатокам латинских вы письмен:
С посланьем поспешу я прочь из этих стен,
Пусть слово ваше облетит французский лен,
Овернь и Перигор, Гасконь и Лимузен:
Тем прощены грехи, кто примет крест, смирен⁵¹,
10 По миру целому до византийских стен.
А кто откажет — пусть вина не пьет, презрен,
Не будет со стола вкушать по многу ден,
Не будет ни в шелка, ни в бархат облачен,
Не будет, коль умрет, достойно погребен».
15 Тут возопили все: «Сей план благословен,
И нет к тому препоны!»

[7]

Когда аббат Сито, достойная персона
(Что после стал архиепископом Нарбонны⁵²),

53. Ноны (лат. *Nonae*) – девятый час, 3 часа пополудни.

54. Устав предписывал всем аббатам цистерцианского ордена присутствовать на генеральном капитуле, который собирался в главной обители каждый год; они съезжались в Сито в канун праздника Воздвижение Креста Господня (14 сентября). Цистерцианцы именовались также белыми монахами: их облачение – белое одеяние с черным наплечником, черным капюшоном и черным шерстяным поясом. Одеяния шились из некрашеной шерсти, которая обесцвечивалась еще больше в процессе стирки (см.: *D'Arbois de Jubainville H. Etudes sur l'état intérieur des abbayes cisterciennes*. P., 1858. P. 135, 152; *Nomasticon Cisterciense*. Éd. *Séjalon H. Solesmes*. 1892. P. 70, 277).

55. Вероятно, речь идет о мессе Святого Духа, которую служат 13 сентября, по прибытии

аббатов на генеральный капитул; об этом говорится в статуте от 1211 г. (*Nomasticon Cisterciense*. P. 277).

56. По всей видимости, это булла от 28 марта 1208 г. (см. комментарий к лэссе 5), адресованная епископам Кузрана и Ризза, а также аббату Сито, трем легатам на тот момент. Булла предписывала им проповедовать крестовый поход и разъяснить верующим, что тем, кто выступит против ереси, Папа отпустит грехи так же, как и сражающимся в Святой земле.

57. Под «Францией» Гильем Тудельский подразумевает область, прилегающую к Парижу, – Иль-де-Франс; разумея владения Филиппа-Августа в целом, хронист говорит «королевство».

- Мудрейший среди слуг Господнего закона,
Сказал сии слова, молчали все смущенно.
- 5 Один лишь Папа рек в ответ ему резонно:
«Брат, отправляйся же немедля к Каркассону
И в град Тулузу, что на берегу Гаронны.
Ты поведешь войска на злое племя оно.
Дай отпущенье тем, что в вере непреклонны.
- 10 Пусть верные Христу и нам мужи и жены
Пойдут войной на тех, что к лживой вере
склонны».
- На том аббат отбыл, едва пробило ноны⁵³,
И быстро поскакал он к землям отдаленным.
И были с ним: архиепископ Таррагоны,
- 15 Епископ Лерида, епископ Барселоны,
Прелаты из-под Монпелье — из Магелона,
И городов, у врат испанских возведенных, —
Бургоса славного, Памплоны, Тараскона;
Так уезжал легат.

[8]

- Так, в путь благословлен, в седло воссел аббат
И поскакал в Сито, куда сошлись подряд
Монахи белые — обычаи велят
В день Божьего Креста, что христиане чтят,
- 5 Сбираться братии на праздничный обряд⁵⁴.
На мессу пышную колокола звонят⁵⁵,
А после проповедь речет достойный брат,
Сподвижники ж его все внемлют и молчат.
Им буллу он явил⁵⁶, чьи буквы говорят:
- 10 Всем ехать должно на восход и на закат
По всей земле, где днесь Христа и Церковь чтят.
Во Франции⁵⁷ ж в поход сбираться всякий рад:
Ведь крестоносцам все грехи простить сулят.

58. Под «еретиками» (*eretiges*) подразумеваются катары. Вальденсы (здесь обозначенные термином *sabatatz*, «обутые в сандалии/сабо»), они же лионские бедняки, или «долинные люди» (*Vaudois*), последователи Пьера Вальдо, обращались к идеалам раннего христианства, отрицали какие бы то ни было внешние церковные институты и посредничество между человеком и Богом, отстаивали верность евангелическому догмату и свободу чтения Библии в переводе на народный язык. Доктрины вальденсов и катаров существенно различались; но и те и другие были осуждены католической Церковью как еретики, и в ходе крестового похода с ними обходились одинаково.
59. Одон (Одо) III, родился в 1166 г.; герцог с 1192 г. Умер 6 июля 1218 г. в Лионе, по пути в Святую землю, куда отправился в крестовый поход (*Petit E. Histoire des ducs de Bourgogne. Vol. III. P. 1885–1898. P. 87*).
60. Эрве де Донзи (*Hervé de Donzy*), ок. 1175–1222; в 1199 г. в результате одной из победоносных войн получил от короля в награду руку Матильды (Маго), дочери Пьера II де Куртене, графа Неверского, вместе с графством (*De Lespinasse R. Le Nivernais et les comtes de Nevers. Vol. II. P. 1–34*).
61. В мае 1208 г. Одон III, герцог Бургундский, и Эрве IV де Донзи, граф Неверский, решили принять участие в крестовом походе, который проповедовали монахи-цистерцианцы. По всей видимости, эти двое (получившие особое разрешение короля присоединиться к походу) и Гоше III де Шатильон, граф де Сен-Поль, стали первыми французскими баронами, откликнувшимися на призыв. Все трое присутствовали на сборе феодалной знати, созванном королем Филиппом-Августом при городке Вильнев-ле-Руа на реке Ионн. На этом сходе легаты вручили королю папское послание с просьбой присоединиться к походу; Филипп-Август отказался, однако обещал не препятствовать своим баронам принять участие в войне. С этого самого момента «великое множество верующих взяли за оружие под знаком креста» (П. де Во де Серне, §72–73).
62. Навешивание на одежду крестов как знак участия в походе впервые ввел Папа Урбан II в 1095 г., во времена Первого крестового похода.
63. Главная армия крестоносцев, ведомая легатом Арнольдом-Амальриком, проследовала на юг, на Безье и Каркассон, с целью завоевать земли Раймона-Рожера Тренкавели, обвиняемого в покровительстве ереси. Раймон VI, граф Тулузский, на тот момент был примирен с Церковью после обряда покаяния в Сен-Жиле (18 июня 1209 г.) и числился в рядах крестоносцев.
64. Раймон-Рожер Тренкавель (1185–1209), в 1194 г. унаследовавший по смерти отца, Рожера II, виконтства Безье, Каркассона, Разеса и Альби.
65. Обенас (*Aubenas*) – город в долине реки Роны. О встрече в городе Обенас сообщает только Гильем Тудельский; у других хронистов упоминания о ней отсутствуют. Очередные папские буллы, в которых Иннокентий III призывает верующих принять крест и выступить с войной против ереси, а короля Франции – возглавить поход, датируются 3 февраля 1209 г.; должно быть, вести о них и сподвигли графа Тулузского отправиться к легату в город Обенас.
66. Имеется в виду аббат Сито, Арнольд-Амальрик.
67. Мать Раймона-Рожера и супруга Рожера II, виконта Каркассонского и Безьерского, Аделаида (Алазаис) приходилась Раймону VI сестрой. Она вышла замуж за Рожера II в 1171 году; умерла в 1199 г. Таким образом, Раймон-Рожер приходился Раймону VI Тулузскому племянником.
68. Возможны две разные трактовки этого эпизода: согласно одной из них, в строке 16 данной лэссы речь идет о графе Тулузском, согласно другой – о его племяннике, Раймоне-Рожере Тренкавели (синтаксис предложения допускает оба варианта прочтения). В издании П. Мейера и Э. Мартена-Шабо используется первая трактовка: граф Раймон Тулузский призывает племянника к организации совместной обороны, а виконт Тренкавель отвечает отказом. В анонимной провансальской хронике персонажи «меняются местами»: виконт Тренкавель убеждает дядю организовать сопротивление, но граф не соглашается: «Et adonc lo viscomte de Besiers, sondit nebot, loqual era anat ambel aldit Albenas, se comenset a dire aldit C. Ramon, son oncle <...> qu'el era

- Глазам не верилось, сколь был велик отряд
15 Тех, что еретикам с вальденсами⁵⁸ грозят.
Бургундский герцог⁵⁹ крест там принял, говорят,
Неверский граф⁶⁰, и всяк, кто знатен и богат⁶¹.
И справа на груди у рыцарей горят
Шелка крестов⁶² — на них не пожалели трат! —
20 Равно как на металл мечей и крепких лат.
Был каждый снаряжен на самый лучший лад,
Гербы на чепраках коней ласкали взгляд.
Ни клирик, ни мудрец умней меня стократ
Не описал бы все как есть, бьюсь об заклад,
25 И не сумел бы счесть священство и солдат,
Когда собрались под Безье, могучий град,
Войска со всех сторон⁶³.

[9]

- Когда Тулузский граф был вестью поражен, —
И с ним виконт Безье⁶⁴ и всяк иной барон, —
Что франками поход в их край провозглашен,
Я чаю, каждый был не рад, но удручен.
5 В ту пору на совет весь клир был приглашен;
Туда же, в Обенас⁶⁵, явился граф Раймон,
И каялся в грехах, коленопреклонен,
И о прощении взывал к аббату⁶⁶ он.
Но отказал аббат, ссылаясь на закон:
10 Он властью отпускать грехи не наделен,
Пока вопрос открыт и в Риме не решен.
Сказал бы я еще, но есть ли в том резон?
И спешно отбыл граф, отказом огорчен.
К владетелю Безье воззвал о мире он:
15 «Друг другу, сын сестры⁶⁷, не след чинить урон.
Поставим пред врагом мы сообща заслон⁶⁸,
Чтоб целы были мы и край наш защищен».

d'opinion qu'els mandessen lors amics, parents e subjets <...> et que metan per toutes lors terras et plassas bonas garnisons... alqual viscomte de Beziers, lodit comte Raimon diset totalemen de non de sa demanda» [...]И вот виконт Безьерский, его означенный племянник, который приехал вместе с ним в означенный Обенас, начал говорить пресловутому графу Раймону, своему дяде... что, по его мнению, надо бы призвать всех своих друзей, и родичей, и подданных <...> и поставить по всем своим землям повсюду хорошие гарнизоны <...> означенный же граф Раймон отвечал на его требование решительным «нет»] (*Histoire anonyme de la guerre des albigeois*. Nîmes, Lascour. 2001. P. 4). Этой версии следует в своем переводе Фориэль.

Вариант автора анонимной хроники и перевод Фориэля представляют более логичную картину. Цель тулузского графа – любой ценой избежать военного столкновения и найти с Римом компромисс (в Обенасе он вымаливает прощения у легата, далее просит помощи у духовных лиц – у архиепископа Оша, епископа Тулузы, аббата Кондома и приора госпитальеров, а также посредничества германского императора). В контексте этих дипломатических попыток стремление призвать племянника к оборонительному союзу выглядит более чем странно: подобная непоследовательность могла бы еще больше спровоцировать Рим. Племянник же, по характеру более воинственный и не склонный к дипломатии, не хочет компромисса и призывает к совместной обороне (о его попытках договориться с Церковью ничего не известно вплоть до того момента, когда Раймон Тулузский встал на сторону крестоносцев. В исследовании М. Рокбера «Катарская эпопея» анализируются оба варианта трактовки (*Roquebert M. L'èpopée cathare*. Vol. I. L'invasion 1198–1212. P., 2006. P. 325–327); однако при том, что и сам факт подобных переговоров не подтвержден никакими другими источниками, нельзя сказать с

определенностью, по чьей именно вине союз не сложился.

69. Издатель «Песни» Э. Мартен-Шабо полагает, что данная формулировка подразумевает область в нижнем течении Роны, где находится Сен-Жиль; там, 18 июня того же, 1209 г., Раймон VI принес унижительную клятву, сформулированную для него Милоном, повиноваться всем повелениям Папы и его легатов.

70. Следуя устоявшейся традиции шансон де жест, здесь Гильем Тудельский вставляет новое «предисловие», своего рода обращение к целевой аудитории, завершающее небольшой исторический экскурс в прошлое, перед тем как автор перейдет непосредственно к изложению событий.

71. Дорогая шелковая парча; производилась в Багдаде, в Персии и в Армении (араб. *siklatoun*). Попытки возвести этимологию слова к названию Кикладских островов представляются сомнительными.

72. Такого рода пассажи, вызывающие к щедрости слушателей, в поэзии трубадуров встречаются довольно часто.

73. Архиепископом Оша на тот момент был Бернард де Монтаут, занимавший этот пост с 1201 г.; в 1211 г. Папа Иннокентий III велел ему сложить с себя обязанности по причине недостаточного апостольского рвения (см. буллу от 15 апреля 1211 г.) и сместил его с должности в 1214 г. (*Brugères L. Chroniques du diocèse d'Auch*. Toulouse, 1746. P. 116). В ведении архиепископа Оша находились епархии Комменжа и Кузрана.

74. Монтазен де Галард, представитель известного гасконского семейства (*Noulens J. Documents historiques sur la maison de Galard*. P., 1871–1876. Vol. I. P. 45–51; Vol. IV. P. 631).

- «Не да, но нет», — так был ответ произнесен,
И граф уехал прочь, отказом раздражен,
20 И поскакал в Прованс, где Арль и Авиньон⁶⁹.
Теперь волнующий придам я сказу тон⁷⁰:
Был Песни дан почин в один из майских ден,
Когда весь Божий мир цветеньем напоен, —
Двенадцать минуло веков с благих времен
25 И десять лет, — как был Господь наш воплощен.
Гильемом сказ сей в Монтобанае сочинен.
И впрямь, будь мэтр Гильем удачей одарен,
Как всяк дурной жонглер иль глупый пустозвон,
Стекались бы дары к нему со всех сторон,
30 Будь то хороший конь, породист и умен,
Чтоб ровным шагом шел под гору и на склон,
Будь то багдадский шелк, парча иль сиглатон⁷¹.
Но времена тяжки, и в средствах всяк стеснен,
Кому бы щедрым быть, тот скуп и обозлен,
35 И лоскутом не одарит — погонит вон!
К таким я не пошел вовек бы на поклон,
Прося ссудить угля, что в мелочь оценен⁷².
Благой Господь, что создал твердь и небосклон,
Реки им всем позор!

[10]

- Тулузский граф, Бокера тако же сеньор,
Увидев, что виконт враждебен до сих пор,
А недруги спешат к нему во весь опор,
Постиг, что краток срок и натиск будет скор,
5 И крестоносцы учинят в стране разор.
В Гасконь за помощью граф обратил свой взор:
Архиепископ Оша⁷³, разумом остер,
По дружбе мог помочь уладить с Римом спор.
Аббат Кондома⁷⁴ зван был на посольский сбор

75. Раймон де Рабастен занимал должность епископа Тулузы с 1201 по 1205 г.; смещен папским постановлением – по подозрению в симонии. Однако Папа позволил ему совершать службу по церковным праздникам, по приглашению местного священства; а также оставил ему некоторый доход, позволяющий избежать нищеты. Преемником Рабастена стал Фульк (см. прим. 61 на стр. 188).

76. Пьер Барро, или Баррави (Pierre Barreau/Bagravi), приор обители ордена госпитальеров в Тулузе (*Du Bourg A. Hist. du grand prieuré de Toulouse. Toulouse, 1883. P. 24*).

77. Оттон IV (1182–1218) Брауншвейгский, германо-римский император (1209–1215), коронованный Иннокентием III в императоры в этом же самом, 1209 г.

78. Это посольство (о нем рассказывает и П. де Во де Серне, §68), имевшее целью ходатайствовать перед Папой о милосердии и принести жалобу на суровость легата Арнольда-Амальрика, датируется самым началом 1209 г., до 1 марта, поскольку в результате него легатом в Лангедок был назначен Милон. Через своих посланцев Раймон IV обещал Иннокентию III подчиняться

решениям его нового легата; документ был составлен от имени архиепископа Оша, епископа Тулузского и приора госпитальеров; аббат Кондома в нем не упоминается.

79. Раймон VI передал «милосердию Божию и полной власти Римской Церкви, папской и вашей, господин Милон, легат апостольского престола, дабы замки эти служили порукой исполнения тех статей, за которые я пребываю отлученным» (PL. Vol. 216. Col. 89; цит. по Н. Осокину, стр. 234–235), замки Оппед, Фурк, Бом-де-Вениз, Морна, Рокмор, Фанжо (Fanjau) в Ларжантьере (не путать с Фанжо (Fanjeaux) в Лораге, о котором речь пойдет позже) и Монферран и, сверх того, свое графство Могио (Мельгейль).

80. См. комментарий к лэссе 5.

81. О его внезапной смерти в Монпелье зимой 1209/10 г. в Риме стало известно в конце января (PL. Vol. 216. Col. 183).

82. Т.е. Раймон-Рожер Тренкавель, виконт Безьерский.

83. Аллюзия на жестокую резню по взятии города крестоносцами; см. лэссу 21.

- 10 И Рабастен Раймон⁷⁵, столь щедрый, и приор
Госпитальеров, врачевавший тех, кто хвор⁷⁶.
Поедут в Рим они, чтоб погасить раздор,
И к императору⁷⁷, — вести с ним разговор,
Чтоб мир стал достижим⁷⁸.

[11]

- Послы спешат отбыть с эскортом пребольшим,
И вскорости врата им открывает Рим.
Рассказом долгим слух не будет ваш томим:
Благодаря дарам и словесам благим,
5 Достигнут был союз, что столь необходим.
Отныне связан граф условием таким:
Смиряться с папским повелением любым;
И в подтверждение сдано семь замков им⁷⁹.
Отослан был Милон⁸⁰, за доблесть Папой чтим,
10 Следить, чтоб договор остался нерушим.
(В Сен-Жиле умер он, не минуло двух зим⁸¹.)
Когда ж виконт⁸² прознал: граф боле не гоним,
Но с церковью в ладах, — он был встревожен сим.
15 Хоть мира он просил со рвением большим,
Легат его презрел и был неумолим.
Тогда, воззвав ко всем, кто службой связан с ним,
И к храбрым рыцарям, и к ратникам простым,
20 Стал в Каркассоне ждать он с воинством своим.
А те, кто жил в Безье, — о них мы восскорбим.
И полтораста нет, кто смог уйти живым
Из огненного ада⁸³.

1. Папский легат Арнольд-Амальрик, аббат Сито, принял верховное командование над всем крестоносным воинством (см. лэссу 7, строка 8), собравшимся в Лионе на Рождество Иоанна Крестителя (24 июня 1209 г.).
2. Кфир, буквально «образованные» (*gens lettrada*), противопоставляется здесь «необразованным», т.е. рыцарству. Под словом «архиепископы» здесь следует понимать прелатов вообще: П. де Во де Серне называет четверых: архиепископа Санса и епископов Невера, Отена и Клермонта (см. §82); Гильем Бретонский называет пятерых: архиепископов Санса и Руана и епископов Байе, Лизье и Шартра, и говорит, что было там немало других епископов и бесчисленное количество священников (*Ouvres de Rigord et de Guillaume le Breton. Éd. Delaborde H. F. Vol. I. P., 1823–1835. P. 258*).
3. Военная мощь Милана, равно как и богатство, в Средние века стали притчей во языцех; ссылками на них изобилуют шансон де жест. Во времена написания «Песни», в 1213 г., миланцы только что одержали важную победу над жителями Кремоны и Павии.
4. То, что переписчик ошибся, написав здесь «Нарбонна» вместо «Бургундия» (*Narbona* вместо *Bergonha*), не подлежит сомнению. Здесь идет речь не о Раймоне VI, носившем, помимо прочих, титул герцога Нарбоннского (однако довольно-таки фиктивный), который присоединился к армии крестоносцев только в Валансе, но об Одо Бургундском: о его отбытии в Альбигойский крестовый поход упоминается в документах, отосланных от его имени, в конце июня 1209 г. (*Petit E. Histoire des ducs de Bourgogne. Vol. I. P. 166–167*).
5. См. комментарий к лэссе 8. В мае 1208 г., отчасти в ответ на воззвание Папы от 10 марта, французский король специально уполномочил герцога Бургундского и графа Неверского выступить в крестовый поход против ереси, дозволив им взять с собой не больше 500 рыцарей. Эти двое – самые высокопоставленные участники похода из числа мирян.
6. Гоше Шатильонский, принявший крест одним из первых (см. буллу от 9 октября 1208 г.; *PL. Vol. 215. Col. 1469*).
7. Пьер II де Куртене (родился в 1165 г., умер в 1219 г.), сын Пьера Французского, сеньора Куртене, и Елизаветы де Куртене; граф Невера (1185–1199), Оссера и Тоннера (1185–1219); впоследствии – латинский император Константинополя (1216–1219). В Альбигойский крестовый поход отправился в сопровождении брата Робера, сеньора Шампинелля; эти двое приходились кузенами графу Тулузскому Раймону VI как внуки короля Людовика VI Толстого. Их репутация в глазах Церкви была ничуть не лучше, чем графов Тулузского и Фуаского.
8. Умбер, сын и наследник Гильема I, графа Женевского, годы правления 1195–1220 гг. (*Hisely J. Les comtes de Genevois / Les Mémoires de l'Institut national genevois. Vol. II. Genève, 1854*).
9. Адемар (Аймар), граф Валанса и Ди (1188–1230), вассал графа Тулузского как владелец маркизата в Провансе. Подобно своему сеньору, присоединился к крестовому походу в числе первых и уже очень скоро стал открыто демонстрировать враждебность по отношению к крестоносцам. Еще до конца 1209 г. папский легат объявил его «гонителем Церкви» (*Rouquette J. et Villemagne A. Cartulaire de Maguelone. Vol. II. Montpellier, 1912. P. 63*). В декабре 1213 г. примкнул к походу под началом герцога Бургундского и Симона де Монфора с крайней неохотой и лишь после повторного приказа; поднял оружие против Монфора в 1216 г. Ссылка на распрю с графом де Форез не вполне ясна; непонятно, что за события имеет в виду поэт; однако известно, что Адемар де Пуатье нередко вторгался в соседские земли (*Chevalier J. Mémoires pour servir à l'histoire des comtés de Valeninois et de Diois. Vol. I. P., 1906. P. 191–198*).
10. П. Мейер предполагает, что под «графом де Форез» подразумевается либо Ги II (ум. в 1210), либо Ги IV (ум. в 1241), но сведений об упомянутых автором войнах не сохранилось.
11. Пейре Бермон д'Андюз, сеньор Сова, был женат на дочери Раймона VI Констанции. Он присоединился к крестовому походу в расчете присвоить графство Тулузское, воспользовавшись своим родством с тулузским

II

Начало похода и взятие Безье

[12]

Сеньоры, как сошлась сей армии громада,
Из предыдущих строк узнать вы были рады.
Аббат Ситоский¹ сам возглавил кавалькаду:
Архиепископы и клир² скакали рядом

5 В таком большом числе, что не охватишь
взглядом;

Сбираясь на совет, тянулись их отряды,
Не ровня им войска Милана³ в день парада.
Нарбоннский герцог⁴ там же был, речет баллада,
Шелка знамен и свиты блеск — для глаз отрада;

10 Неверский граф⁵, блиставший яркостью наряда,
Граф де Сен-Поль⁶ — сказать о нем нам тоже надо,
И Пейре, граф д'Оссер⁷, что доблестен измлада,
Гильем, Женевы граф, — богаче нету града⁸,
Эн Адемар де Пуатье⁹, что взял в осаду

15 Лен графа де Форез¹⁰, край битвы и разлада,
С вассалами, кому опасность — не преграда;
Пейре Бермон д'Андюз¹¹, — долга была б тирада,
Возьмись я перечесть земли Прованской чада,
Что воинства того умножили громаду,

20 И прочих, кто взыскал от Господа награду, —

графом, и в ущерб законному наследнику, своему шурина (см. его письмо Иннокентию III от 12 декабря; PL. Vol. 216. Col. 754).

12. П. де Во де Серне приводил более длинный список, где фигурируют основные участники похода: граф Монфор, граф Бар-сюр-Сен, Гишар де Бужо, Гийом де Рош, сенешаль Анжу; Гоше де Жуаньи; в другой рукописи упоминаются также Ги де Леви, Ламберт де Тюри и Филипп Голуан.

13. Настолько огромна, что, по свидетельству легатов, Папе (см.: PL. Vol. 210. Col. 138) «казалось, такой веки не бывало в христианском мире».

14. В средневековых хрониках такого рода подсчеты точною не отличались. Гильем Тудельский говорит о двадцати тысячах; П. де Во де Серне (§97) – о сорока или пятидесяти тысячах (разночтения в рукописях); Гильем Бретонский, историограф Филиппа-Августа, оценивает часть армии, посланной французским королем и экипированной за свой счет, в пятнадцать тысяч человек. Данные хронисты, как и их современники вообще, использовали такие цифры, явно преувеличенные, в обобщенном значении «очень много». Под «вилланами» подразумеваются оруженосцы, конюхи, обслуга, выполняющая тяжелую работу, а также те, кто обслуживал военные машины, кузнецы и плотники, машины конструирующие.

15. В оригинале автор отдельно называет две разновидности немцев – «алеманов», *Alamans* (южных немцев, жителей древнего герцогства Аллемания, или Швабия), и «тевтонов», *Ties*, жителей северных областей. Такое различие восходит к традиции шансон де жест.

16. Жители Тулузы поклялись в верности католической вере перед легатами Пейре де Кастельно и Раулем 13 декабря 1203 г. Примирение графа Тулузского с Церковью и присоединение его к крестовому походу (владения крестоносцев считались неприкосновенными) на время отвели опасность от этого города.

17. Из буллы Иннокентия III, призывающей к Альбигойскому крестовому походу, нео-

споримо явствует, что речь шла в первую очередь о вооруженном вторжении в земли Раймона VI. Примирение тулузского графа с Церковью вывело из-под удара его самого и его владения – и крестоносцы лишились конкретной цели. Тогда было принято решение (как именно – подробности неизвестны) вместо Тулузы атаковать земли виконта Раймона-Рожера Тренкавеля. Характерно, что даже в тенденциозных католических источниках мы не находим прямых обвинений против этого сеньора. В отличие от других крупных окситанских феодалов того времени и даже его отца и опекуна виконту лично никогда не ставили в вину ни разграбление церковных земель, ни репрессии против духовенства. Напротив, судя по его многочисленным пожертвованиям церквям и монастырям, он был примерным католиком, к тому же состоял в родстве с ортодоксальными католическими домами Монпелье и Арагона. Подобная резкая смена направления основного удара крестоносцев говорит о стремлении к узурпации чужих владений любой ценой.

18. По реке Роне, а потом через заводы нижнего Лангедока в направлении Монпелье, до порта Латтес и дальше; по Орбу – до самого Безье.

19. Граф Тулузский присоединился к крестовоносной армии под Валансом на Роне, во исполнение клятвы, данной 22 июня 1209 г. перед легатом Милоном – примкнуть к крестовому походу.

20. Об этой армии в других хрониках не упоминается.

21. Ги II, граф Клермонтский и Овернский (1195–1224). Известно, что 27 мая 1209 г., перед отъездом в поход против еретиков, он составил завещание (*Baluze E. Histoire de la maison d'Auvergne. Vol. II. P., 1708. P. 182*).

22. Раймон III (1191–1212), виконт Тюрениский.

Поставить вместе их — длинней не будет ряда.
Их всех не сосчитать, трудись хоть до упаду,
С рассвета дотемна¹².

[13]

- Та армия была огромна и мощна¹³:
Дворян под двести сот пришло под знамена,
Вилланов больше в десять раз; а имена
Священства с буржуа не перечесть сполна¹⁴.
- 5 Со всех концов земли их призвала война:
Бургундия, Овернь, германская страна¹⁵,
Гасконь и Пуату, и франков сторона,
Сентонж и Лимузен, — дружина их сильна.
Переписать их всех — задача мне сложна,
- 10 Два месяца трудись иль даже три без сна.
Прованс там был, и Вьенна, доблестью славна,
Так от Родеза до Ломбардских врат, грозна,
Собралась рать, до отпущения жадна, —
Знамена развернув, вперед текла она,
- 15 Мня: будет Каркассе без боя им сдана
(Тулуза ж с Церковью была примирена¹⁶).
Рекли: «Альбижуа падет, покорена,
И Каркассон возьмем!»¹⁷ Ладьи несла волна¹⁸,
На них же — кладь и снедь, что армии нужна.
- 20 К ним мчал тулузский граф — ведь клятва им дана
Стать крестоносцем: то прощенья цена¹⁹.
Вторая ж войска часть, что менее крупна,
Чем франков воинство, в Ажене созвана²⁰.
Все съехались они, сменилась лишь луна:
Гюи Овернский²¹, чья учтивость всем видна,
Тюрени сир²², чья помощь войску не скудна,
Архиепископ из Бордо, чья длань грозна;
А с ним — епископы: их власть простерлась на

23. Епископом Каора был Гильем де Кардайак (умер в 1234 г.), дядя Бернарда II де Кардайак, упомянутого ниже.
24. Бертран II, сеньор Кардайака в Керси, сын Юка II; засвидетельствовал документ от 7 ноября 1214 г., согласно которому граф Родезский присягнул на верность Симону де Монфору (*Histoire de Languedoc*. Vol. VIII. Col. 655).
25. Сеньор Гурдона, тоже Бертран; присягал на верность Филиппу-Августу, Людовика VIII и Людовику IX (*Combarieu L. et Cangardel F. Gourdon et ses seigneurs / Le Bulletin de la Société des études du Lot*. Vol. VI. Cahors, 1880. P. 147).
26. Ратье, сеньор де Кастельно-де-Монтратье; в рукописи ошибочно назван Бертраном. Принадлежал к дому Гурдонов; с 1211 г. держал сторону графа Тулузского против Симона де Монфора (*Limayrac L. Etude sur... Castelnau-de-Montratier*. Cahors, 1885. P. 102). Участвовал в захвате графа Бодуэна Тулузского (П. де Во де Серне, \$495–496); Монфор отомстил за Бодуэна, разорив земли Ратье и сровняв Кастельно с землей (Там же, \$514).
27. Из Керси, где находится Пюиларок (департамент Тарн и Гаронна, кантон Монтпезат), армия двинулась в Ажене: Тонто (Лот и Гаронна, кантон де Марманд) и Тоннейн (округ Марманда) находятся по соседству; Кассеней стоит в 25 км восточнее (кантон Вильнев-сюр-Лот). Необходимо отметить, что Керси и Ажене не являлись частью владений виконтов Тренкавелей, но принадлежали графу Тулузскому. По всей видимости, эти области были атакованы и завоеваны незадолго до того, как Раймон VI принял крест и тем самым отвел удар от своих владений.
28. Пейре Видаль, в стихотворении «Эн Драгман», упоминает копейщиков, состоящих на службе у графа Тулузского, и их боевой клич: «Аспа!» и «Оссо!». В провансальской шансон де жест «Жерар Руссильонский» оружием жителей области Ажене, басков и наваррцев является копье или дротик; у каждого их по три штуки, и они пробивают самые крепкие щиты.
29. В прозаической версии его имя было ошибочно изменено на «Болонский». По всей видимости, он принадлежал к знатному семейству де Баленкс из Ажене; многие представители этой семьи упоминаются в документах второй половины XIII и в XIV в., в частности, сеньор Пюибетона (близ Монпазье) в 1370 и 1372 гг.
30. Ги, граф Овернский, упомянутый в предыдущей лэссе.
31. По всей видимости, имеется в виду архиепископ Бордоский. Факты, на которые ссылается автор, более нигде не фигурируют, и данный отрывок как таковой несколько невнятен. В прозаической версии решение позволить осажденным капитулировать на условиях не слишком выгодных приписывается графу Ги Овернскому.
32. П. де Во де Серне называет Кассеней давним оплотом ереси (§519). В XII в. Ажен был важным центром катарской веры. Церковь Ажене фигурирует в источниках о катарском Соборе в Пьоссе в 1226 г., и во многих более поздних инквизиторских документах. Есть сведения, что ее остатки сохранялись до начала XIV в.
33. Топоним «Шоссер» (*Chacer*, фр. *Chassiers*) был, несомненно, использован автором ради рифмы (данная лэсса построена на рифме -er). Однако этот город действительно находился на пути следования епископа: следуя из Пюи в Сент-Антонен, он должен был проехать через Ларжантьер, Менд, Родез и Вильфранш-де-Руэрг.
34. Под Бургом имеется в виду бург (городок) Сент-Антонен, упомянутый выше. Коссад (Тарн и Гаронна, округ Монтобан) находится в 15 км к западу от Сент-Антонена.
35. В провансальской анонимной хронике уточняется, что эти деньги были выплачены горожанами епископу в качестве выкупа – «за то, чтобы их оставили в покое».
36. Вильмур находится в Верхней Гаронне (Haute Garonne, округ Тулузы). В тексте употреблено слово *castel* (замок), из чего следует, что город был укреплен.
37. Предположительно, в понедельник 22 июня 1209 г., на второй день после полнолуния. Учитывая, что от Кассеней, что стоит на реке Лот, Вильмур на реке Тарн отделен примерно 100 км, подобная паника вполне объяснима. Из материалов коллекции

- Лимож, Ажен, Каор²³. Сколь славны имена! —
30 Де Кардайяк²⁴ и де Гурдон²⁵, — их мощь равна, —
Ратье де Каастельно²⁶ — Керси ему верна.
Пал Пюйларок и взят Гонто, разорена
Земля Тоннейна; но крепка была стена
У замка Кассеней²⁷, и в нем размещена
35 Рать копыеносцев²⁸, из гасконцев набрана,
Что на ногу легки; была защищена
Та крепость всех сильней.

[14]

- Так лучники обороняли Кассеней
Сегин Баленкский²⁹ командир был рати сей.
Взять город было бы врагам всего трудней,
Но граф Гюи³⁰ вмешался, к выгоде своей, —
5 Архиепископа³¹ он в споре был сильней.
Осаду сняли; как — не знаю, ей-же-ей!
Тогда немало верных ереси мужей
Осуждены на смерть, сгорели до углей,
Замкнувши сердце для спасительных речей³².
10 Епископ из Пюи к Шоссеру³³ гнал коней:
Коссад и Бург³⁴ с ним расплатились всех щедрей³⁵.
Сент-Антонен покинул он, спеша скорей
Под Кассеней, где рать стояла много дней, —
Решив, что в войске том недостает людей.
15 Вильмура³⁶ ж люд изведаль множество скорбей:
Пронесся слух, что недруг двинулся южней —
Под Кассенеем рать седлает лошадей.
Свой град предав огню при худшей из вестей,
В день понедельник, под луною, в час теней,
20 Они бежали прочь, взяв женщин и детей³⁷.
Об этой армии достаточно речей:
Другая рать пришла из южных областей

Доат явствует, что среди обитателей города насчитывалось около ста «еретиков-совершенных», остальные (включая их сеньюра Бертранда, его жену и дочь Оду) были «верующими из числа еретиков».

38. Из Монпелье армия выступила 20 июля и к вечеру 21 июля пришла под Безье. По дороге крестоносцы заняли замок Сервиан севернее Безье, по всей видимости, покинутый жителями.

39. Раймон-Рожер Тренкавель, сын Аделаиды Тулузской и Рожера II Тренкавеля, родился в 1185 г.; т.о., на момент смерти отца ему было 9 лет и на момент осады Безье – 24 года. К тому времени молодой виконт уже был женат – на Агнессе, дочери Гильема VIII де Монпелье, сестре Марии де Монпелье, которая 15 июня 1204 г. вышла замуж за короля Педро II Арагонского. Т.о., Тренкавель был не только вассалом арагонского короля, но и его свояком.

40. Характеристика, которую дает виконту Гильем, практически дословно совпадает с описанием этого человека трубадуром Гильемом Ауджьером Новеллой в его плаче (*planh*) по случаю смерти виконта. См.: Augier G. Quascus plor et plahn son dampnatge. Dans *De Riquer M. Los Trovadores. Historia literaria y textos*. 3 vols. Barcelona, 1975. III, chap. LXVIII, n. 235. P. 1178–1183, II.

41. Элеонора (Альенор) Арагонская приходилась сестрой Педро II, королю Арагона, и дочерью предыдущему королю, Альфонсо II; поэтому, согласно средневековой традиции,

ниже она именуется королевой. Согласно хронике графов Тулузских (*Histoire de Languedoc*. Vol. V. Col. 35), брак между Альенор и Раймоном VI был заключен в январе 1204 г., по всей видимости, в Перпиньяне; в хронике Гильема Пюилоранского назван 1200 г. Для Раймона VI это был пятый по счету брак.

42. В оригинале – *Terra Major*. Мы принимаем перевод издателей, которые склонны видеть в этом термине не Францию, как в «Песни о Роланде» и других шансон де жест, но Азию некоторых текстов XIII в. (в частности, «Сокровища» Брунетто Латини). Азия начиная с Античности и в Средневековье считалась самым большим континентом, откуда и эпитет.

43. Известно, что, узнав о наступлении крестоносной армии, виконт выехал навстречу крестоносцам и 10 июля 1209 г. общался с ними в Монпелье, желая договориться с легатом (см. лэссу 11). Именно оттуда он поехал в Безье.

44. В оригинале употреблено слово *milsoldor* (фр. *mille-sous*), буквально – «тысяча су», название для дорогого скакуна, исходя из запрашиваемой за него цены. В частности, именно этой суммой определялась стоимость вороного коня Раймона-Беренгье-ра III, графа Барселонского, в его завещании от 1131 г.

Под город Монпелье³⁸; и граф Раймон при ней
Шел впереди, ведь нет проводника ценней
25 В земле племянника, враждебный норв чей
С лихвою граф познал.

[15]

Но времени виконт Безьерский не терял:
Отважен и могуч, он силы собирал.
Достойней рыцаря мир Божий не видал:
Учтив он был и щедр, и доблестью блистал.
5 Он с графом был в родстве, его он дядей звал.
Он был католиком и церковь почитал:
В том клирик не один ручательство бы дал.
Был юн виконт³⁹, у всех любовь он вызывал,
С ним был накоротке любой его вассал⁴⁰.
10 Он страха подданным нимало не внушал,
Как с равным, каждый с ним смеялся и играл.
Но на его земле всяк рыцарь привечал
Еретиков, — и им приют предоставлял.
Но каждого из них прискорбный ждал финал.
15 Сей участи и сам виконт не избежал:
Смерть принял горькую, и всяк о нем рыдал.
Я сам виконта только раз один видал:
Как свадьбу с Альенор⁴¹ Тулузский граф справлял;
Достойней королев крещеный мир не знал,
20 Как и языческий; не перечесть похвал,
Что блеск ее красы по всей земле⁴² снискал.
Но славословий сонм, что я ей посвящал,
Пред перечнем ее достоинств слишком мал.
Но к теме возвращусь. Виконт же вести внял
25 О том, что Монпелье противник миновал⁴³;
Вскочивши на коня⁴⁴, в Безье он поскакал

45. В Лангедоке, так же как в Каталонии и в Арагоне, евреям, негоциантам и банкирам сеньоры зачастую поручали управление своими фьефами: так, некий Самуил был байлем и секретарем виконта Безьерского в 1203–1204 гг. Это противоречило постановлениям Церкви (иудеям запрещалось управлять христианами). Так, легат Милон заставил графа Тулузского и его вассалов поклясться в том, что евреи не будут занимать административных должностей в их доменах.

46. Он выехал навстречу армии крестоносцев; см. хронику П. де Во де Серне (§89), где епископ назван почтенным как возрастом, так и нравом, и познаниями; его звали Регинальд де Монпейру (а вовсе не Монпелье, как пишет вышеупомянутый хронист).

47. Имеется в виду собор Сен-Назер.

48. По всей видимости, в тексте пропущены один-два стиха со значением «но вместо этого сдать город легату», что явствует из смысла; они восстановлены по тому, что сообщает П. де Во де Серне касательно выступления епископа перед своей паствой, и по прозаической версии.

49. Из речи епископа, обращенной к его пастве, недвусмысленно следует, что истребление жителей города в случае непокорности было не случайностью, а заранее запланированной акцией. Подробнее о целенаправленной политике устрашения, принятой крестоносцами, говорится в лэссе 21.

И прибыл — в час, когда был свод небесный ал
И полыхал рассвет.

[16]

- Тут горожане все, кто молод и кто сед,
Кто жизнью умудрен, и кто в расцвете лет,
Толпою хлынули навстречь ему чуть свет.
Виконт сказал: «Сражаться храбро — мой завет,
5 Ведь подкрепление придет за мной след в след.
Я ж в Каркассон спешу, мне медлить смысла нет,
Там с нетерпением ждет моих вассалов цвет».
И прочь он ускакал, надеждою согрет;
Еврей⁴⁵ же за ним уехали вослед;
10 Остались прочие скорбеть в преддверье бед.
Епископ же Безье⁴⁶, за благодать мной воспет,
Вернулся в город, и едва с коня сошед,
В главнейшей из церквей⁴⁷ собрал большой совет, —
В богатом храме, чьих святынь дороже нет.
15 Поход крестовый — вот речей его предмет;
Разгрома он просил не ждать себе во вред,
Где всяк, кто не убит, — ограблен и раздет...⁴⁸
«Что отдадите — вам вернут, даю обет;
А на отказ один получите ответ:
20 Всяк на клинок смертельной стали будет вздет —
Удел такой жесток!»⁴⁹

[17]

- Он пастве многие несчастья предрек,
Уладить миром спор молил людей, как мог,
Ведь лучше город сдать, он их предостерег,
Чем в сердце получить губительный клинок.
5 Но эти речи не пошли безьерцам впрок,

50. Легат через епископа Регинальда потребовал от жителей города выдать крестоносцам всех еретиков, живших в городе, либо покинуть город, заперев еретиков там, «иначе их кровь падет на их же головы» (из письма легата к Иннокентию III: PL. Vol. 216. Col. 139). Необходимо отметить, что, вопреки утверждениям П. де Во де Серне о том, что Безье «насквозь пропитан ядом ереси», Безье отнюдь не являлся сколько-то значимым оплотом катаризма. В сохранившемся списке (предположительно – подлежащих выдаче еретиков) упомянуто около 220 человек, из них 210 – поименно (на 20 000 населения города); причем, по всей видимости, в нем приводятся и священники (*добрые люди*), и простые верующие.

51. Поскольку войско настолько многочисленное не могло обеспечить себя продовольствием на месте.

52. Т.е. царице Савской. В тексте Гильема Тудельского она названа «мудрой Австрой» (*Austria la seneia*), поскольку в Евангелиях (Мф 12:42, Лк 11:31) она названа «царицей южной» (*regina Austri*). Нижеследующий афоризм в Книге Притчей Соломоновых не содержится; он близок к старой французской пословице: «Moult remain de ce que fols pense» (см.: *Le Roux de Lincy A. Le livre des proverbes français. Vol. II. P., 1859. P. 409*).

53. 22 июля 1209 г.; город был взят в тот же день. Эту дату подтверждают послания легатов и хронист Гильем Пюилоранский.

54. Формулировку «entorn», «вокруг», не следует понимать буквально: встать лагерем возможно было только с южной и с западной стороны города, на песчаных склонах долины реки Орб у подножия Безье.

- «Отрадней смерть в волнах, — всяк говорил
в упрек, —
Чем сделать, что велят, за жизнь свою в залог»⁵⁰.
И дали ни денье не уступить зарок,
Коль смену власти сей поступок бы повлек.
10 Им думалось, враги пришли на краткий срок,
Недели ж через две рассеются, даст Бог⁵¹,
Ведь войско разрослось и вдоль, и поперек —
Колонна в лье длиной, нет под нее дорог.
А город укреплен, нет места для тревог,
15 Стенами окружен, и ров его глубок,
Хоть месяц осаждай, не ступишь на порог.
Как мудрый Соломон царице Австре⁵² рек,
Плох замысел того, чей разум недалек.
Епископ увидал, что город пренебрег
20 Его советом, и война — тому итог.
Он, мула оседлав, пустился наутек
И к франкам поскакал, чей путь к Безье пролег,
И кто поехал с ним — тот жизнь свою сберег,
А кто остался — тех настиг ужасный рок.
25 Епископ рассказал, как в споре изнемог,
Тщась жителям Безье преподнести урок,
Аббату из Сито и всем, чей род высок.
И те сочли, что люд Безье умом убог:
Их муки ждут и смерть, а им и невдомек,
30 Что их удел — геенна.

[18]

- И вот в день праздника Марии Магдалены⁵³
Аббат привел войска под городские стены
И вокруг⁵⁴ Безье поставил лагерем военным,
Что осажденных устрашило несомненно.
5 Сам Менелай (Парис украл его Елену)

55. Аллюзия на популярный «Роман о Трое» Бенуа де Сен-Мора (вторая половина XII в.) Перечисление греческих воинов занимает там 320 стихотворных строк.

56. Жан де Бриенн. Его в это время занимало Иерусалимское королевство, корону которого ему только что предложили.

57. Отпущение грехов даровалось только тем участникам крестового похода, которые «отбывали карантен» – участвовали в походе в течение сорока дней.

58. Последние слова строки не поддаются переводу и не соответствуют рифмовке. Скорее всего, это ошибка переписчика.

59. В этих двух строках перебой рифмы – авторский.

60. Ни в одном из средневековых бестиариев оснований для подобного сравнения не встречается.

61. Прозвище предводителя нищего отребья при войске: эти люди рыцарского оружия и доспехов не носили; тем не менее именно им в послании легатов приписываются взятие Безье, резня, разграбление и сожжение города в течение каких-то двух-трех часов.

- Вовек не разбивал, явившись под Микены⁵⁵,
Такого множества шатров из тканей ценных,
Как франки; среди всех один лишь граф Бриенна⁵⁶
Из целой Франции не отбыл карантена⁵⁷.
- 10 А жителям Безье, то ясно совершенно,
Был дан дурной совет...⁵⁸
Неделю напролет шли стычки беспрестанно.
Узнайте же, на что осмелились мужланы⁵⁹,
Безумны, как киты, и столь же разъяренны⁶⁰:
- 15 Из грубой ткани сделав белые знамена,
Помчались на врага, и всяк как оглашенный
Вопил и тряпкою махал одновременно,
Чтоб недругов вспугнуть, как птах в полях
ячменных,
- С утра, в начале дня.

[19]

- Король жулья⁶¹, узрев, как враг бежит, тесня
Французов, их круша, увеча и казня,
Как воина Христа, вопя и гомоня,
С моста столкнули вниз, и на мосту — резня, —
- 5 Свое отребье он созвал, врагов кляня,
И возопил: «Вперед! Сейчас пойдет грызня!»
Схватила за дубье лихая солдатня, —
То все оружие их, коль спросите меня;
Рубахи да штаны — бандитов вся броня.
- 10 Пятнадцать тысяч их; собой заполоня
Все рвы и подступы, и кирками звеня,
Крушили стены — не смолкала стукотня, —
Ломали воротá, разбить их в щепы мня.
Страх горожан объял, сердца заледеня.
- 15 «К оружью!» — грянул клич, бойцов воспламеня,
Бой грянул; жизнь свою нимало не ценя,

62. П. де Во де Серне сообщает, что жители города укрылись в церкви Св. Магдалины, где и были безжалостно истреблены по взятии города, числом до семи тысяч (§91). Однако церковь Св. Магдалины недостаточно велика, чтобы вместить столько народу; скорее всего, речь идет о кафедральном

соборе Св. Назария (у Гильема Тудельского назван именно кафедральный собор).

63. Этот термин (*princes*) означает высшую знать, главным образом графов и герцогов. См.: *Guilhiermoz P. Essai sur l'origine de la noblesse en France au moyen âge*. P., 1902.

На приступ франки шли, со стен врагов гоня.
Взяв жен и чад, бежали те, как от огня,
Укрылись в церкви все, в колокола звоня:
Ведь нет надежд иных!

[20]

- Безьерцы видели со стен врагов своих:
И как король жулья в атаку рвался, лих,
И как заполнил рвы поток бандитов злых,
И как пробили брешь в воротах городских,
5 И как, вооружась, французы шли на них, —
И сердцем поняли, что им не быть в живых.
В соборе скрылись все, от малых до больших⁶²;
А клир явился в облачениях таких,
Как будто мертвецов собрались дорогих
10 Отпеть; и колокол звучал, пока не стих.
Удачен натиск был бандитов удалых:
Захватывать жилье рванулись орды их,
Ведь выбор был богат среди домов жилых —
С полсотни было их на каждом пятерых.
15 Их не страшила смерть, как вам расскажет стих,
Всех встречающих резали, и старцев, и младых,
Тащили все, жадны до ценностей любых.
Добычу сохранив, богаче всех других
Они бы стали, но разбойников самих
20 Лишили рыцари сокровищ нажитых,
Из жадных вырвав рук.

[21]

Бароны Франции и ленов, что вокруг,
Маркизы и князя⁶³, и клирики сам-друг,
Решили меж собой, что долг Христовых слуг —
Брать штурмом замки, что не взяли на испуг,

64. Избиение горожан в соборе было тяжким нарушением средневекового права убежища, которое мог обрести в храме любой человек. Право убежища в свое время было установлено самой Церковью, и нарушивший его считался преступником; любое убийство в храме считалось осквернением такого.

65. Это побоище произошло 22 июля 1209 г. В письме легатов число убитых безьерцев оценено в «примерно 20 000», что представляется вполне правдоподобным. Хронисты XIII в. склонны к преувеличениям: так, у Гильема Бретонского названо число 60 000. П. де Во де Серне сообщает, что в одной только церкви Св. Магдалины погибло 7000 человек. Согласно цистерцианскому монаху Цезарию Гейстербахскому, именно здесь, при взятии Безье, прозвучала историческая фраза: «Убивайте всех, Господь узнает своих».

66. В оригинале названы две разновидности коней: *cavals* (верховые лошади) и *rocis* (вьючные лошади).

67. Дословно: «ножницы стригут луг» – пословица, распространенная как во французском языке, так и в провансальском. В частности, встречается в провансальской версии «Жирапа Руссильонского», где имеет место игра слов: слово *forssa* употреблено в

значении «сила, право силы» (*la force*) и «ножницы» (*les forces*).

68. Согласно П. Алкьеру, несколько зданий, в частности, церкви Св. Магдалины и Св. Афродисия, уцелели в пламени.

69. Ссылка на поэму «Рауль де Камбре» из «Жесты Доона де Майанс» (последняя четверть XII в., автор – трувер из Лаона по имени Бертоле, якобы очевидец описываемых событий); скорее всего, на какую-то несохранившуюся, возможно, более раннюю редакцию. В существующей версии об упреках матери речь не идет, и сгорает лишь небольшое предместье вокруг монастыря Ориньи-Сент-Бенуат, в то время как в первом варианте говорилось о целом городе Сен-Кантен. Мать Рауля де Камбре приходилась сестрой Людовику IV Заморскому (фр. *Louis IV d'Outremer*, 921–954) и действительно звалась Алазаис (*Alais, Aalais*) (см.: Raoul de Cambrai, *chanson de geste du XII-e siècle* / Ed. Meyer P., Longnon A. P., 1882. P. XLIX; Михайлов А. Д. Французский героический эпос. Вопросы поэтики и стилистики. М., 1995. С. 133–134, 210–213). Упоминание о Дуэ Гильем Тудельский добавил исключительно для рифмы.

- 5 А весь их люд, познавший ереси недуг,
Вздеть на клинки — возиться с ними недосуг!
И будет уstraшен тогда мятежный Юг,
И впредь никто не облечется в сталь кольчуг.
Так взят был Монреаль, Фанжо и край вокруг.
- 10 Иначе б не видать, — вам говорю не вдруг, —
Победы и ценой немыслимых потуг.
Засим Безье полег, как под косою луг,
Всех перебили, не измыслив худших мук.
Кто в церкви скрылся, не ушел от франкских рук,
- 15 Алтарь не спас, ни крест, ни песнопений звук⁶⁴.
Не пощадила клир толпа лихих бандюг,
И ни детей, ни горожан, ни их подруг⁶⁵.
Да примет их Господь в Своих спасенных круг!
Битв горших ни одна не знала из округ,
- 20 С тех пор как брался сарацин за меч и лук.
В дома безьерцев ворвалась орда хапуг,
И ценностей там не один набрался тюк.
Почти что разъярил баронов этот трюк:
Ударами дубин они, как грязных сук,
- 25 Чтoб разместить коней⁶⁶, повыгнали ворюг, —
С кем власть, тот всем указ!⁶⁷

[22]

- Шваль со своим вождем задумала в тот час,
Добычи много взяв, обогатиться враз.
Но как увидели, что отнят их запас,
«Огня! Огня сюда!» — раздался дружный глас.
- 5 Всяк вынул факел свой, что загодя припас,
Огонь объял Ситэ, и души страх потряс:
Весь город погорел, скажу вам без прикрас⁶⁸.
Так и Рауль Камбрейский⁶⁹, повествует сказ,
Богатый город близ Дуэ спалил зараз

70. Гоньоны и гамбизоны – две разновидности поддоспешников: их носили под кольчугами или хаубертами. В Шартре, одном из центров производства шерсти, можно было приобрести обе разновидности.

- 10 И мать, н'Алазаис, за пару гневных фраз
Едва ли не побил: мать сыну не указ!
Люд, чуя жар, бежал; а пламень все не гас,
Пожрав дома, дворцы, приятные для глаз,
Гоньон и гамбизон⁷⁰, сталь шлемов и кирас,
15 Что в Шартре и в Руэ творили на заказ,
И множество одежд нарядных или ряс.
Собор, что мэтр Жерве воздвиг, Господь не спас,
И стены треснули, и надвое каркас
Расколот был огнем.

1. Имя одного из нормандских крестоносцев упоминается в судебном постановлении от 1210 г.: этот нормандец, Робер Висконт, по возвращении с юга обратился с жалобой к епископу Лизье (который тоже участвовал в походе; см. комментарий к лэссе 12) по поводу ущерба, нанесенного ему в его отсутствие неким Юком Тирелем.

2. Луга по берегам реки Орб под Безье.

3. Либо день (28 июля) указан неверно, либо речь идет только о прибытии авангарда; поскольку в письме легатов к Иннокентию III прибытие основной армии под Каркассон

датируется Днем святого Петра-в-веригах, т.е. 1 августа (в 1209 г. это суббота).

4. Здесь в оригинале упоминается так называемый боевой ход — крытые галереи (*ambans*) в верхней части крепостных укреплений, позволяющие обороняющимся свободно маневрировать под их защитой. Обычно они дополнялись галереями на внешней стороне стены, так называемыми *cadafals*.

5. В оригинале поэт использует термин *alferans*, означающий коней быстрых и выносливых, возможно, арабских, судя по происхождению слова от арабского *al-faras*.

III

Осада и взятие Каркассона

[23]

- Сеньоры, не один огромный тюк с добром
Нормандцы¹ с франками набрали в граде том,
До самой старости всяк жил бы богачом,
Когда б король отребья со своим жульем
- 5 Весь город не спалил и не пожег живьем
И старцев, и юнцов, и жен с детьми притом,
И клир, что мессу в храме пел, закрывшись в нем.
Оставшись на три дня в лугах², четвертым днем
Был крестоносный люд в путь наконец вedom —
- 10 Равниной, торным, беспрепятственным путем,
И ветер знамена взвивал своим крылом.
И вот во вторник³, в час вечерни, над холмом
Предстал им Каркассон, где скорбью всяк гнетом
При вести, что в Безье был учинен разгром.
- 15 Виконт же со стены⁴, в предчувствии дурном,
Взирал на армию, огромную числом.
Он на совет созвал своих людей потом,
Тех, кто искуснее других владел мечом,
И рек: «В седло⁵, друзья! Рванемся напролом!
- 20 Четыреста бойцов из нас мы изберем,

6. В оригинале в данной строфе «подвеска» отсутствует.

7. Пейре-Рожер и Джордан (возможно, братья) владели сеньорией Кабарет; ее главный замок и сопутствующие три крепости, возведенные на горном пике, защищали долину реки Орбель и преграждали путь в область Кабардес (к северу от Каркассона, на южных склонах Монтань-Нуар). Соседняя деревня получила название Ластурс (*Lastours*, т.е. «башни»); так же называется весь крепостной комплекс сегодня. Пейре-Рожер де Кабарет фигурирует в повествовании лишь на начальном этапе войны; П. де Во де Серне называет его «еретиком, открытым врагом Церкви» (§123). По свидетельству П. Мейера, в 1204 г. он был вигуэром (вигуэр, фр. вигье — наместник верховного правителя, короля, графа или, в данном случае, виконта,

поставленный управлять городом или территориальным округом) Каркассона (Doat LXII, 9), а его жена, Брюнейссен де Кабарет, привечала трубадура Раймона де Миравалья (подробнее см.: Жизнеописания трубадуров. М., 1993. С. 186).

8. Аллюзия на эпизод из легенды о Карле Великом, отбившем Каркассон у сарацинов. В тех же словах, хотя и без точного указания на продолжительность осады, этот эпизод пересказывается в *Gesta Karoli Magni ad Carcassonam et Narbonam* (вымышленное повествование, составленное в аббатстве Ларасс во второй половине XII в.). Подробнее см.: *Paris G. Histoire poétique de Charlemagne*. P., 1865. P. 254; *Bédier J. Les légendes épiques*. Vol. IV. P., 1908–1913. P. 420.

9. Это было 3 августа 1209 г.

Тех, кто владеет лучшим боевым конем, —
Для вылазки, когда стемнеет все кругом.
И вражью рать на склонах вспять мы повернем»⁶.

[24]

- «Сеньоры, на коней! — виконт им говорит,
В доспехи облачась, берите меч и щит,
Ударим на врага, и будет он разбит!»
«Бог свят, — Пейре-Рожер де Кабарет⁷ кричит, —
- 5 Нам вылазка сейчас, поверьте, повредит:
Кто силы сбережет, тот город защитит.
Ведь утром враг, едва свой голод утолит,
Пойдет на штурм ко рвам, и будет перекрыт
Путь до воды, и смерть от жажды вам грозит.
- 10 Вот тут - то без препон сражение закипит!»
На том сошлись все, кто умен и даровит,
И порешили: пусть снаружи стража бдит,
Вкруг неприступных стен, что крепче, чем гранит:
Сам император Карл⁸, могуч и знаменит,
- 15 Держал в осаде град, что посейчас стоит,
Семь лет и столько ж зим; когда ж, осадой сыт,
Решил, что этих стен вовек не покорит —
Лишь тут смирился град, и был ему открыт.
И если жеста против правды не грешит,
Таким и был исход!

[25]

- Был начеку виконт Безье ночь напролет;
Поднялся он, едва запылал восход⁹.
Поев, французы свой оставили оплот,
Вооружились все и двинулись вперед.
- 5 И каркассонцы снарядились в свой черед.
Ударов в сече той никто не перечтет,

10. Практически все южные города отличались таким же устройством: самая древняя часть города, *ситэ*, была обнесена стенами, а за пределами укреплений постепенно достраивался пригород, *бург*.

11. К каркассонскому Ситэ, возведенному на холме на правом берегу реки Од, примыкали два предместья, обнесенные укреплениями и рвами (П. де Во де Серне, §94): Бург (Сен-Винсент) с северной стороны и Каstellар (Сен-Мишель) с южной. Согласно этому хронисту, а также письму легатов Иннокентию III, 3 августа в ходе первой атаки крестоносцы взяли Бург, слабейшее из них, и сожгли его. Второе, Каstellар, лучше укрепленное и более важное стратегически, было захвачено спустя восемь дней осады. Создается впечатление, что после захвата Бурга каркассонцам был отрезан доступ к реке, где они брали воду. Расстояние от стены Ситэ до реки Од составляет примерно 500 м.

12. Т.е. хищных птиц, предвестников несчастья.

13. Об изобилии и дешевизне хлеба упоминает также и П. де Во де Серне (§97). Однако по мере того, как шло время и жители края уничтожали мельницы и запасы продовольствия, расходы крестоносцев все росли.

14. Предположительно соль водоема Марсейет, на сегодняшний день пересохшего, что находился на пути следования крестоносцев между Безье и Каркассоном.

15. 28 июня 1209 г. король Педро Арагонский находился в Колльюре (Руссильон); там состоялась его встреча с графом Фуа и виконтом Безьерским. Вероятно, виконт Безьерский действительно просил его о помощи в преддверии грядущей войны. О посредничестве короля во время осады Каркассона (лэссы 26—30) не упоминается нигде более, помимо хроники Гильема Тудельского.

16. Авторская тавтология: в данной строке повторяется последнее слово «подвески» предыдущей строки. Последующие, достаточно частые, случаи авторских тавтологий не оговариваются.

- И раненым, и тем, кто пал, потерян счет;
В обоих лагерях познали гнет невзгод —
Зарублен этот, и от ран страдает тот.
- 10 Но натиск франков был силен, и дал он плод —
Был пригород¹⁰ сожжен, а города народ
Тесним и окружен, и перекрыт подход
К течению реки, что прозывалась Од¹¹.
И не один был установлен камнемет,
- 15 Чтоб днем и ночью бить в твердь башен и ворот.
Се, чудо из чудес Господь явил с высот:
Хотя со стен пустили арбалеты в ход,
И всяк на франков направлял разящий дрот,
Но половина стрел стремилась в ров полет.
- 20 Я сам слышал, и поручусь — молва не лжет:
Стервятников, ворон иль птиц иных пород¹²
Над франкской армией не видели в тот год.
С нехваткой снеди вовсе не было забот,
День за тридцать штук хлебов — смешон расход!¹³
- 25 Но франки, захватив из копей соль¹⁴, в поход
Везли ее с собой, пуская в оборот,
Чтобы за счет ее восполнить недочет.
Но все ж в убытке всяк, не окупил доход
Издержек и затрат.

[26]

- Был август на дворе, как люди говорят,
Когда явилась рать под многостенный град.
Сир Пейре д'Арагон привел туда отряд
В сто рыцарей¹⁵, — на них не пожалел он трат¹⁶.
- 5 Обед в разгаре был: жаркое все едят.
Но побросали все, завидев: гости мчат.
Навстречу поспешил всяк рыцарь и прелат;

17. Рыцари короля были из Каталонии и Арагона.

18. Графы Барселонские (наследником которых являлся Педро Арагонский) в 1067 г. получили власть над графствами Каркассон и Разес; после некоторого перерыва их права были восстановлены при графе Барселонском Раймоне-Беренгьере III (умер в 1131 г.) и при Альфонсо II Арагонском (умер в 1196 г.).

Фраза оригинала («Que ilh eran sei ome, sei amic e sei drut») выражает вассально-ленные отношения между королем и рыцарями; дословно — «его люди (вассалы), его друзья и его соратники».

19. В тексте «Песни» наличествует лакуна. Восстановленная по прозаической версии, данная фраза звучит как: «Король пришел вовсе не для того, чтобы помочь им в вооруженном сопротивлении».

20. В данном случае это — традиционное обращение к любому знатному человеку.

21. Королевским ордонансом от 1197 г., адресованным всем вассалам королевства Арагон, предписывалось изгнать еретиков из своих земель. По всей видимости, в феврале 1204 г., после каркассонского диспута, на котором король присутствовал (см. лэссу 2), Педро Арагонский призвал виконта к выполнению условий ордонанса.

22. В Каркассоне и области Каркассе катаризм был широко распространен. После катарского собора в Сан-Фелисе (1167 г.) Каркассон стал одним из катарских епископатов; первым катарским епископом Каркассона был назначен некто Гираут Мерсьер; в начале XIII в. его сменил Бернард Симорр.

Сир их приветствовал; гостям был всякий рад,
Привет рекли уста.

[27]

Поставил у воды, где сень дерев густа,
Тулузский граф шатер, что прочим не чета.
Там гости из-за Пиренейского хребта¹⁷,
Что с королем пришли, нашли себе места.

5 Когда же свита наконец была сыта,
Гнедого оседлав коня, не взяв щита,
Король без войска въехал в города врата.
Он взял с собою лишь троих — и неспроста.
Виконт ему навстречу ринулся с поста,

10 И радостная тут поднялась суета —
Сбылась, все чаяли, о помощи мечта,
Ведь был король им другом многие лета¹⁸.
Но цель у короля сейчас была не та...¹⁹
И армия с собой им не была взята:

15 Слова мольбы лишь речь могли его уста.
Виконт поведал, сколь их доля непроста,
Сколь участь горожан Безье была люта,
Сколь лен его страдал от воинства Креста.
Король ответил, что теперь пенять — тщета.

20 «Барон²⁰, — он рек, — во имя Господа Христа,
Я вам твердил, что тех, чья вера нечиста,
Из лена нужно гнать²¹ — но речь была пуста,
Ведь половина ими града занята,
Живут здесь, не таясь!»²²

[28]

«Виконт, — сказал король, немало огорчась, —
Мне жаль, что вы в беде, из-за глупцов томясь,
Кто в заблужденье впал, с рассудком распростясь.

23. В тексте поэмы, судя по всему, пропущен стих. В соответствующем месте прозаической версии говорится, что виконт попросил короля вступить за него перед легатом и крестоносцами.

24. Рожер, отец виконта Раймона-Рожера, принес вассальную клятву Альфонсо II (годы правления 1162—1196), отцу короля Педро II, и вступил с ним в союз против графа Тулузского в ноябре 1179 г.

25. Аббат Сито руководил походом и фактически единовластно распоряжался в армии, опираясь на полномочия папского легата, вплоть до того момента, когда власть над покоренными землями была вручена Симону де Монфору. И даже после того авторитет легата оставался незыблем.

- Спасение в одном: нимало не чинясь,
5 Поладить с франками, о мире сговорясь.
Свидетель мне Господь, скажу, не устыдясь:
Не верю, чтоб надежда ваша бы сбылась,
Когда бы яростная битва началась.
Ведь велика та рать, что против вас сошлась,
10 Падете вскоре вы, оборониться тщась.
Вы верите в свой град, осады не боясь;
И оборона вам бы, верно, удалась,
Когда бы в город вся округа не стеклась —
Но здесь толпа детей и женщин собралась.
15 Я ж вам сочувствую, крепка меж нами связь,
Такую к вам любовь питаю отродясь —
Все ради вас приму, лишь не бесчестья грязь». —
Виконт же...²³ за него с баронами вступаю,
О мире бы радел.

[29]

- «Сеньор, — сказал виконт, — вам передан в удел
Град и народ мой, что в его стенах засел;
Ведь все мы — ваши; нами издавна владел
Отец ваш, что на нас с любовью смотрел²⁴».
5 Дослушав эту речь, король в седло воссел:
Вернувшись к франкам, он совет держать хотел.
Там был аббат Сито, — он всех собрать сумел,
И без него там не решалось важных дел²⁵.
Король пересказал все, что уразумел
10 Из слов виконтовых, и сил не пожалел,
Виконтовой беде тщась положить предел.
Но сколько б он о соглашенье ни радел,
Вот все, в чем просьбами своими преуспел:
Лишь для него совет уступку потерпел —
15 Виконт пусть выйдет сам - двенадцать, жив и цел,

26. 10 сентября 1209 г. он был в Барселоне и 28 сентября — в Лерида.

27. Вид широко применявшихся осадных машин: нечто вроде крытых телег на колесах или катках, что служили прикрытием осаждающим. Названием «кошки» они обязаны специальным крючьям, которыми эти башни

цеплялись за стены. Использовались, в частности, при осаде Терма, Муассака, Лавора и Тулузы.

28. Т.е. напоминали крестоносцам, что, идя в бой, они тем самым «зарабатывают» себе индульгенцию — отпущение грехов.

- С собою взяв лишь то, что на себе имел,
И войску франков сдав на милость свой надел.
Сквозь зубы процедил король, от гнева бел:
«Да раньше бы осел по небу полетел!»
- 20 Вернулся в город он, хоть яростью кипел,
И всем поведал, что совет сказать велел.
От этой новости виконт рассвирепел:
Уж лучше б, дескать, нам содрали кожу с тел,
Чем согласиться на грабительский раздел;
- 25 Последнего из слуг не бросит тот, кто смел.
Пусть прочь спешит король; виконт же не сробел
И будет защищать свой град, куда цел.
Король, садясь в седло, немало восскорбел
И головой поник.

[30]

- Печалью омрачен был королевский лик:
Что не помочь ему друзьям, сеньор постиг
И в Арагон домой помчал за много лиг²⁶.
А франки завалили рвы, — труд был велик! —
- 5 И «кошек» и «котов»²⁷ соорудили вмиг.
Бароны ездили, блистая сталью пик,
В град доступа ища в обход иль напрямик.
Епископ и монах, приор и духовник
Рекли: «К прощенью!»²⁸ В бой! Да сгинет еретик!»
- 10 Тут на стене виконт с баронами возник;
Слал каждый арбалет стрел смертоносный клык,
И был в обоих лагерях урон велик.
Но город полон был, стоял в нем шум и гик —
То беженцы стеклись — и юный, и старик.
- 15 Крестовый люд и за год цели б не достиг.
Но хоть крепка стена и грозен башен пик,
Их враг лишил воды, а летний зной был дик:

29. Мясо съедалось, а свежесодранные шкуры использовались для того, чтобы защищать от огня деревянный «боевой ход» и военные машины.

30. Этот эпизод изложен только у Гильема Тудельского и нигде больше; причем имени знатного крестоносца автор не называет, возможно по незнанию. Предположительно, это был один из двух братьев Куртене (см. комментарий к лэссе 12), Пьер или Роберт, поскольку этот персонаж в поэме называет себя родственником Раймона-Рожера, а эти двое приходились внуками французскому королю Людовику VI и правнуками виконту

Безьерскому по его матери Аделаиде (Алазис), она же приходилась дочерью Констанции, сестре Пьера I де Куртене.

31. Это приглашение к капитуляции явилось следствием решения, принятого предводителями крестоносцев на совете, описанном П. де Во де Серне (§98): было решено по возможности избежать штурма, поскольку при разграблении и пожаре будут уничтожены все городские ресурсы, столь необходимые войску захватчиков в завоеванной стране. Только по этой причине Каркассон избежал участи Безье.

- Колодцы высохли, воды иссяк родник.
Тут многих горожан лихой недуг настиг:
20 Ведь в город согнан скот, ободран мул и бык²⁹ —
Заразы гнусной яд во все места проник;
Повсюду женщин и детей поднялся крик —
Ведь все дома полны подобных горемык.
Сколь мух там развелось — не выразит язык:
25 Всех мучили они; от бедствий всякий сник.
Семь дней назад король уехал, встав в тупик,
Тут встречу предложил знатнейший из владык,
И с пропуском виконт поехал в тот же миг
Со свитою на зов³⁰.

[31]

- Покинул град виконт, совет держать готов:
С ним — сотня рыцарей, и тридцать лишь бойцов
У сира знатного, кем славен полк Христов.
Он рек: «В родстве мы с вами испокон веков.
5 Да распрострет Господь над нами свой покров!
Я примирить вас тшусь ценой любых трудов:
Радею я за вас и ваших храбрецов.
Когда б союзных скоро ждали вы полков,
То были б правы, защищая отчий кров.
10 Но, Бог свидетель, вы — один среди врагов.
Так сговоритесь с Папой, мой совет таков,
Да и с баронами; скажу, не тратя слов:
Коль силой вас возьмут, вам не сносить голов,
И будет ваш удел, как у Безье, суров.
15 Спасите же себя от смерти и оков!
Что деньги? Ваша жизнь ценнее всех даров!»
Вняв речи сей³¹, виконт сказал: «Совет толков!
Я сделаю, как мне велят, в конце концов,
Вы и Филипп, король французских городов.

32. В оригинале здесь практически дословно повторяются первые семь строчек предыдущей лэссе (возможно, ошибка переписчика).

33. Эрве де Донзи, см. комментарий к лэссе 8.

34. В своем издании «Песни» П. Мейер предполагает, что этим клириком мог быть уже поименованный выше Понс де Мела (см. лэссу 5).

35. В сообщении Гильема Тудельского содержится определенное противоречие. С одной стороны, он называет слово «заложник», *ostatge*, которое само по себе обозначает принятие определенного соглашения; с другой стороны, заявляет, что, сдавшись крестоносцам, виконт «поступил как безумец», что подразумевает наличие со стороны крестоносцев определенного вероломства. В рукописи «Песни», вероятно, отсутствует несколько строчек, которые описывали ход событий между прибытием Тренкавеля к графу Неверскому и выходом жителей Каркассона из города, поэтому мы можем лишь делать предположения по поводу подлинного развития событий. Само слово «заложник» подразумевает, что в таком качестве остаются до выполнения условий соглашения; однако мы видим, что после того, как город с его добром перешел в руки крестоносцев, Тренкавеля из заключения не выпустили. Наиболее вероятно, что переговоры все-таки имели место, виконт был готов передать себя в руки крестоносцев до окончательного выполнения условий капитуляции (согласно повествованию Гильема Пюилоранского), но когда город с его богатствами перешел во власть крестоносцев, его, вопреки договоренности, не освободили (см.: *Roquebert* I. P. 391—392). В прозаической версии говорится о «великом предательстве», причем вина возлагается непосредственно на легата: «Владыки и сеньоры были ни в чем не повинны и о пресловутом предательстве не

ведали». Возможно, это действительно произошло скорее по инициативе легата, нежели крупных сеньоров — предводителей похода. Трубадур Гильем Ауджьер Новелла, автор Плача (*planh*) о смерти Тренкавеля, прямо говорит о том, что последний пожертвовал собой ради жителей города: «*E pus Deus mort pres / per no a salvar, semblans es / de lui qu'ès passatz al sieu pon / per los sieus estorser, l'aon...*» [«Так как Господь тоже принял смерть ради нашего спасения, то подобен ему тот, кто прошел по такому же мосту ради спасения своих ближних»] (цит. по: *Augier G. Quascus plor et plahn son dampnatge. Dans De Riquer M. Los Trovadores. Historia literaria y textos. 3 vols. Barcelona, 1975. III, chap. LXVIII, n. 235. P. 1178—1183, II*).

36. Лакуна в тексте; по всей видимости, здесь были сформулированы условия капитуляции.

37. *Sirjant* (фр. *sergent*, от лат. *servientes*, буквально — слуги, свита); их статус был ниже рыцарского. Существовало несколько категорий сержантов; в данном контексте, по всей видимости, в обоих лагерях сержанты — это, как правило, конные всадники. Число их существенно превышало количество рыцарей; так, у П. де Во де Серне упоминается отряд в 300 сержантов и пять рыцарей (§179).

38. Брэ — надеваемые под верхнюю одежду штаны из белого или небеленого льна, присборенные на талии и подпоясанные шнуром.

39. Та же формулировка повторяется у Гильема Пюилоранского: «в рубашах и брэ», т.е. не имея на себе ничего, кроме нижнего белья. В хронике П. де Во де Серне осажденные покидают город «нагишом, отягченные лишь собственными грехами» (§98).

- 20 Я оправдать себя немедленно готов,
Коль мне покорность злых не принесет плодов».
«Я вас сопровожу до войсковых шатров,
И обещаю, что вернетесь жив-здоров,
А я не пустослов!»

[32]

- Виконт оставил град, совет держать готов:
С ним сто соратников, и тридцать лишь бойцов
У сира знатного, кем славен полк Христов.
Он рек: «В родстве мы с вами испокон веков.
5 Да распрострет Господь над нами Свой покров!
Я примирить вас тщусь ценой любых трудов:
Радею я за вас и ваших храбрецов»³².
Они вошли в шатер, друг другу все сказав.
Там шел совет; шатром владел неверский граф³³.
10 Дивились рыцари, виконта увидав, —
Так клирик³⁴ рассказал, чин мессы прочитав:
Ведь сам пришел виконт, себя в залог отдав.
По мне, так сдавшись в плен, он был отнюдь не прав,
Безумьем обуян³⁵.

[33]

- Виконт Безье, и те, кто вместе с ним был зван, —
Их девять — всеми почитаемых южан, —
Явились к графу де Невер во франкский стан.
Бургунд и франк дивились, ибо гость неждан...³⁶
5 Все рыцари и с ними толпы горожан,
И много дев и донн, — им путь был невозбран, —
Свой град покинули: и знатный, и мужлан;
Сержанты³⁷, экуюе и без числа селян,
Не взяв с собой добра ценой в гнилой каштан,
10 В брэ³⁸ и рубахах из холста, что домоткан³⁹, —

40. Барбакан — оборонительная постройка, защищающая вход или подъемный мост в крепость.

41. Т.е. участники осады получали индульгенцию с полным отпущением грехов.

42. «Мраморное крыльцо» (*perron de marbre*) часто упоминается в сходных ситуациях в шансон де жест; по всей видимости, имеются в виду античные руины, в изобилии встречавшиеся на юге. В ходе археологических раскопок на территории сохранившегося до наших дней замка Тренкавелей в Каркассоне были действительно обнаружены следы римских строений.

43. Крестоносцы, расхищавшие добычу, захваченную в Каркассоне, действительно попадали под отлучение (см. буллу от 9 ноября 1209 г., адресованную епископам Оссерскому и Орлеанскому: рыцари, которым было доверено хранить городское добро после захвата города, были отлучены три месяца спустя за присвоение имущества стоимостью 5000 ливров). Все, что было в городе, должно было отойти к новому сеньору, как только такового изберут.

- Такой приказ им крестоносцами был дан, —
Кто шел в Тулузу, тяжким горем обуян,
Кто — в Арагон, искать приют среди дальних стран.
Французы же вошли в ситэ, что был им сдан,
15 Заняв виконтов дом, донжон и барбакан⁴⁰.
Добычу трудно счесть; победой всякий пьян;
Присвоить мула и коня был каждый рьян,
По-честному деясь, — здесь не пристал обман.
Герольды шли сквозь строй, скликая прихожан,
20 Чтоб был к прощению⁴¹ крестовый люд собран.
На мраморном крыльце⁴² встал над толпой мирян
Аббат Сито, священным рвением осиян:
«Сеньоры, — рек он, — славой наш поход венчан.
Се, порадел Господь за дело христиан:
25 Не противостоит вам ни один смутьян!
Во имя Господа, что на кресте заклан,
И в стоимость угля иль пригоршни семян
Добра никто да не припрячет в свой карман, —
Иль всех вас отлучить мне в долг вменяет сан⁴³.
30 Пусть всем владеет знатный сир, из вас избран,
Чтоб править сей страной, — таков разумный план.
Пусть будет враг навеки изгнан, окаян!»
Все согласились, в том не усмотрев изъян,
И был вопрос решен.

1. 15 августа 1209 г., в день Успения Богородицы.

2. Предводитель отряда наемников (*mainada*), некто Пейре Араговец (Арагон). П. де Во де Серне сообщает, что Фанжо был занят арагонскими рыцарями (§110); возможно, данный персонаж из их числа. В качестве одной из гипотез М. Рокбер рассматривает возможность его принадлежности не к арагонским рутьерам, а к окситанскому семейству д'Арагон (сеньоры небольшого городка Арагон к северу от Каркассона). По всей видимости, именно он (*Petrus Aragonensis*) фигурирует в качестве свидетеля в дарственной С. де Монфора от 20 июля 1210 г. епископу Безьерскому (*Histoire de Languedoc*. Vol. VIII. Col. 601). Он же, в свою очередь, передал в дар святому Доминику свою собственность в Альзонне. Подробнее см.: *Roquebert* I. P. 423–425.

3. Т.е. земли Раймона-Рожера Тренкавеля: виконтства Каркассонское и Безьерское, а также Альбигуа и Разес. Данное предложение прелата – очередное грубое нарушение феодального права: у лишённого владений и плененного виконта имелся законный наследник двух лет от роду, которого никак нельзя было обвинить в покровительстве еретикам; в данном случае, даже если Раймон-Рожер был признан виновным, речь могла идти не о передаче виконтства иному владельцу, но разве что о регентстве.

4. Согласно хронике П. де Во де Серне (§101), земли виконта Безьерского предлагались сперва графу Неверскому, потом, после его отказа, герцогу Бургундскому; зато о предложении графу Сен-Полю он не упоминает.

IV

Крестоносцы в завоеванной стране

[34]

- Как вам я рассказал, был занят Каркассон¹;
Повсюду беженцы текли со всех сторон;
В Фанжо и Монреаль поставлен гарнизон;
И старцы, и юнцы из них бежали вон.
- 5 А предводитель банды Пейре Арагон²,
Как говорят, изрядно был обогащен.
Аббат Сито как есть забыл покой и сон —
Лишь мессу Духа отслужил он без препон
И проповедал, как Господь наш был рожден,
- 10 Он рек: над леном, что хозяина лишен³,
Совместно избранный, пусть властвует барон.
Был выбран граф Невер, и знатен и силен,
Но отказался этим краем править он,
Равно и граф Сен-Поль⁴; тот рек, что наделен
- 15 Землей достаточной, чтоб до исхода ден
Прожить в краю отцов, что дал ему закон;
Чужие ж земли отбирать им не резон.
И каждый счел, что будет только посрамлен,
Коль примет сей надел.

5. Симон IV де Монфор (ок. 1165–1218), V граф Лестерский; сын Симона III де Монфора, сеньора Монфор-л'Амори (примерно в 40 км к западу от Парижа), и Амисии де Бомон, дочери Робера де Бомон, III графа Лестерского. Унаследовал сеньорию Монфор по смерти отца в 1188 г. В 1190 г. женился на Аликс (Алисе) де Монморанси, дочери Бушара III де Монморанси. Участвовал в Четвертом крестовом походе вместе с братом Ги; дошел до города Зара (Задар), принадлежавшего венгерскому королю. После того как Папа Иннокентий III запретил штурм Зары под угрозой отлучения от Церкви, некоторые рыцари, в том числе и Монфор, предпочли не идти наперекор воле Рима: авантюра представлялась весьма сомнительной, материальная выгода (особенно для тех, кто не являлся военными предводителями похода) – достаточно иллюзорной. В хронике П. де Во де Серне приводится обращение Монфора к горожанам, которые пришли на сбор просить о мире: «Тогда благородный граф обратился к жителям Зары в присутствии всех баронов со следующими словами: «Я пришел сюда не затем, чтобы уничтожить христиан. Я вам вреда не причиню; и, что бы ни делали остальные, я сделаю так, что от меня и моих людей вам вреда не будет» (§106). Напрашивается вывод, что Монфор фактически воспрепятствовал сдаче Зары, внушив жителям мысль, что штурм может и не быть, ибо в стане крестоносцев нет единодушия. Во всяком случае, горожане теперь недооценивали исходящую от католического воинства опасность. Тем самым Монфор в какой-то степени подставил жителей Зары под удар – город, отказавшийся сдаться, был взят и разграблен в 1202 г. (Показательно, что впоследствии в Лангедоке и особенно в слабо затронутом катарской верой Провансе Монфор причинял немалый урон ортодоксальным католикам – ибо здесь, в отличие от Зары, он сражался во имя собственных интересов.) После того Симон де Монфор покинул крестоносную армию и отправился в Сирию, где сражался с сарацинами либо турками, но, в отличие от Окситании, не задержался там надолго (подробнее см.: *Виллардуэн Ж. Завоевание Константинополя*. М., 1993. §109. Р. 29 и хронике П. де Во де Серне, §106).

6. Симон де Монфор унаследовал английское графство Лестерское по смерти дяди с

материнской стороны, Робера IV де Бомона, в 1204 г. (тот умер бездетным). Однако английский король Иоанн, в том же году утративший Нормандию в пользу короля Филиппа-Августа, не позволял вассалам, присягавшим на верность королю Франции, владеть английскими фьефами. Поскольку Симон владел Монфором, его притязания на английские земли теряли силу; владения поступали в распоряжение наместников. Титул графа Лестерского вернулся к сыну С. де Монфора (Симону V) только в 1239 г. Однако ж после 1204 г. Симон IV, как правило, именовался «графом Лестерским и сеньором Монфора» – эта формула фигурирует в большинстве его писем и во многих юридических документах. В оригинале в этом месте, по невнимательности либо неведению автора или переписчика, «Лестер» превратился в «Винчестер» (Guinsestre), так же как в лэссе 152; в свете чего авторское уточнение «si la gesta no ment» («если жеста не лжет») особенно уместно.

7. П. де Во де Серне уточняет, что Симон де Монфор был избран собранием из двух епископов и четырех баронов во главе с аббатом Ситоским (§101). Выборы состоялись до 31 августа 1209 г., поскольку о принятом решении легаты сообщили Иннокентию III в письме, датированном этим месяцем. Одновременно Папе написал и сам Симон де Монфор, дабы получить подтверждение своего избрания; Иннокентий III ответил двумя письмами, от 11 и 12 ноября. С этого момента Монфор становится фактическим главой Альбигойского крестового похода, хотя Арнольд-Амальрик осуществляет общее руководство, в том числе и военными операциями.

8. Т.е. Безье, Каркассон, Разес и Альби и сверх того Лораре, Минервуа и Терменес. Более того, легаты в письме к Папе рассматривали возможность передать С. де Монфору весь тамошний край, за единственным исключением графства Тулузского. После августа 1209 г. С. де Монфор обычно добавляет к формулировке «граф Лестерский и сеньор Монфора» титулы Тренкавейлей, как, например, в письме к Иннокентию III от того же месяца, где он именует себя «Simon Comes Leicestriae, dominus Montis Fortis, Biterriensis et Carcassonnensis Vicecomis», «граф Лестерский, сеньор Монфора, виконт Безьерский

[35]

- Был на совете том при обсужденье дел
Владетельный барон, воинственен и смел,
В походах закален, умен, в сужденьях зрел,
Правдив, душою прям, он кроткий нрав имел,
5 И в вежественном обхожденье был умен.
В походах за морем он много преуспел:
Под Зарой был и турок в битвах не жалел.
То был Монфора граф⁵, он там землей владел,
И Лестера сеньор⁶, коль я правдиво спел.
10 И каждый, кто в совете был⁷, о том радел,
Чтобы виконтов передать ему надел
И край окрестный, что в безбожье закоснел⁸.
«Сеньор, — сказал аббат, — вам сам Господь велел
Так поступить, как наш совет уразумел;
15 Господь и Папа вам даруют сей удел,
А вслед за ними — мы, чей дух не ослабел.
Любой поможет вам, куда жив и цел».
«Ну что же, — молвил граф, — чтоб лен мой уцелел,
Пусть поклянется всяк, кто власть мне дать хотел,
20 По зову первому явиться в мой предел
Мне помощь оказать среди мечей и стрел».
Согласен каждый был и ликом просветлел.
Граф принял фьеф и ни на миг не оробел,
Сей почестью взыскан.

[36]

- Когда граф де Монфор⁹ был властью увенчан
И город Каркассон ему в домен отдан,
Граф был задумчив и сомненьем обуян.
Почти что все друзья, его покинув стан,
5 Направиться в Париж теперь имели план:

и Каркассонский»; а также титулует себя сеньором Альби и Разеса.

9. При том, что сеньория Монфор графством не являлась, именование «граф де Монфор» вошло в употребление – благодаря титулу графа Лестерского (на каковой титул Симон де Монфор, строго говоря, тоже не имел права; см. выше). «Графом де Монфор» его называют и Гильем Тудельский, и П. де Во де Серне; папская булла от 2 апреля 1215 г. обращена к «Симону, графу де Монфору».

10. Число «десять» (окс. *dis*) и выражение «девять-десять» в целом, со всей очевидностью, использовано из соображений рифмы (вся лэсса строится на рифме -is). Уже несколькими строками ниже, по ходу перечисления сподвижников Монфора, выясняется, что их больше десяти. П. де Во де Серне говорит о «приблизительно тридцати» соратниках (§115).

11. Сайсси (*Saïsis*, или *Saïssin*) идентифицируется со знатым нормандским семейством Сиссей (*Cissey*); еще один его представитель, Пьер, или Перрен, упоминается в «Песни» трижды (в лэссах 124 и 127): возможно, здесь и далее имеет место путаница имен и речь идет об одном и том же участнике похода. П. Мейер предположительно соотносит данного персонажа с Симоном де Пуасси (*Poissi*), что, скорее всего, не соответствует истине (Meyer. P. 42).

12. На сей раз Гильем Тудельский не ошибся; Робер де Пикиньи – барон из нормандского Вексена; вассал английского короля, он перешел под власть короля Франции (см.: *De La Morlière A. Recueil de plusieurs nobles... maisons du diocèse d'Amiens. Amiens, 1630. P. 17*); в 1215 г. он фигурирует среди знати, приносившей клятву привести в исполнение Великую хартию вольностей. П. Мейер, впрочем, считает, что Гильем Тудельский ошибся, и идентифицирует данного персонажа с Робером де Пекерни (*Pequerni, Piquigny*), который упоминается во второй части поэмы (ст. 6912, 7775) и который происходил из Пикардии, а не Нормандии.

13. Этот персонаж родом из Бургундии, из-под Невера; своим именем, по всей видимости, обязан замку де Контре (округ д'Урзи). По всей видимости, это тот же самый персонаж, которому граф Неверский завещал своего

парадного коня (*De Lespinasse R. Le Nivernais et les comtes de Nevers. Vol. II. P., 1909–1914. P. 180, 221*). Именно ему Симон де Монфор поручит оборону осадных орудий, расположенных под Каркассоном в 1210 г., в то время как сам будет осаждать Терм; на момент раздачи Монфором фьефов своим соратникам именно ему достанется Безье (лэсса 37). Гильем де Контре сыграл значимую роль при осаде Муассака в 1212 г.; тогда же он получил от С. де Монфора Кабель-Саррасен (см. лэссу 124); сражался с бандами рутьеров в районе Монтобана, чем, очевидно, заслужил особое благоволение в глазах автора. Гильем Тудельский осыпает его похвалами на протяжении всей хроники (лэссы 51, 118, 127).

14. Святой Дени, или святой Дионисий Парижский (III в. н. э.) – один из важнейших святых Франции, по преданию, первый епископ Парижа, принял мученическую смерть около 250 г., но в Средние века официально отождествлялся со святым Дионисием Ареопагитом, обращенным апостолом Павлом. Королевские династии, начиная с Каролингов, считали его своим покровителем. Также считается покровителем Парижа и Франции в целом и входит в число Четырнадцати святых помощников, почитавшихся как единая группа со времен эпидемии 1346–1349 гг.

15. Ги, младший сын в семействе сеньоров де Леви (сегодня это место называется Леви-Сен-Ном); их владения находились по соседству с землями С. де Монфора. Он был маршалом крестоносной армии, под началом Монфора, его сына Амори и короля Людовика VIII. В награду за службу он получил в 1209 г. сеньорию Мирпуа, отнятую у законного владельца Пейре-Роже, обвиненного в ереси (см.: *Olive S. Archives du château de Lérans. Toulouse, 1903. Vol. I. P. 21; Vol. III. P. 59*).

16. Пикардийский рыцарь, вассал сира де Майи; его владения находились в Боссаре (П. Мейер, вслед за «Историческим словарем Пикардии», ошибочно утверждает, что в Форсевилле-ан-Вимо). По предположению Мейера, возможно, он же под именем Роберт де Фревилль или Форвилль упоминается у Виллардуэна в перечне участников Четвертого крестового похода.

17. Этот рыцарь упоминается в поэме несколько раз под именем Ламберта де Лиму

- Ущелья глубоки и густ в горах туман,
Удел погибнуть здесь нисколько не желан.
Осталось девять-десять¹⁰ сиров-северян,
И каждый — знатен и величием осиян:
- 10 Прославленный Симон, что де Сайсси прозван¹¹,
Робер де Пикиньи, по-моему, норманн¹²,
И де Контре Гильем¹³, что не страшился ран, —
Клянусь святым Дени¹⁴! — чтоб свой прославить клан.
И с ними — маршал Ги¹⁵, что доблестен и рыян;
- 15 Де Форсевилль¹⁶ и де Креси¹⁷, гроза южан;
Д'Аржи¹⁸ и Шодерон¹⁹ — вас не введу в обман;
Понс де Бомон²⁰ и с ним — кузен, достойный Жан,
И многие, кто здесь остался безымян;
Виконт де Донж²¹, с ним д'Анделис²² на бой призван;
- 20 Юк де Ласи²³, Роже Эссартский²⁴ — цвет мирян.
Когда б я вместе с ними, славой христиан,
Прошел путями ими покоренных стран,
Улучшил книгу б я, и не один изъян
В ней был бы устраниен²⁵.

[37]

- Когда Монфора граф, по имени Симон,
Собрал своих людей, занявши Каркассон,
Гильема де Контре, — храним будь Богом он! —
Граф отослал в Безье, ведь вряд ли есть барон,
- 5 Что лучше б сохранил и замок, и донжон,
И город, что землей богатой окружен.
Коль Португалия, и с ней — земля Леон
Вошли бы в лен, что эн Гильему подчинен,
Он лучше правил бы, — будь я Христом спасен!
- 10 Чем те безумцы, что воссели там на трон:
И в пуговицу мной их ум не оценен²⁶.
Ламберта де Креси в Лиму послал Симон,

(после того как в 1209 г. получил от Симона де Монфора сеньорию Лиму, см. лэссу 37). Он был родом из Бургундии, поскольку П. де Во де Серне именует его Ламбертом де Тюри (см. §82, 248, 414), а Тюри и Креси находятся рядом в бургундском департаменте Йонны. У Ламберта де Креси было два сына, Ламберт и Симон; оба оставили за собою имя Тюри (*Histoire de Languedoc*. Vol. VIII. Col. 973). Оба Ламберта, отец и сын, фигурируют в актах от 1213 и 1219 гг.; один – как сеньор Пуювера (Од), второй – как сеньор Ломбера в Альбигуа. Ламберт-старший в 1216 г. стал также сенешалем Бокера. В 1229 г. «Ламберт де Лиму» заверяет своей печатью документ, подтверждающий примирение с Церковью Рожера-Бернара, графа де Фуа.

18. Имя Рауля д'Аржи (*Raoul d'Argis*) с трудом поддается идентификации: Мейер соотносит его с Аси (Асу, департамент Эны); Мартен-Шабо в качестве возможной гипотезы предлагает Ажи (Агу, департамент Кальвадос), нормандский фьеф, либо Ажей (Agey, Кот-д'Ор) в Бургундии. Некий Рауль д'Аси (возможно, его сын или внук, по версии Мейера), воевал в Святой земле в 1254 г.

19. Королевский указ от 1266 г., адресованный сенешалю Каркассона, посвящен правам наследования этого персонажа, Ренье де Шодерона (*Régnier de Chauderon*). Мартен-Шабо и Мейер предполагают, что его же можно идентифицировать с Р. де Шодеронно (*R. de Chauderonno*), фигурирующего в тяжбе аббатства Бульбонн в 1217 г. (*Histoire de Languedoc*. Vol. VIII. Col. 701, 1364). Во Франции есть несколько мест с названием Шодерон или Шодрон (*Chauderon, Chaudron*) – в департаментах Йонны, Эны, Ду и т.д.

20. Понс де Бомон, поставленный С. де Монфором балъи в Лаграве, был убит в ходе восстания в Керси (см. лэссы 108, 109). О происхождении семейства ничего не известно, равно как и о судьбе «кузена Жана».

21. Руо, виконт Донжский (лат. *de Ungia* и *de Ungiis*) из Нантской области; присутствовал в войске С. де Монфора при Монпелье (24 ноября 1209 г. и 27 января 1211 г.) и на осаде Лавора (3 апреля 1211 г.) (см.: *Histoire de Languedoc*. Vol. VIII. Col. 581, 608); фигурирует в постановлениях, принятых в Бретани в 1219 и 1225 гг.

22. Имеется в виду либо Роже д'Анделис (*Roger d'Andelys*), в 1201 г. поставленный Иоанном Безземельным владельцем Лавардена, либо кто-то из Роже д'Анделисов – нормандских вассалов Филиппа-Августа (*Recueil des hist. de France*. Vol. XXIII. P. 616, 717): возможно, тот, что числился в вассалах у графа д'Э в 1205 г. (*Passier H. et A. Trésor généalogique de Dom Villeveille*. Vol. I. P., 1875. P. 396).

23. Второй сын Юка де Ласи (*Lacy* или *Lassy*), сеньора Мита в Ирландии (погибшего в 1186 г.). Он участвовал в восстании против короля Иоанна Безземельного; потерпел поражение и, будучи изгнанником, прикнук к Альбигойскому крестовому походу – согласно английским хроникам, летом 1210 г. (*Annales Cambriae*. P. 66; *Annales monastici*. T. I. P. 30; T. III. P. 32; *Matthaei Parisiensis Chron. maj.*, éd. Luard. T. II. P. 530). В Англию он возвратился только в 1222 г. (*Rotuli litterarum patentium*. P. 134, 150; *Rotuli litterarum clausurarum*. P. 501, 527; *Annales monastici* de Dunstable. T. III. P. 75). Получил в сеньориальное владение Каствельнодари и Лорак (*Guiraud J.*, ed. *Cartulaire de Prouille*. Vol. II. P., 1907. P. 134. Акты от 1214 и 1218 гг.).

24. В той форме, что приводит Гильем Тудельский, имя этого персонажа звучит как Роже де Л'Эссарт (*Rogers de l'Issart*). Известен французский рыцарь Гильем де Л'Эссарт (*Guillaume de l'Essart*), ставший сеньором Вильсикля в Каркассе (*Guiraud J.*, ed. *Cartulaire de Prouille*. Vol. II. P. 75. Акт от 1212 г.). Однако П. де Во де Серне (§424) и Гильем Пуилоранский (гл. XX), называя Роже по имени, используют форму множественного числа: *de Sartis, de Issartis*. Некий Роже дез Эссарт (*Roger des Essarts*) фигурирует в списке нормандских вассалов Филиппа-Августа (*Recueil des hist. de France*. Vol. XXIII. P. 714); скорее всего, здесь назван именно он. Про него известно довольно много: в 1203 г. он выступал посредником между Иоанном Безземельным и сеньором де Бретейля и получил за это сотню марок. Вскороости получил земельные пожалования от Филиппа-Августа; заодно с Жаном де Ласи принял участие в подготовке ирландского восстания против английского короля. Принял крест в 1209 г.; поручил все свое добро и старшего сына соседу и родственнику Гильему де Миньер. Его владения, Эссарт, находятся в департаменте Эр, кантон Дамвилль.

- Иных же разослал во множество сторон,
Как нужным счел, — чтоб создавать врагам заслон.
15 А сам Монфор, что львиным сердцем наделен,
Жил в Каркассоне, где в тюрьму был заключен...
Виконт: там умер он, недугом побежден²⁷.
Отребье злобное и всякий пустозвон,
Не зная ничего, болтают без препон,
20 Что ночью был виконт предательски сражен²⁸.
Но никогда бы граф, блюдя Христов закон,
Не стал бы убивать того, кто им пленен, —
И в том я слово дам²⁹.

[38]

- Отважный граф Монфор, как я поведал вам,
Князей, маркизов и баронов вняв мольбам,
Взял во владенье фьеф и утвердился там.
И обратился он с условием к землякам:
5 Пусть те всегда придут, чтоб дать отпор врагам.
Всяк клятву дал — явиться по его словам.
Тогда тулузский граф послал за сыном сам —
Угодно было видеть отрока князьям —
Из-под Парижа ныне прибывшим друзьям.
10 И де Рико Раймон³⁰ в четверг привез к войскам
Ребенка³¹, что красив, учтив не по годам, —
Джауфре де Пуатье³² им занимался сам.
Там герцог³³ добрый оказал прием гостям,
И граф Сен-Поль³⁴, его кузен, что нравом прям.
15 Войска ж, боясь, что скоро время холодам,
В Труа или в Париж вернулись по домам, —
Чрез Монпелье всяк мчит.

25. Важный авторский комментарий: Гильем Тудельский сетует, что не был очевидцем всех тех событий, о которых рассказывает в своей хронике, подтверждая, что во многом он опирается на чужие свидетельства.

26. Суровый приговор, вынесенный поэтом правителям Португалии и Леона, подсказан следующими событиями: Санчо I, король Португалии (годы правления 1185–1212), и Альфонсо IX, король Леона (годы правления 1188–1230), вместо того чтобы объединить силы в борьбе против мусульман, воевали друг с другом. Альфонсо IX даже заключил союз с эмиром Марокко и не участвовал в битве при Лас-Навас-де-Толоса (*De Almeida F. Historia de Portugal. Vol. I. Coimbra, 1922. P. 179 и далее*).

27. 10 ноября 1209 г., согласно некрологу каркассонской церкви (*Histoire de Languedoc. Vol. V. Col. 36*). Автор забегает вперед: подробно о смерти виконта Тренкавеля будет рассказано в лэссе 40.

28. Смерть молодого виконта Тренкавеля, «от дизентерии», как дословно сказано у Гильема Тудельского, произошла именно тогда, когда антимонфорское сопротивление набирало силу, – и Монфору была только на руку. Ходили слухи о том, что виконт был убит. Слухи эти яростно опровергают как Гильем Тудельский, так и Гильем Пюилоранский (гл. XIV); П. де Во де Серне о подозрениях умалчивает. Иннокентий III, по всей видимости, эти подозрения разделял; под впечатлением от изложения событий посланцами короля Педро Арагонского, в письме к Арнольду-Амальрику и другим (булла от 18 января 1213 г.) он называет виконта «*miserabiliter interfectus*», «плачевным образом умершвленным». Согласно поэту-Анониму, автору второй части «Песни», официальное обвинение выдвинул, в частности, Раймон де Рокфей (де Рокафольс) на IV Латеранском соборе в ноябре 1215 г. (лэсса 146), выступая в защиту осиротевшего сына виконта (*Martin-Chabot. Tome II. P. 57*). Примечательно, что никто из присутствующих на соборе не осмелился опровергнуть это обвинение. Знаменитый плач Гильема Ожьера Новеллы, трубадура начала или середины XIII в., посвящен трагической гибели Раймона-Рожера Тренкавеля: «*Mort Lan, et anc tan gran otrage / no vi hom ni tan gran error / fach mai ni tan gran*

estranhatge / de Dieu et a Nostre Senhor, / cum an fag li can renegat / del fals linhatge de Pilat / que Lan mort...» («Они убили его, и никогда никто не видел такого преступления, такого безумия, не совершал такого деяния, противного Господу Богу нашему, какое совершили эти вероломные псы, отродье Пилата, которые его убили»; цит. по: Augier G. Quascus plor et plahn son dampnatge. Dans *De Riquer M. Los Trovadores. Historia literaria y textos. 3 vols. Barcelona, 1975. III, chap. LXVIII, n. 235. P. 1178–1183, II.*)

29. Есть немало фактов, подтверждающих, что Монфору была выгодна смерть законного сеньора. Несмотря на то что Папа подтвердил его избрание новым виконтом, с точки зрения феодального права Монфор, строго говоря, был и оставался узурпатором, и его юридический статус как виконта был далеко не бесспорен. Известно, что 24 ноября 1209 г. вдова Тренкавеля была вынуждена, в обмен на возвращение приданого и годовую ренту, отказаться в пользу Монфора от прав на свою «вдовью долю» (*douaire*), которую составляли два замка – Пезенас (Pézenas) и Турбес (Tourbes) в Битерруа (области, прилегающие к Безье). Мало того, в договоре подтверждалось, что она отказывается также от любых других прав на владения мужа, на которые могла тем или иным образом претендовать. В январе 1211 г. Монфор добивается отказа от любых возможных прав на владения Тренкавелей от Раймона, дяди по отцу Раймона-Рожера, судя по всему, мелкого землевладельца. Все эти договоры заключались в присутствии многочисленных именитых свидетелей и скреплялись печатями. Но ни один из них не передавал Монфору полновесных юридических прав на завоеванные земли. Есть основания предположить, что Монфор добивался подобного же отречения от самого Тренкавеля, но, видимо, получил отказ и был вынужден пойти на крайние меры. Единственному сыну виконта на тот момент было два года, а при весьма высокой на вымирание законной династии естественным путем. В противном случае Монфор надеялся всецело упрочить свое положение до того момента, когда Тренкавель-младший станет способен отстаивать свои права на отцовский домен. Строго говоря, династия Тренкавелей окончательно утратила права на четыре виконтства только тогда, когда

[39]

- Так разделилась рать, и всяк домой спешит.
Но до того в Тулузу путь гонцов лежит:
Быть может, город соглашение заключит.
Вот добрых рыцарей отряд в Тулузу мчит —
- 5 Но там ответили: «Пусть будет, как решит
Сам Папа — нам к нему поехать надлежит».
С тем отбыли гонцы³⁵ — тут всяк бы стал сердит! —
И возвратились вспять, куда им долг велит,
С войсками в Монпелье — ведь путь туда открыт.
- 10 А граф Тулузский собираться в путь спешит:
Он ехать в Рим решил, коль правду песнь гласит,
В надежде, что его сам Папа защитит.
Еще до января он быть на месте мнит,
Вперед послав гонцов — и каждый знаменит:
- 15 Де Рабастен³⁶ (с трудом он вынес тот визит),
Аббат де Сент-Аударт³⁷, познавший боль обид:
Взамен наград он на год был в тюрьме закрыт.
Святого мужа притеснять — великий стыд!
Поведать Папе — пред гонцами долг стоит,
- 20 Что вскоре граф Раймон, войной по горло сыт,
Прибыть не преминет³⁸.

[40]

- Тулузский храбрый граф собрался в свой черед
В далекий путь³⁹; поехать он имел расчет
Во Францию, — ведь там кузен⁴⁰ его живет —
И к Императору, когда его найдет,
- 5 И к Папе — в каждом граф хотел найти оплот⁴¹.
Вот что сказал аббат Сито на этот счет,
Отговорив его пускаться в сей поход:
«Не стоит тратить сил, страдая от забот,

7 апреля 1247 г., в городе Безье, Раймон Тренкавель официально отрекся от них в пользу короля Людовика Святого; за заключением договора последовало освобождение от присяги консулов городов, а в октябре 1247 г. в Париже виконт символически разбил перед Людовиком свою печать.

30. По свидетельству Гильема Пюилоранского (гл. XXIII), Раймон де Рико (*Raimond de Ricaud*) был одним из наиболее влиятельных советников графа Тулузского и отвечал перед тулузским епископом Фолькетом за поведение Раймона VI. Он фигурирует как свидетель в ряде документов начиная с 1190 г.; стал вилуэром Тулузы в 1202 г., а после – графским байлем и графским сенешалем с 1210 г. (*Histoire de Languedoc*. Vol. VII. Col. 130; Vol. VIII. Col. 477). Зять Раймона де Рико являлся соправителем Лавора. Рико (департамент Од) находится под Кастельнодари.

31. Будущему графу Тулузскому Раймону VII, сыну Раймона VI от брака с Иоанной Английской, на тот момент пошел тринадцатый год: он родился в июле 1197 г. (см., в частности, хронику Гильема Пюилоранского, гл. V).

32. См. комментарий к лэссе 1.

33. В оригинале не уточняется, какой именно герцог; предположительно – герцог Бургундский, Одо III (см. комментарий к лэссе 8). По всей видимости, именно он (а не сын Раймона VI) назван кузеном графа де Сен-Поля, Гоше Шатильонского.

34. См. комментарий к лэссе 12.

35. На гонцов возлагалась миссия заставить тулузцев передать в руки крестоносцев ряд лиц и всю собственность тех их соотечественников, которых легат объявлял пособниками ереси; их должны были судить согласно кутуму Брена, или Бриенна. Тулузцы потребовали для них суда в соответствии с каноническим правом и, не добившись этого, отказались вступать в переговоры и апеллировали к Папе. По возвращении посольства аббат Ситоский отлучил от Церкви городских консулов и наложил интердикт на Тулузу: см. письмо легатов, датированное до 1 ноября 1209 г., и обращение тулузцев к королю Арагонскому (*Teulet A., éd. Layettes du Trésor des chartes*. Vol. I. P., 1863. P. 368).

36. См. комментарий к лэссе 10.

37. Раймон-Адемар, аббат де Сент-Аударт, был заключен в тюрьму по приказанию графа Тулузского, что, помимо всего прочего, ставилось в вину Раймону VI на Лаворском соборе в 1213 г. (PL. Vol. 216. Col. 838). На землях аббатства Св. Теодарда (в окситанском произношении – Аударт или Аузарт) в Монториоле в 1144 г. был основан город Монтобан.

38. Об этих посланцах более нигде не упоминается; более того, весь фрагмент в прозаическом пересказе опущен.

39. 20 сентября 1209 г. в своем завещании (*Histoire de Languedoc*. Vol. VIII. Col. 573) Раймон VI возвестил о своем намерении отправиться в Рим.

40. Т.е. французский король Филипп-Август. Мать Раймона VI, Констанция Французская, приходилась сестрой Людовику VII, отцу Филиппа-Августа; т.о., Раймон VI и король Франции были двоюродными братьями.

41. В письме, написанном до 1 ноября 1209 г. (PL. Vol. 216. Col. 127), легаты сообщали Папе, что Раймон VI задумал это тройное ходатайство, дабы потребовать справедливости в том, что касается крестового похода.

42. См. комментарий к лэссе 36. П. де Во де Серне (§115) сообщает, что граф остался «один, почти без поддержки» (*«solus et quasi desolatus»*). В письме к Папе, написанном примерно в это же время, Симон де Монфор описывает ситуацию в сходных выражениях: после отбытия основной части армии он остался почти совсем один (*«meferre solum inter inimicos Christi <...> cum non multo milite reliquerunt»*). В лэссе 36 Гильем Тудельский перечисляет оставшихся с Монфором рыцарей (противореча себе же: их заведомо больше «девяти-десяти»). Несомненно, на тот момент Монфор действительно испытывал недостаток в боевой силе (подкрепления прибыли только в марте); однако положение его было отнюдь не бедственным. В придачу к оставшимся рыцарям в его войске числились и сержанты, и солдаты-наемники (*soldarii*, которых Монфор, как явствует из его жалоб Папе, нанимал за непомерно высокую плату).

43. Граф Раймон-Рожер де Фуа (годы правления 1188–1223); условия этого мира суммированы у П. де Во де Серне (§120): мир был

- И деньги занимать, вводя себя в расход,
10 Коль можно все решить на месте без хлопот».
О графе де Монфоре снова речь пойдет:
Виконта приказал стеречь — и только! — тот,
И тем, что нужно, оделять от всех щедрот.
Но от судьбы никто вовеки не уйдет:
15 Виконт болел, и злой недуг принес свой плод —
Он умер, попросив причастья наперед.
Епископ града причастил его, и вот
Скончался раньше он, чем заалел восход.
Учтивый де Монфор, чей благороден род,
20 Всех к телу допустил, чтоб в скорби мог народ
Оплакать мертвого, что не стерпел невзгод.
Скорбели горько все, велик был горя гнет.
Граф с пышностью погреб его, явив почет.
Пусть Божью милость он на небе обретет,
Ведь всяк о нем рыдал!

[41]

- Пока крестовый люд обратно путь держал,
Граф де Монфор в великом горе пребывал;
Все поразъехались, отряд его был мал⁴².
Граф де Фуа⁴³, с ним примирился, в залог отдал
5 Монфору сына, что еще не возмужал.
Недолог был союз, достойный всех похвал:
Ведь вскоре каждый соглашение разорвал
И вновь в стране огонь войны запольхал⁴⁴.
А де Пепье Гираут⁴⁵, что графу присягал,
10 С ним дурно поступил и тем позор снискал.
Причиной ссоры их изрядный был скандал:
Гираутов дядя от руки француза пал,
Но граф Монфор убийцу строго покарал:
Живым его землей засыпать приказал⁴⁶.

заключен по инициативе графа де Фуа в ходе осады С. де Монфора крепости Прейксан, что находится между Лиму и Каркассоном; граф обещал во всем следовать велениям Церкви и передавал Монфору Прейксан. Однако хронист не уточняет, какой именно из сыновей стал заложником. Из версии Гильема Тудельского следует, что это был младший сын (дословно в оригинале – *son mendre filh*), именем Аймерик (см. тж.: *Histoire de Languedoc*. Vol. VII. P. 68). М. Рокбер отмечает, что, осадив Прейксан, Симон де Монфор превысил свои права, поскольку на владения графа де Фуа он не получал инвестиции. Видимо, он хотел оказать давление на графа, чтобы тот заключил с ним мир на выгодных для завоевателя условиях (*Roquebert I*. P. 437). Граф де Фуа, видя, сколь печальная участь постигла союзную ему династию Тренкавелей, отнюдь не желал сориться с Церковью и, соответственно, с Монфором, своим нынешним соседом, как с ее ставленником. Ж.-П. Кро-Майревель, историк виконтства Каркассонского, объясняет нападение Монфора на владения графа Фуа тем, что последний был опекуном малолетнего Раймона Тренкавеля (*Cros-Mayrevieille J.-P. Petite histoire de la vicomté de Carcassonne*. Monein, 2007. P. 91): перед наступлением крестоносцев Раймон-Рожер отправил к графу Фуа своих жену и ребенка, а с ними и картулярый – сборник всех правовых актов виконтства.

44. Замок Прейксан был отбит графом де Фуа приблизительно в ноябре 1209 г.

45. Гираут владел небольшим фьефом Пепье (*Pepios*) к югу от Минерва, на земле Тренкавелей. В июле 1209 г., после разгрома Безье, он вынужденно перешел на сторону крестоносцев и якобы встретил у Монфора добрый прием. П. де Во де Серне в подробностях распространяется о милостях Монфора по отношению к Гирауту и о предательстве последнего, захвате замка Пуиссергьер, «который принадлежал графу на территории Безье», однако причин измены не называет (§125–127). У него же рассказывается о захвате в начале 1212 г. замка Ле Туэль (диоцез Альби), принадлежавшего «отцу гнусного предателя» – Фредуля (или Фредона/Фределона) де Лотрек (§291); одна из его сестер, возможно, была *доброй женщиной*. Гираут возглавлял вооруженный отряд

на службе у графа Тулузского; в приговоре об отлучении, вынесенном ему легатами в Монпелье 6 февраля 1211 г., Гираут именуется «еретиком и предводителем рутьеров». В 1240 г. сражался на стороне виконта Каркассонского Тренкавеля; был разбит и захвачен в плен в Бюке (Од) королевскими войсками и погиб на костре (*Recueil des historiens de France*. Vol. XXIV. P. 559, 575).

46. Наказание для убийц (*Bouteillier J. Somme Rural*. P. 1611. Titre 39), особо оговоренное в кутюмах Беарна и Бигорра. В кутюмах Беарна предписывалось закапывать убийцу в землю живьем, положив на него труп убитого.

47. Этот персонаж в поэме фигурирует не единожды, причем везде назван только по имени. В хронике П. де Во де Серне (§123), при пересказе того же самого эпизода, фигурирует полное имя: это Бушар де Марли (из Иль-де-Франса, к западу от Парижа), принадлежавший к семейству Монморанси. Жена С. де Монфора Алиса приходилась ему кузиной. Присоединился к Альбигойскому крестовому походу одновременно с С. де Монфором; продажа земель в Руэйле, Лувесьенне и Мобюиссоне аббатству Сен-Дени в июне 1209 г. принесла ему 152 ливра, что, по всей видимости, и компенсировало затраты на экспедицию. Согласно свидетельству П. де Во де Серне, в походе также принимали участие мать Бушара, его брат Матье и кузен Матье из Монморанси. Участвовал в битве при Кастельнодари (1211), сопровождал Алису де Монфор на юг в конце 1218 г. Один из основателей монастыря Порруа (или Порт-Рояль). Его сын Тибо впоследствии стал аббатом в Во-де-Серне.

48. Замок Сайссак возвышается на крайней оконечности одного из отрогов Монтань-Нуар (к северу от Каркассона), над равниной между Кастельнодари и Каркассоном. Это была главная крепость сеньории (законный владелец – Бертран де Сайссак), подпавшей под власть С. де Монфора, вместе с виконством Каркассонским, и отданной им Бушару де Марли.

49. Кабарет (в 20 км к востоку от Сайссака), Терм и Минерв – три крепости на территории виконств Безьерского и Каркассонского, что еще сопротивлялись крестоносцам. Подробнее о Кабарете см. комментарий к лессе 24.

- 15 Подобной кары за убийство мир не знал.
Ведь рода знатного был франк, его вассал.
Гираут, всяк мнил, себя отмищенным посчитал;
А он вражды своей ничем не показал,
За что и был ценим и фаворитом стал.
- 20 Но вот Гираут, хоть вызов графу не бросал,
Одну из крепостей его огню предал.
Когда б попался, кары б он не избежал!
Бушар⁴⁷ в Сайссак⁴⁸ жил и замок тот держал;
Полсотенный отряд он как-то раз собрал
- 25 И по пути люд Кабарета⁴⁹ повстречал.
Под сотню всадников и пеших, я б сказал,
И дюжину стрелков, — из коих всяк удал.
На франков войско их обрушилось, как шквал,
Но наш отряд держался, строя не ломал, —
- 30 Поток угроз и брани их не испугал.
Погибших с двух сторон не всяк бы сосчитал.
В конце концов отряд Бушара побежал.
О бедствии таком любой бы горевал:
А сам Бушар захвачен был и в плен попал⁵⁰.
- 35 Имен погибших там никто не записал;
Молюсь, чтобы Господь от них не отвращал
Свой благосклонный взор.

[42]

- Был несказанно опечален граф Монфор,
Что эн Бушар познал пленения позор.
Редела рать его всю зиму⁵¹ — до тех пор,
Покамест в пост не зашумел листвы шатер⁵².
- 5 Тогда к походу снова вострубили сбор.
Граф в Рим отправился, улаживать раздор⁵³,
С ним — консулы⁵⁴, чрез то понесшие разор.
Сперва тулузцев принимал французский двор:

50. Бушар был захвачен в плен при участии двух рыцарей, братьев Пейре де Мир и Пейре де Сен-Мишель, родом из Фанжо, укрывшихся в замке Кабарет (П. де Во де Серне, §123–214); их мать, именем Раймонда, приняла консаламент в 1204 г., одновременно с Эскалмонд де Фуа, на тот момент – виконтессой де Л'Иль-Журден (*Histoire de Languedoc*. Vol. VII. Col. 1150). Пленение Бушара имело место во время пребывания Монфора в Монпелье; т.е. между 10 и 24 ноября 1209 г. Согласно П. де Во де Серне, столкновение произошло не случайно; воины Кабарета поджидали врагов в засаде.

51. П. де Во де Серне сообщает о восстаниях, в ходе которых в ноябре–декабре 1209 г. С. де Монфор потерял «более сорока крепостей» (§135–136), включая Кастре, Ломбер и Монреаль.

52. Т.е. весной 1210 г.

53. См. комментарии к лэссе 40.

54. Статус и число тулузских послов, сопровождавших графа к Папе, не уточняются ни в письме тулузцев к королю Арагонскому, ни в булле от января 1210 г.

55. Раймон VI посетил Оттона IV Брауншвейгского на обратном пути из Рима во Францию, в конце января или в начале февраля 1210 г. (об этой встрече упоминает также П. де Во де Серне, §139). Встреча произошла в одном из городов Тосканы, где в то время находился Оттон. Не приходится сомневаться, что Филипп-Август был крайне недоволен этим визитом.

56. Бланка Наваррская (ок. 1170–1229), графиня-консорт Шампани; после смерти мужа, графа Теобальда (Тибо) III Шампанского в 1201 г., стала регентшей Шампани при малолетнем сыне Теобальде IV Шампанском (1201–1253) вплоть до наступления его совершеннолетия в 1222 г.

57. Согласно сформировавшемуся в XIII–XV вв. культу, святая Вероника присутствовала при Крестном пути на Голгофу и подала Спасителю льняной платок, чтобы Он отер с лица кровь и пот. На ткани запечатлелся нерукотворный «истинный образ» (лат. *icona vera*, откуда имя Вероника) Лица Иисуса (который не следует путать с распространенным в православном мире Спасом Нерукотворным). Реликвия, именуемая «Плат Вероники», или просто «Вероника», хранилась в соборе Св. Петра в Риме, под каменным балдахином, воздвигнутым в конце XII в. Папой Целестином III, и считалась одной из важнейших святынь западного христианского мира (*Бельтинг Х. Образ и культ. История образа до эпохи искусства*. М., 2002. С. 248–256). Здесь перед нами один из ранних примеров использования этой реликвии в целях религиозного и политического примирения.

58. Гильем Тудельский несколько преувеличивает: Иннокентий III дал отпущение грехов только тулузцам; что до графа, Папа всего лишь позволил ему оправдаться перед собором, состоящим наполовину из церковных, наполовину из светских лиц, под эгидой папских легатов во Франции, и велел им оправдать графа, если основания к тому покажутся достаточными (см., в частности, буллы от 23 и 25 января 1210 г.: «Если граф приведет свидетельства в доказательство своей невинности, следуя тому порядку при производстве дела, какой будет указан ему легатами, то пусть они употребят все усилия к его оправданию» (Reg. Inp.; I.XII, ep. 102; цит. по: *Осокин Н. С.* 256).

59. Речь идет об эпидемии малярии.

- Король Филипп им всем объятья распростер;
Но после осерчал и высказал укор
10 За то, что заключен с Оттоном договор⁵⁵.
Графиня де Шампань⁵⁶, чей нрав воспел жонглер,
Гостей приветила, и всяк иной сеньор:
Бургундский герцог длань щедрот гостям простер,
И граф Неверский также был на милость скор,
15 Их у себя приняв.

[43]

- Радужен Папа был, а с ним и весь конклав:
Был принят ими гость как урожденный граф.
Плащ Папа подарил, коня в придачу дав,
И перстень — камень в нем, скажу вам, не солгав,
5 Был марок в пятьдесят, — честь гостю оказав.
Поладили они, тотчас друзьями став.
Святой отец, плат Вероники⁵⁷ показав,
Дал гостю тронуть Лик, как вживе величав,
И отпустил грехи, прощенье даровав.
10 Так заключен был мир в поддержку графских прав
Без споров и в два счета⁵⁸.

[44]

- Едва тулузский граф свершил сию работу,
Простился с Папой он: пришла ему охота
Ломбардию тотчас покинуть — из расчета
Недуга избежать⁵⁹, что люд косил без счета.
5 На день тулузцам дал приют Париж, но что-то
Король не оказал им чести ни на йоту.
С тем отбыл граф, не ждав такого оборота,
И вскорости въезжал в тулузские ворота,
Где встретили его с любовью и почетом.
10 Но выпала ему еще одна забота:

60. Укрепленный замок графов Тулузских, построенный близ укреплений тулузского ситэ, в западной части города, к востоку от Нарбоннских ворот, к которым подводила дорога из Нарбонны (герцогства, принадлежавшего графам Тулузским). Замок был выстроен на фундаменте римского здания. В 1271 г. он стал королевским замком; был полностью разрушен в 1550-х гг. Сейчас на его месте находится тулузский Дворец правосудия. В ходе перестройки современного здания были обнаружены остатки дворца, в т.ч. значительная часть южного фасада. В настоящее время момент раскопки продолжается.

61. Фолькет Марсельский (род. ок. 1150 г., ум. в 1231 г.). Его настоящее имя – Фульк (*Foulque*, лат. *Fulco*, прованс. *Folc*; в этом языке односложное имя предпочтительно заменялось на уменьшительную форму Фолькет (*Folquet*), более благозвучную и более удобную для целей стихосложения). В трех хартиях, написанных в 1206–1207 гг. в аббатстве Грандсель, он именуется *Fulchetus*. Сын генуэзского купца, обосновавшегося в Марселе, он избрал ремесло трубадура (в котором неплохо преуспел; некоторые его произведения сохранились: см.: Жизнеописание трубадуров. С. 221–229). Около 1201 г., решив посвятить себя Церкви, оставил сочинительство, ушел в цистерцианский монастырь Торонет (в долине реки Аржанс) и вскоре стал там аббатом. Его назначение епископом Тулузским датируется 1205 г. В Тулузе прославился как ревностный преследователь ереси и гонитель своих соотечественников; стал одним из предводителей Альбигойского крестового похода и одним из организаторов инквизиции в южных землях (см.: *Stroncki St. Le troubadour Folquet de Marseille, sa vie et ses oeuvres*. Cracovie, 1910).

Анонимный продолжатель «Песни» ставит Фульку в вину гибель более пятисот тысяч соотечественников и свидетельствует, что тот «больше похож на Антихриста, нежели на посланника Рима» (эссе 145).

62. Акты и хартии, на которые не без иронии ссылается Гийем Тудельский, составлены ради исполнения буллы от 19 января 1210 г., привезенной из Рима тулузцами, в которой им даруется отпущение грехов. Добиться исполнения буллы им удалось не без труда; аббат Ситоский чинил к тому препоны, и тулузам пришлось, чтобы переубедить его, пообещать аббату сумму в 1000 ливров в тулузских денье в качестве вклада в борьбу против ересей (*Layettes du Trésor des chartes*. Vol. I. P. 369).

63. Гора Этна. В частности, в дидактической поэме XIII в. Готье де Метца (Госсуэна) «Образ мира» говорится: «В Сицилии есть огромная гора... целыми днями изрыгает она дым... Зовется сия гора Монтибел».

64. Портрет находится между Мюремом и Тулузой, на равном расстоянии в 10 км от каждого из этих городов.

65. Исходя из маршрута короля, который как минимум с 5 по 13 апреля пробыл в Арагоне, в Монзоне, а 13 июня 1210 г. находился в Теруэле (*Miret y Sans J. Itinerario*. Vol. III. Barcelona, 1905–1906. P. 513), пресловутая встреча произошла между этими двумя датами, до или после встречи с С. де Монфором в Памье, описанной у П. де Во де Серне (§146).

66. Город между коммуной Ля Реоль и Мармандом, ближе к границам Ажене, которым владел граф Тулузский от имени жены, Иоанны Английской.

- Ведь ждали близ аббатства, Божьего оплота,
Монфор, аббат Сито, иные доброхоты.
Я думал, утомясь от войн и распрей гнета,
Лишь чаяли они забыть былые счета,
15 Столь были искренни посулы и щедроты.
Такого я не ждал событий поворота —
Аббат Сито вошел в тулузские ворота,
Нарбоннский замок⁶⁰ получив и с ним все льготы,
Чтоб как хозяин из-за графского просчета
20 Там жить, и с ним — Фолькет⁶¹.

[45]

- Аббат Сито всех поразил, во град вошел:
Дивился всяк тому, кто молод и кто сед,
От стариков вплоть до детей немногих лет.
При всем народе граф отдал сей замков цвет,
5 Подобных коему в краю равнинном нет.
И хартиями⁶² подкрепили сей обет,
Что до горы Гибел⁶³ весь облетели свет.
Сир Арагона устремился под Мюрет,
И местом их с аббатом встречи стал Портет⁶⁴.
10 Но пользы речи их и на дрянной браслет
Не принесли доселе⁶⁵.

[46]

- Епископ же Фолькет из города Марселя, —
Достоинства его вы счесть бы не сумели, —
И с ним аббат Сито благой за-ради цели
Всех тщились обратить, хоть в том не преуспели,
5 И ростовничество пресечь они радели.
По Ажене аббат неделя за неделей
Повсюду ездил — даже вплоть до Сен-Базеля⁶⁶.
Но проповедей тех глупцы не разумели:

67. В письме тулузцев к королю Арагонскому (*Layettes du Trésor des chartes*. Vol. I. Col. 369) содержится упоминание этих раздоров между обитателями тулузского ситэ и бурга. Гильем Пюилоранский объясняет причину раздоров: подстрекаемые епископом Фульком, большинство обитателей ситэ приняли крест и объединились во фракцию, поддерживающую крестовый поход, в то время как большинство обитателей бурга, приверженцев графа Раймона VI, были враж-

дебно настроены к крестоносцам (гл. XV). Первая из фракций, «белое братство», стала орудием епископа Фулька в борьбе против графа Тулузского.

68. Насколько нам известно, ни в каком ином тексте об участии жителей Италии в Альбигойском крестовом походе не упоминается. Однако Гильем Тудельский пишет о них и далее, в лэссах 56 и 111.

«Ишь, все жужжит!» — вослед насмешливо гаддели.

10 Бог свят, меня не удивляет, в самом деле,

Что их теснили, разорили и раздели, —

Тем к благу их ведут.

[47]

Тулузы буржуа, те, что в ситэ живут,

И бурга люд не прекращали пересуд.

Но ничего не приносил им этот труд

Ценою в яблоко или дрянной лоскут.

5 Рекли еретики и верный секте люд:

«Аббат с епископом — причина всяких смут,

Они и клир тулузцев к гибели влекут»⁶⁷.

Когда б те знали, сколь навет подобный худ,

То крестоносный люд к ним не был бы столь крут.

10 Так граф Тулузский был обманут, дав приют

Безумцам злобным, что ко лживой вере льнут,

Смотрите же, — яви мне милость Божий суд! —

Сколь плох совет их, — пусть их Небеса клянут:

Страна обречена, и многие умрут

15 В краю, где пришлецы кругом разор несут.

Ломбардцы⁶⁸ с франками ярились там и тут,

Весь мир в тот край пошел войной, жесток и лют,

Как в земли к сарацинам.

1. Относительно Сент-Антонена-де-Руэрг, где Гильем Тудельский сочинял свою хронику; строго говоря, от Минерва (кантон д'Оланзак, округ де Сен-Понс, Эро) до побережья Средиземного моря еще около 50 км. Минерв описывается как замок надежно укрепленный и практически неприступный, окруженный глубокими ущельями естественного происхождения. Развалины замка сохранились по сей день.

2. Минерв был осажден на третьей неделе июня 1210 г., «под праздник Иоанна Крестителя» (П. де Во де Серне, §151), т.е. около 24 июня.

3. Такое прозвище – дословно «Злая соседка» – в Средние века нередко давали осад-

ным машинам. Об этой машине упоминает в своем описании осады П. де Во де Серне (§152).

4. По словам П. де Во де Серне (§154), именно эти бреши, равно как и нехватка продовольствия, вынудили осажденных капитулировать.

5. Арабские золотые монеты, обладавшие немалой коммерческой ценностью; правители Пиренейского полуострова даже чеканили поддельные масмудины.

6. Мелкая монета, которую чеканили графы Анжуйские.

V

Взятие Минерва и осада Терма

[48]

- Сеньоры, уж зимы минула половина,
И вешнее тепло повеяло в долины,
Когда монфорский граф, собрав свою дружину,
Пошел на град Минерв, что близ морской пучины¹,
5 И там осадой встать задумал для почину².
Меж катапулт его глава — Мальвуазина³,
В высоких стенах брешь пробили те машины⁴,
Едва виконтов дом не обратив в руины,
10 Что возведен был на денье и масмудины⁵.
Король Марокко сам и злые сарацины,
Град осадив, клянусь святой Екатериной! —
Не принесли б вреда и в цену ангевины⁶.
Но воинам Христа, над миром властелина,
15 Препоны нет, — будь то скалистая вершина
Иль форт, готовый к брани.

[49]

Не средь равнин Минерв стоял, скажу заране,
Но, — Бог меня храни! — средь гор, в густом тумане:
Нет неприступнее его в горах Испании,

7. Серданья (*la Cerdagne*, окс. *Serdanha*) – небольшая область в восточных Пиренеях, исторически – одно из каталонских графств. По Пиренейскому договору (1659 г.) было разделено между Испанией и Францией. Терм находится в южной части Одского департамента, ближе к Руссильону, нежели к Серданье; Серданья вставлена из соображений рифмы (строфа строится на рифме *-anha*).

8. Гильем Минервский, законный сеньор замка, был женат на Риксовенде де Терм; упоминается в документах с 1175 г.; в 1191 г. в судебном порядке был улажен правовой спор между Гильемом и его сюзереном, виконтом Безверским (*Histoire de Languedoc*. Vol. VIII. Col. 317, 413). Осада, описанная у Гильема Тудельского, длилась более месяца; в результате Гильем Минервский был вынужден сдаться (о чем Гильем Тудельский не упоминает), и С. де Монфор завладел его феодом, но доверил ему иные земли близ Безье. В 1215 г. Гильем Минервский вступил в орден госпитальеров. П. де Во де Серне упоминает о его «измене»: в 1216 г. Гильем снова присоединился к южному лагерю, сражался на осаде Бокера (лэсса 167) и 4 января 1217 г. находился в Авиньоне при молодом графе Раймоне Тулузском (*Histoire de Languedoc*. Vol. VIII. Col. 696).

9. Именно так («sojorna e se banha») говорится в оригинале; в этом клишированном выражении вторая часть воспринимается не в прямом смысле, но в переносном: вести приятную жизнь. См., например, использование того же выражения в стихотворениях Пейре Видаля.

10. П. де Во де Серне в подробностях описывает эту казнь: в Минерве было сожжено более 140 добрых людей и женщин, не пожелавших отречься: «Они столь закоснели в своем грехе, что сами, по своей воле, бросались в пламя» (§156). Здесь же упоминается о том, что трех женщин спасла от костра, заставив примириться с Церковью, «благородная госпожа матушка Бушара де Марли».

11. Согласно П. де Во де Серне, Минерв был захвачен «в праздник Марии-Магдалины», т.е. 22 июля.

12. Этим сокращенным именем Гильем Тудельский называет Монфора довольно часто (см. тж. лэсы 57 и 66). Игра слов (фр.

Fort, окс. *Fortz* – «сильный») подсказана, с одной стороны, названием сеньории Монфор, с другой стороны – военными победами Монфора. По всей видимости, прозвище использовалось довольно часто; так, оно фигурирует в инквизиторском допросе одного из жителей Монжея в 1243 г. (*Bibliothèque nationale*, collection Doat. Vol. 24. Fol. 20).

13. Пеннотье находится в 5 км к северо-западу от Каркассона.

14. Супруга Монфора, Алиса, дочь Бушара IV де Монморенси и Лоретты д'Эно, стала женой Монфора ок. 1190 г. Ее брат Матье присоединился к Альбигойскому походу в 1215 г. Алиса де Монфор часто упоминается в хронике как Гильема Тудельского, так и П. де Во де Серне. В своей хронике автор рисует крайне лестный ее портрет: «Господь послал помощнику ему под стать – супругу благочестивую, мудрую и заботливую. Ее благочестием украшались мудрость и забота о ближнем; мудростью направлялись благочестие и заботливость, заботливостью умножались благочестие и мудрость» (§107). Из хроник явствует, что Алиса была женщиной сильного характера – истинной поддержкой для супруга. Прибыв к мужу с севера в Каркассон в марте 1210 г. (§141), она впредь принимала активное участие в военных кампаниях Монфора на юге: присутствовала при осаде Терма в конце 1210 г.; на осаде Бирона летом 1212 г. Большую часть времени находилась в Каркассоне, но в 1216 г. переехала в Нарбоннский замок в Тулузу, где и жила в начале осады в 1218 г., помогая в организации обороны. После смерти мужа отправилась на север собирать поддержку для сына Амори и возвратилась на юг под Рождество 1218 г. Умерла 25 февраля 1221 г. Подробнее об Алисе де Монфор см.: Zerner M. *L'épouse de Simon de Montfort et la croisade albigeoise // Femmes – Manages – Lignages*, XII–XIV Siècles. Melanges offerts à Georges Duby / Ed. J. Dufournet, A. Jons, and P. Toubert. Brussels, 1992. P. 449–470.

У Алисы и Симона родилось четверо сыновей: Амори (Амори VII, граф де Монфор; 1192–1241), Ги (Ги II, граф Бигоррский через брак с графиней Петрониллой, ок. 1195–1220), Симон (Симон V, граф Лестерский, ок. 1208–1265 – «английский» Симон) и Робер, а также три дочери: Амисия (до 1214–1253;

Вот разве Кабарет и Терм, что близ Серданьи⁷.

- 5 Гильем Минервский⁸ в замке жил и мылся в ванне⁹;
В Минерве он засел, и с ним — его южане.
Но наши франки и французы из Шампани,
Из Мена и Анжу, бретонцы из Бретани,
Немецкий люд и лотарингцы - северяне,
10 Град взяли — до того, как сжали хлеб селяне.
Там без числа еретиков, безбожной дряни,
И еретичек злых сожгли без колебаний¹⁰,
Всех уничтожив до клочка поганой ткани.
Их трупы грязью забросали христиане,
15 Чтоб воздуха не отравляли в нашем стане
Их смрадные тела.

[50]

- Пал град¹¹, и графа Форт¹² призывали в путь дела:
В нагорья, в Пеннотье¹³ тропа его вела.
К графине¹⁴ он послал, веля, чтоб прибыла.
И выехала та столь скоро, сколь смогла.
5 Разумней женщина вовеки не жила
На свете белом, — Вседержителю хвала!
Она при войске трое суток провела¹⁵.
Пора совета поутру в четверг пришла:
На том совете знать решение приняла —
10 Взять крепость Терм¹⁶, что неприступною слыла
По Термене. Пока ж держаться та могла,
Там не одна душа из тела изошла
Без покаянья; денег гряда утекла;
Коней без счета, снаряжение, удила,
15 Иной добычи ценной гряда перешла
К тем в руки, для кого назначена была, —
Сам Бог так посчитал.

замужем за Готье де Жуаньи, сеньором Шаторена, Пернель, или Петронила (род. в 1211 г. во время Альбигийского похода, ум. до 1237) и Лора (ум. до 1227, замужем за Жераром II де Пикини, видамом, т.е. наместником епископа Амьена).

15. В данном предложении в оригинале отсутствует подлежащее. Э. Мартен-Шабо, вслед за Фориэлем, предполагает, что речь идет о графине (из чего мы и исходим в своем переводе); П. Мейер, напротив, предполагает, что речь идет о самом графе (Meyer. P. 59).

16. Замок находится примерно в 30 км к юго-востоку от Каркассона, в горном массиве, примыкающего к Корбьеру. П. де Во де Серне подробно описывает неприступный Терм – возведенный на высоком горном пике, со всех сторон окруженный глубокими ущельями и скалистыми отрогами. На утесе неподалеку от него стояла отдельная, хорошо укрепленная башня Терменет (§171).

17. Форма этого имени в латинских документах подтверждает, что данного персонажа следует называть Робер Мовуазен (Robert Mauvoisin), а не «де Мовуазен», как у Гильема Тудельского. Его семья владела фьефами в окрестностях Мант (Буасси, Фонтене, Жуи) и носила фамилию Мовуазен (Moutié A. Chevreuse // Les Mémoires de la Société archéologique de Rambouillet. Vol. III. Rambouillet, 1876. P. 236); сам Робер Мовуазен владел землями в Росни-сюр-Сен, Ольне-ле-Бонди и Савиньи (Сен-э-Уаз, кантоны Мантес и Гонесс), а также в Куломьере (Сен-э-Марн) в графстве Шампань (т.о. он – вассал графа Шампанского). Он был женат на Сесиль, сестре Ги и дочери Милона IV сеньора де Шепрез (De Dion A. Cartulaire de Port-Royal. Vol. I. P., 1903. P. 39, 50, 75 и т.д.). Робер де Мовуазен принимал участие в Четвертом крестовом походе вместе с С. де Монфором и вместе с ним покинул Зару. Одним из первых присоединился к Альбигийскому крестовому походу (с июня 1209 г.) как близкий друг и

сподвижник С. де Монфора; в сентябре того же года был послан Монфором в Рим к Папе (Монфор запрашивал подтверждения Папы на присвоение виконтств Тренкавейлей); из этой поездки вернулся до того, как граф Тулузский отбыл в Рим и Францию. Робер де Мовуазен участвовал в осаде Минерва в 1210 г.; лето и осень 1211 г. провел на севере, вернулся в крестоносную армию с подкреплением к началу весенних кампаний 1212 г.; в феврале 1213 г. был наместником Монфора в Безье. Важная роль этого персонажа лишней раз подтверждается похвальными отзывами Иннокентия III (Epist. 127, 128, 130, 131, 134, 135). Пожаловал земли дому Св. Доминика в Пруйле; его жена известна пожертвованиями аббатству Во-де-Серне. Умер в 1214 г., 16 ноября (согласно некрологу Л'Отель-Дье де Провен); похоронен в парижском аббатстве Сент-Антуан-де-Шан (см., в частности: Виллардуэн, §7 и 109, и П. де Во де Серне, §154, 286, 336).

18. Ги де Леви; см. комментарий к лэссе 36.

19. См. комментарий к лэссе 36.

20. Т.е. виконтство Безьерское и Каркассонское.

21. См. комментарий к лэссе 36.

22. Все отлично помнили, как, в конце предшествующего года, в Альбигуа и в Каркассе вспыхнуло восстание и законные сеньоры Юга (например, Гираут де Пепье, граф де Фуа, Аймерик де Монреаль и другие), вынужденные заключить договор с Монфором, снова взялись за оружие и перебили гарнизоны, поставленные крестоносцами в их замках (см. хронику П. де Во де Серне, §125–136). Помнили и о том, что сеньор замка Кабарет и лангедокские рыцари, укрышавшиеся в своих крепостях, только и ждут возможности нанести удар.

[51]

- Граф прибыл во дворец, где он совет собрал, —
А с ним графиня и всяк знатный феодал.
Уселись все на шелке ценных покрывал.
Робер де Мовуазен¹⁷ средь прочих там предстал,
5 И славный маршал Ги¹⁸ — сам граф его призвал,
И де Контре Гильем¹⁹, — виконтский²⁰ лен не знал
Знатней барона, столь достойного похвал.
Бургундец родом он, как кто-то мне сказал,
Вблизи Невера жил. И каждый предлагал
10 Терм осадить тотчас средь неприступных скал.
И в том совете всяк свое согласие дал.
Совет недолог был; поскольку всяк устал,
Бароны разошлись, и отдых всяк вкушал,
А после снова собрались в просторный зал.
15 Граф де Монфор извелся весь, — он знать желал,
Кто лучше прочих Каркассон бы удержал.
Все долго думали, и вот каков финал:
На де Креси Ламберта, что умом блистал,
И на Ренье де Шодерона²¹ выбор пал,
20 Но ни один бы и империю не взял
В придачу к лену, что доверья не внушал²².
К Гильему де Контре воззвали; он сказал,
Что примет этот град, как преданный вассал.
Граф де Монфор на это живо возражал:
25 Найдись иной, Гильема б он не отослал,
Надежен сердцем он и ум его немал,
Ведь лучше рыцаря мир Божий не видал,
Что куртуазен так, и предан, и удал,
Будь Бог со мной всецело!

23. Французский рыцарь, умер между 1231 и 1266 гг. Его имя восходит к названию места Рошфор-ан-Ивлин на южной окраине леса Рамбуйе (кантон Дурдан). Верховными сеньорами Рошфора являлись Монфоры; их земли находились неподалеку (Монфор-л'Амори – в 25 км) (см.: *Merlet L. et Moutié A. Cartulaire de N.-D. des Vaux-de-Cernay*. Vol. I. P., 1857–1858. P. 287, 617).

24. Этот рыцарь (лат. *Simo Saxonis*, старофр. *Simon li Sesnes*), по всей видимости, погиб в ходе отвоевания Пюжоля тулузцами в 1213 г.

В XIII в. данное имя встречалось достаточно часто (ср. *Recueil des historiens de la France*. Vol. XXIII. P. 623, 626, 642; Vol. XXIV. P. 7). Данный Симон Сакс был родом из Нормандии и, вероятно, участвовал в Альбигойском походе с самого начала, с 1209 г.

25. Неизвестный персонаж; брат Симона Сакса. Здесь со всей отчетливостью речь идет не о брате Симона де Монфора; Ги де Монфор, согласно П. де Во де Серне (§290), прибыл из-за моря и воссоединился с братом лишь под Рождество 1211 г. в Кастре.

[52]

- Вот де Контре Гильем обдумал это дело
И молвил всем, едва решение созрело:
«Марии и Христу пора служить приспела, —
Останусь здесь, раз так собрание повелело».
- 5 Монфор ему такого не желал удела,
Когда бы выбор был; да только в рати целой
Никто не пожелал принять того надела.
Бароны с рыцарями, рассудивши зрело,
На том сошлись; графиня тож о том радела.
- 10 Граф дал ему в распоряжение всецело
Креспина де Рошфор²³, чьей славе нет предела,
Симона Сакса²⁴ (будь он здрав душой и телом!)
И брата его Ги²⁵, что держится столь смело,
И войско рыцарей, сражавшихся умело,
- 15 Что из Нормандии и Франции приспело.
Тут разошлись они; честь графу повелела
Рать двинуть к Терму, чтоб в осаде преуспела.
И вот простился граф с своим вассалом смелым,
Пред замком Пеннотье, где поле зеленело, —
- 20 Тот прибыл в Каркассон, едва за вечерело,
Пред самой темнотой.

[53]

- Из Пеннотье Гильем уехал в час дневной
И в Каркассон помчал со скоростью большой.
В вечерний час Гильем приехал в город свой,
Когда, отужинав, идут все на покой.
- 5 Разоружившись, экуюе твердыни той
Зажгли огонь в огромной зале гостевой,
Телят и поросят на жарив там с лихвой,
И прочего, чтоб сыт остался гость любой.

26. Мангонел (фр. *mangonel*) – осадная металлическая машина, менее массивная, нежели обычные камнеметы. Мангонелы стреляли по более низкой траектории и менее прицельно, нежели требушеты; предназначались скорее для разрушения стен, нежели для перебрасывания снарядов через стены.

27. Время, необходимое для перевозки машин к Терму.

28. Т.е. на берегу Ода.

29. Рыцарь из Монреала (Каркассе), из числа тех, что покинули свои замки и укрылись в Кабарете, чтобы там организовать сопротивление против крестоносцев. Впоследствии он сдался С. де Монфору (вне всякого сомнения, когда Пейре-Рожер вернул свободу Бушару де Марли, см. лэссе 63), но потом вновь взялся за оружие и перешел на сторону южан в битве при Кастельнодари (см. Гильем Пюилоранский, гл. XVIII, П. де Во де Серне, §214). Известен некий Гильем Кат д'Арзен (возможно, тезка), навещавший катарского

епископа Жильбера де Кастра в Монсегюре до 1214 г. (Doat 22, 225b). Известны также некие Аделаида и Фабрисса Кат, принимавшие участие в катарских обрядах в Монреале около 1200 г.

30. Миры – знатное семейство из Фанжо, известное своими катарскими приверженностями. Пейре де Мир, участвовал в пленении Бушара де Марли (см. лэссе 41 и комментарий к ней); впоследствии перешел на сторону Монфора (по всей видимости, тогда же, когда Бушар де Марли был отпущен на свободу). Мы встречаем Пейре де Мира сражающимся в рядах крестоносцев на осаде Бокера (см. анонимное продолжение, лэссе 161, 165). Возможно, здесь имеется в виду тот же самый персонаж: в оригинале имя представлено одним лишь инициалом R, что переписчик вполне мог вписать вместо P.

31. Устойчивый оборот, означающий, что всадники мчатся наперегонки; часто встречается в шансон де жест.

- Постель постлали им — чтоб сон вкусить ночной,
10 Ведь предстояло встать рассветною порой,
Чтоб мангонелов²⁶ и баллист могучий строй
Сопроводить до места силой боевой —
До замка Терм, — стрелять по тверди крепостной.
Граф рыцарям своим отдал приказ такой:
15 Машины отвезти, и город день-деньской
Так бдительно хранить, как никакой иной.
Баллисты же три дня²⁷ беречь любой ценой, —
Их должно водрузить под крепостной стеной.
Не медля, де Контре велел их по одной
20 Все вытащить, и за чертою городской²⁸
В повозки погрузить, чтоб скот их за собой
Влек скорого скорей.

[54]

- Под замок Кабарет помчался поскорей
Лазутчик, — с армии он не спускал очей, —
И сообщил, что граф послал простых людей
Везти орудия; не больше ста мужей
5 Охрана им, и половина — пеших в ней.
И всяк возликовал от этаких вестей.
Отряд помчал из Кабарета в час теней,
Всех вел Пейре-Рожер с Гильемом Кат²⁹, — ей-ей,
С Раймоном Мир³⁰ и прочей знатью их семей.
10 Три сотни было их, никто не ждал друзей³¹,
На Каркассон они погнали лошадей.
Тут де Контре Гильем, всех рыцарей храбрей,
Приставив загодя к орудьям сторожей,
Узрел отряд врагов, скакавших средь полей.
15 Вскричали сторожа: «К оружию, эгей!»
И каждый рек: «Не посраим же сталь мечей!»
Гильем, едва призыв достиг его ушей,

32. Имеется в виду инженерная команда для перевозки и управления осадными орудиями.

33. Итальянский город Павия славился своими шлемами, а Венгрия – скакунами; данная отсылка характерна для эпических поэм Средневековья.

34. Воин из отряда Раймона Мира, упоминавшегося выше.

35. В Средние века щиты украшались изображениями цветов (флеронами) или геральдическими символами, изображенными яркими красками.

- Сказал спокойно свите рыцарской своей,
Чтоб каждый шел вооружаться побыстрей:
20 Ведь волей Бога и Христа, что всех славней,
И Богоматери, коль то угодно Ей,
Врагов он вскорости повыгонит взашей.
Бог весть, зачем рассказ я делаю длинней:
Не испугали франки вражеских вождей,
25 Вскочили недруги на боевых коней;
Круша машины на глазах команды³² всей,
Солому подожгли — от вспыхнувших огней
Сгорело б все дотла, дуй ветер посильней.
Но Бог не попустил!

[55]

- Как только стражи крик тревогу возвестил,
«К оружию, рыцари!» — Гильем провозгласил.
Десятков в восемь с ним отряд сержантов был,
В придачу к рыцарям, — о них я не забыл.
5 По их приказу град ворота отворил;
Отряд помчал к врагу, что луг заполонил.
Но Кабарета люд их вид не устрасил,
Те ринулись вперед, явив немалый пыл.
Бог свят! — немало копий каждый преломил
10 И без числа павийских шлемов³³ сокрушил!
Гильем же на коне венгерском поспешил
В разгар сраженья (чтоб Господь меня простил!),
Он бьется яростно, ведь гнев в нем не остыл;
Он смело в реку под названьем Од вступил,
15 С теченьем яростным борясь что было сил.
Чуть воин Мира³⁴ путь Гильему заступил,
Тот щит с флеронами³⁵ с размаху разрубил,
Доспех врагу и в плод гнилой не послужил, —
Он на глазах у всех пал в воду — и не всплыл.

36. Имеется в виду Симон Сакс.

37. Потому что умер на месте и дальше уже не поехал. Еще один частый для французской эпической поэзии устойчивый оборот, что мы сочли нужным сохранить в переводе.

38. Двойная ночная атака на осадные машины под стенами Каркассона силами Пейре-Рожера де Кабарета и его людей подробно пересказывается у П. де Во де Серне; он также уточняет, что машины были перевезены к Терму бретонскими крестоносцами, прибывшими к месту событий через Кастельнодари (§169–170).

39. Единственное число, вне всякого сомнения, в оригинале обусловлено соображениями рифмы («son comrañhon», строфа на -on). П. Мейер и Э. Мартен-Шабо предполагают, что по смыслу здесь уместнее множественное число. В крайнем случае можно предположить, что под спутником Гильема де Контре подразумевается Креспин де Рошфор,

сыгравший значимую роль в описанных событиях.

40. Макон (фр. *Mâcon*, окс. *Mascon*) – город в департаменте Сона и Луара в Бургундии. Выбор этого названия, по всей видимости, обусловлен рифмой.

41. Дамуазо (фр. *damoiseau*, окс. *donzelon*, от лат. *domicellus*) – паж и оруженосец, проходивший обучение у владетельного сеньора и рыцаря: ступень, предшествовавшая посвящению в рыцари.

42. Нарядная одежда XIII в., нечто вроде плотно облегающего короткого камзола.

43. См. комментарий к лэссе 9.

44. Так, П. де Во де Серне называет в числе крестоносцев нормандца Роберта де Дре. В одной из нормандских хроник упоминается дата отбытия крестоносцев: 1 августа 1210 г.

- 20 За трусом устремясь, что ноги уносил,
Гильем его одним ударом сокрушил,
А заодно еще второго умертвил.
Рошфор с Симоном³⁶ тоже бьются что есть сил:
Кого настигнут, тот про дальний путь забыл³⁷.
- 25 Так крестоносный строй прогнал и сокрушил
Пейре-Рожера, — белый свет ему не мил, —
И спутников его; всяк, скорбен и уныл,
Вождя в сердцах за происшедшее корил.
Так, потерпев урон, он вспять поворотил,
- 30 А де Контре Гильем с триумфом в град вступил,
Где гарнизон стоял и Каркассон хранил.
Слух о спасении орудий всех взбодрил, —
Всяк, радуясь, хвалы Гильему возносил,
Победой восхищен³⁸.

[56]

- Когда Монфора граф, по имени Симон,
В осаду взявший замок Терм со всех сторон,
Услышал весть, то до небес превознесен
Был храбрый де Контре, а с ним и компаньон³⁹, —
- 5 Ведь арсенал машин был ими сохранен,
Притом барон Пейре-Рожер был побежден
(Да будет он Господней милости лишен!),
Когда б все золото отдал ему Макон⁴⁰,
Граф не был бы, я чай, настолько восхищен,
- 10 Как при известии, что подвиг совершен
И де Контре нанес врагу большой урон.
Сей слух достойным дамуазо⁴¹ был донесен, —
Гильемом де Контре был в спешке послан он,
Чтобы доставить камнеметы без препон, —
- 15 В чем преуспел весьма, — не лгал я испокон! —
К осаде Терма. Был там не один барон,

45. Бельгийские и немецкие хроники (анналы Стада в Ганновере, Парка близ Левена, Сен-Жака в Льеже и Кельне и т.д.) сообщают об отбытии множества крестоносцев, уроженцев тамошних краев, в Альбигойский крестовый поход в 1210 г. В Льежских и Кельнских анналах вкратце повествуется об осаде Терма; в самых ранних приводится дата выступления в поход: 1 сентября. Что до фризов, здесь, скорее всего, подразумеваются фламандцы: они, по всей видимости, явились под Терм вслед за немцами, одновременно с графом де Понтье, прибытие которого описывается у П. де Во де Серне (§174).

46. Эти бретонцы уже упоминались в комментарии к лэссе 55; в их числе были Андре де Витре (Иль-э-Вилен) и Эон де Поншато (см., в частности: *Morice H. Histoire de Bretagne*. Vol. I. P. 1750. P. 137).

47. Т.е., скорее всего, жители соответственно Северной и Южной Италии. Строго говоря, *Logombart* и *Lombart* – формы, восходящие к одному этнониму, к лангобардам, вторгшимся на Апеннинский полуостров в VI в., – и по отдельности могут употребляться взаимозаменяемо, для обозначения либо итальянцев в целом, либо жителей Ломбардии. Но, употребленные вместе, они приобретают разные значения: так, Фориэль переводит это противопоставление как «лангобарды и итальянцы». По названию византийской фемы Лонгивардия, Лонгобардией называли южную часть Италии, включая Апулию, Базилику, иногда Калабрию. Различие это, несмотря на терминологическую расплывчатость, сохранилось и в лирической поэзии; например, в одной сирвенте Пейре Карденала: «*Per fols tenc Polhes e Lombartz / E Longobartz e Alamans / Si volon Frances ni Picartz / A senhors ni a drogomans...*» (*Poésies complètes du troubadour Peire Cardenal* (1180–1278). Ed. *Lavaud R.* Toulouse, 1957).

48. Аманье V, сеньор д'Альбре, с приблизительно 1209 по 1240 г. (*Luchaire A. Origines de la maison d'Albret // Bulletin de la Société des sciences, Lettres et Arts de Pau*. Vol. II. Pau, 1873. P. 33–35). Повинуясь булле от 13 января 1218 г., он снова придет на помощь крестоносному войску на осаде Марманда в 1219 г. (анонимное продолжение, лэсса 210).

49. Поскольку целью большинства крестоносцев было не сражаться под знаменем

Монфора до завершения военной кампании, а «заработать» индულгенцию, полагающуюся тому, кто провокает в течение сорока дней («карантен»), С. де Монфор несколько раз оказывался во главе изрядно поредевшего войска: в частности, в первый раз – по взятии Каркассона (см. лэссе 36 и далее); второй раз – при осаде Терма.

50. Раймон Термский, хотя уже в летах, был человеком сильным и энергичным; по словам П. де Во де Серне – «закоснелый еретик... который Бога не боялся и людей не стыдился» (§172). В Кельнских анналах упоминается золоченый шлем, в котором он ходил всякий день. Предположительно, семья сеньоров Терма через брак была в родстве с семейством Минерва (согласно М. Рокберу, Гийлем Минервский был женат на кузине Раймона Термского Риксовенде) и, по всей видимости, была тесно связана с катарской Церковью. Бенедикт Термский (возможно, брат Раймона) принимал участие в прениях в Монреале на стороне катаров (1207), впоследствии стал катарским епископом Разеса и в 1229 г. обрел прибежище в Керибюсе. По всей видимости, в ходе осады Терма в замке укрывалось немало катаров, в частности Гийлем де Рокфор, брат каркассонского католического епископа, и их мать.

51. Поэтическое преувеличение: осада Терма началась самое раннее в конце июля 1210 г., после взятия Минерва, а захватили замок в ночь с 22 на 23 ноября того же года (см. П. де Во де Серне, §189).

52. Поэт вновь сошлется на них в стихе 22 следующей лэссе; по всей видимости, именно арагонцы, каталонцы и руссильонцы составляли основное ядро набранного Раймоном Термским гарнизона.

53. Наемники, живущие войной и грабежом; состояли в том числе и на службе у графов Тулузских. В 1176 г. в Тулузе состоялся судебный процесс по поводу похищения брабанцем жены местного горожанина (*Histoire de Languedoc*. Vol. VIII. Col. 315).

54. Согласно П. де Во де Серне, Раймон Термский загодя позаботился о запасах продовольствия на время осады.

- И не один шатер и яркий павильон,
Из шелка пурпуэн⁴², роскошный сиглатон⁴³,
Кольчуг немало, и хоругвей, и знамен.
- 20 Копьем из ясеня всяк воин снаряжен.
Всех добрых рыцарей не перечесть имен:
Нормандец⁴⁴, сакс и фриз⁴⁵, бретонец⁴⁶ и тевтон,
Ломбардец, лангобард⁴⁷, те, кто в Анжу рожден,
Кто из Прованса и Гаскони приведен.
- 25 Архиепископ из Бордо был приглашен,
И н'Аманье д'Альбре⁴⁸, и люд земли Лангон.
Все исполняли карантен свой много ден, —
Чуть явятся одни, другие едут вон⁴⁹.
Их не ценил в лоскут сир Терма, эн Раймон⁵⁰,
- 30 Ведь в мире замка нет, что лучше укреплен.
Там Пасху встретили, и там же проведен
Был войском Духов день — и зимний весь сезон⁵¹.
Вовек не видели столь крепкий гарнизон:
Бойцам тем родина — цветущий Арагон,
- 35 И Каталония, и графство Руссильон⁵².
Там много было битв; цвет рыцарства сражен,
Брабантец⁵³ не один был в схватке умерщвлен,
Недосчитались многих стягов и знамен —
Отбили силою их те, кто осажден,
- 40 И, франкам вопреки, забрали в свой донжон.
Лишь малый вред был осажденным нанесен:
У них была еда, и мясо, и бекон,
Вино, вода, чтоб пить, и хлеб на много ден⁵⁴.
Когда бы сам Господь не ставил им препон, —
- 45 Ведь позже замок был злой хворью поражен, —
Им б нипочем война!

1. На самом деле осада длилась не более четырех месяцев (см. комментарий к лэссе 56).

2. Согласно П. де Во де Серне (§181—189), нехватка воды вынудила Раймона Термского вступить в переговоры с Симоном де Монфором касательно капитуляции; но после дождя, пополнившего запасы воды, Раймон прервал переговоры. Хронист ни словом не упоминает о болезни, вызванной дурной водой; напротив, утверждает, что защитники замка решили бежать после того, как солдаты Монфора начали подводить под стены подкоп в ночь с 22 на 23 ноября.

3. Из двух списков прозаического пересказа явствует, что Раймон Термский вернулся в

замок за какой-то забытой вещью. Согласно хронике П. де Во де Серне (§189), он был захвачен неким незнатным крестоносцем из Шартра и заключен Монфором в одну из каркассонских башен, «где тот в течение многих лет расплачивался за свои преступления». Известно, что Раймон Термский умер в Каркассоне спустя приблизительно три года. Его сыновья, Оливьер и Бернат, стали фаворитами и много лет сражались с крестоносцами (впоследствии, в сороковых годах, Оливье поступил на службу к королю Франции и отбыл в Святую землю). В 1213 г. Монфор передал Терм Алану де Руси.

VI

Взятие Терма и Лавора

[57]

Сеньоры, слушайте, как власть явил сполна
Христос, и крепость Терм была покорена.

Уж девять месяцев¹ противилась она,
Когда колодцы пересохли все до дна;

5 На два - три месяца достало б там вина,
Но человеку, чтобы жить, вода нужна.

Тут хлынул ливень, — будь мне вера зачтена! —
Сгубил их этот дождь; во всем его вина.

Во всех сосудах замка впрок запасена,

10 Вода в готовку шла, хотя была дурна.

Хворь оттого пошла, для всех равно страшна.

Тогда была идея бегства рождена,

Иначе смерть без покаянья суждена².

Все дамы собрались в донжоне вместо сна;

15 Когда настала ночь, безлунна и темна,

Все вышли налегке, их кладь была скудна, —

Ни снеди, ни тюков, наличность лишь одна.

Вдруг рек Раймон де Терм³, — всем речь его

слышна, —

Вернуться в город он решил, ведь ночь длинна.

4. Эту мелкую монету чеканили епископы Пуи; стоимостью она приблизительно равнялась половине обола.
5. Топоним, названный в оригинале (*Albejes*), допускает множественность интерпретаций: в прозаическом пересказе значится *Albios*, что у Фориэля и в «Истории Лангедока» отождествляется с местом под названием *Albas*, у Н. Пейра, автора «Истории альбигойцев», — с местечком *Albières*, у Э. Кабье — с *Nébias* (*Annales du Midi*. Vol. X. Toulouse, 1898. P. 88); все они находятся в Одском департаменте на расстоянии 20—50 км от Терма. Более того, поскольку строчкой выше слово «замок» стоит в ед. ч., вышеперечисленные авторы предполагают, что речь идет об одном конкретном городе. П. Мейер считает, что здесь подразумевается Альби (*Albi*). Э. Мартен-Шабо полагает, что речь идет об области в целом и, поскольку строчкой ниже слово «гарнизоны» стоит во мн. ч., ставит во мн. ч. и слово «замок». Наш перевод соответствует интерпретации Мартена-Шабо.
6. П. де Во де Серне ни словом не упоминает о хорошей погоде в декабре, столь благоприятной для передвижения крестоносной армии между Одом и Тарном.
7. Здесь хронология Гильема Тудельского не соответствует истине: Сен-Жильский совет был создан еще до взятия Терма, по всей видимости, в конце июня, под эгидой легата Гуго, епископа Риэзского, и папского нотариуса Тедиза. 10 июля 1210 г. совет все еще заседал: в протоколе, датированном этим числом, говорится об урегулировании спора между Раймоном VI и аббатом Сен-Жильским. В протоколах названы присутствовавшие там архиепископы Арля и Экса, семнадцать епископов (включая Фулька Тулузского, Раймона Юзесского и Регинальда Безьерского) и семь аббатов. В точности неизвестно, как долго продолжался совет; но крайне маловероятно, чтобы он заседал до декабря.
8. Милон умер приблизительно за полгода до описываемых событий (см. комментарий к лэссе 11).
9. В списке свидетелей, приведенных в вышеупомянутом протоколе от 10 июля 1210 г., фигурирует и его имя. Гюи Кап-де-Порк (прозвище переводится как «Свиная голова») выполнял важные функции в канцелярии графа Тулузского; он присутствовал, в частности, при заключении двух соглашений с королем Арагонским в апреле 1204 г. (*Miret y Sans J. Itinerario del rey Pedro*. T. III. Barcelona, 1905–6. P. 275–276). В провансальском стихотворении Гильема де Дюрфорта превозносятся проницательность и здравомыслие этого персонажа. В феврале 1211 г. Раймон VI отдал ему в ленное владение Балярук (в графстве Мельгей), в награду за оказанные важные услуги (*Villemagne et Rouquette*. Cartulaire de Maguelone. Vol. II. P. 77); его наследник Бонифас-Гюи Свиная Голова владел Баляруком еще в 1263 г. Тем не менее Гюи перешел на сторону Симона де Монфора (после того как тот захватил графство Тулузское); известно, что 2 ноября 1216 г. он объявлял от имени Монфора судебное решение в процессе между аббатом Боннефонтским и Гильемом д'Ор (*Archives départementales du Gers*, J 205); а 3 февраля 1218 г. находился на осаде Тулузы рядом с Монфором и был свидетелем вассальной присяги, принесенной Монфору Ростаном де Поскьером (*Molinier A. Catalogue des actes de Simon de Montfort // Bibliothèque de l'École des chartes*. Vol. XXXIV. № 151.).
10. В протоколах вышеупомянутого совета о заступничестве аббата Сито не упоминается.

- 20 Но был пленен, идя назад, — его вина! —
И отведен под графа Форта знамена.
А рать его, что в Арагоне рождена,
Бежала в страхе прочь, ведь франков мощь грозна.
Но граф Монфор учтивость выказал сполна:
- 25 Ни на пожес⁴ у дам не убыла казна —
Граф ничего не взял.

[58]

- Едва пронесся слух, что Терм не устоял,
Всяк замок брошен был, бежал и стар и мал.
Так край Альбижуа⁵, не защищаясь, пал.
Вассалы графа, те, кто замки оставлял,
- 5 Не мнили, что до них докатится сей шквал.
Всемиловитый Бог там чудеса являл:
Таких погожих зим край здешний не видал⁶.
Но к теме все ж вернусь: довольно отступал!
Когда тулузский граф известье услышал,
- 10 Что захватили Терм, в Сен-Жиль он поскакал:
Там рыцари и клир созвали трибунал⁷,
Аббат Сито его по праву возглавлял,
Поскольку мертв Милон⁸, достойный всех похвал.
Был с графом Кап-де-Порк Гюи⁹, его вассал, —
- 15 Легиста лучше христианский мир не знал,
К тому ж он рыцарь был и знатный феодал,
Познаний глубиной всех прочих затмевал.
Своей наукою он графа поддержал, —
Где всяк бы вырвал глаз скорей, чем слово взял.
- 20 Поднявшись на ноги, аббат Сито сказал:
«Мессире, знайте: я нимало не солгал,
Честь честью граф Раймон себя со мной держал,
В знак доброй воли землю мне свою отдал.
Прошу, чтоб всяк ему поддержку оказал»¹⁰.

11. Из одного из писем легатов (PL. Vol. 216. Col. 833) известно два требования: изгнать всех еретиков из своих владений и избавиться от гарнизонов иностранных наемников-рутервов, что состояли у графа на службе; остальные требования неизвестны.

12. Святой Винсент Сарагосский (он же — Винсент Уэсский); принял мученическую смерть в Диоклетианово гонение, в 304 г. День почитания — 22 января.

13. Раймон VI не принял условий договора, предложенных ему двумя легатами, аббатом Ситоским и епископом Юэским, на этом совете (на котором присутствовал также Симон де Монфор). Эти условия вкратце изложены в хронике П. де Во де Серне (\$195). Дата совета указана только у Гильема Тудельского: около 22 января 1211 г., под праздник святого Винсента. Со всей очевидностью, совет состоялся до 27 января: именно этим числом датируется один из актов, утвержденных в церкви Сен-Назер де Мезуль, где в качестве договаривающихся сторон выступают король Пейре Арагонский и Симон де Монфор и в числе свидетелей — двое вышеназванных легатов (ср.: *Miret y Sans J. Itinerario*. Vol. IV. P. 16).

14. В том, что касается места сбора решающего совета, Гильем Тудельский, по-видимому, ошибается. Он — единственный, кто называет Арль; слова «*mon esient*» («насколько я знаю») явно свидетельствуют о неуверенности автора. С другой стороны, все, что он сообщает о данном совете, соответствует рассказу П. де Во де Серне о совете в Монпелье (\$212), состоявшемся приблизительно в то же время. В дипломатической переписке между легатами и Папой во временной промежуток между Сен-Жильским и Лаворским советами не упоминается никаких других советов, кроме Нарбоннского и Монпельерского. В сборнике *Concilia* Ф. Лабба и Г. Коссарта (*Labbe Ph. et Cossart G., eds. Sacrosancta concilia ad regiam editionem exacta*. P., 1671–1672. Vol. XI. Col. 2329) приводится латинский текст постановлений Арльского совета от февраля 1211 г.;

однако, по всей видимости, это не что иное, как перевод на латынь соответствующего фрагмента из прозаического переложения все той же «Песни» Гильема Тудельского. Характерно, что Н. Осокин, опирающийся главным образом на текст «Песни», тоже подробно повествует об Арльском совете, что якобы состоялся сразу после Монпельерского («История альбигойцев и их времени», стр. 278–279).

15. Похвалы мэтру Тедизу, канонику Генуэзского собора и папскому легату, объясняются тем, что отчасти благодаря ему Гильем Тудельский получил каноникат в Сент-Антонене (см. комментарий к лэссе 1). С другой стороны, П. де Во де Серне тоже восхваляет мэтра Тедиза за образованность, усердие и добродетель.

16. Список предъявленных требований — фактически ультиматум — недвусмысленно свидетельствует о решимости легатов не идти на компромисс с Раймоном VI. Отказ графа выполнить требования привел к новому отлучению Раймона VI 6 февраля 1211 г.; а на Тулузу был наложен интердикт. Приговор был оглашен в Монпелье аббатом Ситоским в присутствии архиепископов Беренгара Нарбоннского и Мишеля Арльского и епископов Гильема Авиньонского, Гильема Магелонского, Фулька Тулузского, Гильема Оранжевого и Тедиза. Иннокентий III, узнав о данном решении, немедленно его подтвердил, в письме от 15 апреля к архиепископу Арльскому и к Арнольду-Амальрику потребовав обнародовать приговор, а в письме к Раймону Юэсскому веля ему принять во владение графство Мельгей.

17. Одного из клириков своей канцелярии, сопровождавших графа в поездках; возможно, это был Раймон «писец» (*Raimundus scriptor*), впоследствии ставший каноником, а потом архидиаконом Тулузским; он же в феврале 1211 г. записал в Марсилларе одну из графских грамот в пользу Юи Кап-де-Порка, упомянутого в предыдущей лэссе.

- 25 Но строки папских булл совет тут зачитал,
Что римский Понтифик с легатами прислал.
Что длить рассказ? Объем запросов был не мал¹¹;
Рек граф Раймон в сердцах, чуть список отзвучал:
Тех трат не выдержит весь графский капитал!
- 30 Скорбя и гневаясь, коня он оседлал
И в вотчину свою, в Тулузу, поскакал,
Безмерно огорченный.

[59]

- Еще один совет ждал вскоре эн Раймона —
На день святителя Винсента¹², в град Нарбонну.
Среди других там был властитель Арагона.
Но все равно вопрос остался нерешенным¹³.
- 5 Собрались в Арле¹⁴, как мне ведомо, бароны;
Составлен там условий список протяженный, —
Он графу был вручен, что с сиром Арагона
Снаружи, на ветру, решенья ждал смущенно.
Пред всей толпой аббат им отдал список оный,
- 10 С ним были мэтр Тедиз, достойная персона,
Отменный клирик, по уму непревзойденный¹⁵,
Епископ города Юзес и клир ученый.
Граф в руки взял сей акт, советом
подтвержденный¹⁶,
И своего писца¹⁷ он кликнул благосклонно;
- 15 Тот четко вслух зачел весь список монотонно.
Дослушав, к королю воззвал граф возмущенно:
«Вот, сир король, — он рек с улыбкой
удрученной, —
Узрите ж приговор, легатами реченный,
Которых слушаться я должен по закону».
- 20 Заслушав вновь сей акт, писцом ему зачтенный,
Король, невозмутим, сказал спокойным тоном:

18. Эту деталь подтверждает и П. де Во де Серне (§212): «...На следующий день, поутру спозаранку, граф уехал из Монпелье, не попрощавшись с легатами». Хронист объясняет беспокойство графа и его поспешный отъезд тем, что граф якобы увидел летящую справа налево птицу и истолковал это как дурную примету.

19. По всей видимости, 5 февраля, потому что 6 февраля было провозглашено отлучение графа от церкви.

20. Вышеперечисленные условия уже были предъявлены графу Тулузскому легатом Милоном; граф поклялся их выполнить 19 июня 1209 г. Они согласуются с канонами III Латеранского собора 1179 г. и Монпельерского собора 1195 г., по которым отлучению подлежит всякий, кто нарушает мир посредством вооруженных нападений, кто содержит отряды арагонских или брабантских наемников либо иных рутьеров; те, кто держит у себя на службе иудеев либо доверяет им общественные должности и дает им какую-либо власть над христианами; те, кто не изгоняет еретиков из своих домов и земель. Еретики и все их добро, согласно представленным спискам, должны были поступать в распоряжение легатов; исполнения этого условия легаты требовали неоднократно.

21. Это и следующее условия сформулированы только у Гильема Тудельского. Подразумевается, что наказуемому разрешалось вкушать мясо только дважды в неделю. П. Мейер в своем переводе предлагает иную, менее убедительную трактовку: наказуемым запрещено «вкусать более двух сортов мяса».

22. Требование разрушить замки здесь сформулировано впервые, равно как и запрещение рыцарям жить в городе.

23. Вышеназванные соборы от 1179 и 1195 гг. также запрещали взимать налоги и пошлины такого рода, не санкционированные королем либо императором, равно как и повышать уже существующие налоги. Это условие сформулировано, в частности, в письме Иннокентия III к Раймону VI от 23 января 1210 г.

24. В оригинале значатся тулузские деньги.

25. Так называемые *pasciarii* (от лат. *paх*, «мир», прованс. *paziers*) фигурируют в постановлениях Монпельерского собора от января 1215 г.; их обязанностью было следить за выполнением постановлений соборов касательно соблюдения мира и перемирий.

«Нам предъявить бы это перед Папским троном».
Не попрощавшись¹⁸, граф уехал, угнетенный,
Акт сжав в руке, не видя в прениях резона,
25 К Тулузе быстро поскакал¹⁹, в свой край исконный,
А после — в Муассак, в Ажен, град отдаленный,
А также в Монтобан.

[60]

Тулузский храбрый граф в Тулузу прибыл, рьян,
В Тулузу въехал он, а после — в Монтобан,
В Ажен и в Муассак; с ним — акт, что в Арле дан.
Повсюду акт читал он, гневом обуян,
5 Среди клира, рыцарей и верных горожан.
Вот что вердикт гласил, советом начертан:
Граф станет мир блюсти и усмирит южан,
Рутьеров выгонит — бич мирных поселян,
И возвратит права всем, облеченным в сан,
10 Вручит покорно дар любой, что им желан,
И выдаст иудеев, любящих обман,
И всех, кто клиром «верным ереси» назван:
За год будь каждый еретик легатам сдан,
Чтоб клириками был наказан всяк смутьян²⁰.
15 Лишь дважды стол мясной дворянам невозбран²¹,
Пусть в ткани ценные не облачают стан,
Плащ бурый — их удел, из грубой ткани ткан;
Разрушен будь всяк замок²² их иль барбакан;
Жить в городе никто не должен из дворян,
20 Лишь за пределами, в деревне, среди крестьян;
И пошлину с дорог не должно класть в карман —
Лишь тот налог, что был в дни древние взыскан²³;
Четыре в год денье²⁴ с них будь налог собран
Тем, кто отныне мир в стране хранить избран²⁵;
25 А всякий ростовщик, грабитель и тиран,

26. III Латеранский собор 1179 г. запретил деятельность ростовщиков — под страхом отказа в причастии и в христианском погребении.

27. Имеется в виду один из двух военно-рыцарских орденов: орден рыцарей Храма (тамплиеров) и орден Госпитального братства святого Иоанна (госпитальеров, иоаннитов).

28. Под «барцами» (*Barrau*) подразумеваются не только обитатели долины реки Мез, вассалы графа Бар (их боевой клич: «Бар!»; см. лэссу 83), но в общем и целом имперские подданные, жители Лотарингии и прирейнских областей. Форизель переводит слово оригинала как «клирик», почему-то беря его в скобки.

29. Бернар IV (1150—1225, правил с 1175 г.), граф Комменжа и Кузрана. Его мать, супруга графа Бернара III Додона, была дочерью Альфонса-Журдена, графа Тулузского. Т.о., Бернар состоял в родстве с его внуком, Раймоном VI (подробнее об этом родстве см.: *Histoire de Languedoc*. Vol. VIII. Col. 408, 575); Раймон VI обращается к нему за помощью как родственник и как сюзерен; в своем завещании от сентября 1209 г. Раймон поручил ему опеку над своим сыном и наследником.

30. Саварик де Молеон (*Savari* (тж. *Savaury*) *de Mauléon*, окс. *Savaric de Malleo*) — могущественный пуатевинский барон, сын Рауля де Молеона, виконта Туарского, наследник сеньории Молеона (современный Шатильон-сюр-Севр), Тальмонта, Фонтене-ле-Конта, Бенона, Шателайона

и острова Ре, вассал английского короля Иоанна Безземельного, назначенный им сенешалем Пуату (1205). Этот владетельный сеньор, нрава решительного и воинственного, стал для Раймона VI ценным союзником: в 1211 г. Саварик вместе с графом Тулузским осадил Симона де Монфора под Кастельнодари (см. лэссу 93). В 1212 г. поступил на службу к Филиппу II Французскому, потом вернулся к Иоанну Безземельному и сражался на его стороне против мятежных баронов (1215—1217); был назначен Иоанном в регентский совет при малолетнем Генрихе III (1216); сражался в Египте (1219), участвовал во взятии Дамьетты. В 1227 г. принимал участие в восстании баронов Пуату и Анжу против Людовика IX. Умер в 1236 г. В «Жизнеописаниях трубадуров» рассказывается о его рыцарских доблестях, образованности и «вольнодумстве»: «Саварик де Маллеон... был разумен и доблестен и отличился в ратном деле, быв рыцарем своего времени и любителем людей ученых. Все пииты того времени, писавшие будь то по-латыни, будь то по-провансальски, направлялись к нему, а он принимал их радушно, содержал и щедро одарял». Сообщается также, что сам он «писал в ученом и тяжком стиле» (стр. 291—292). Сохранилось, в частности, стихотворение Саварика, обращенное к графине Тулузской Альенор, в котором он изъявляет готовность по ее слову выступить в путь с пятьюстами баскскими и брабантскими рыцарями на бой с теми, кто разоряет и опустошает ее земли (*Mahn C. A. F. Gedichte der Troubadours*. Vol. IV. B., 1856—1873. № 1133).

- Пусть интерес вернет, взысканный с христиан²⁶;
А коли граф Монфор и войско северян
Войдут в лен графа, взять свое имея план,
Всяк покорится, даже будь визит неждан.
- 30 Будь слово короля законом для мирян;
А граф за море, где струится Иордан,
Плыть должен, и не покидать заморских стран,
Пока не разрешит Рим, властью увенчан.
Там примет графа в орден Храм или Иоанн²⁷.
- 35 Коль он исполнит все, вновь графом будет зван,
А не исполнит — будет изгнан, окаян,
И потеряет лен.

[61]

- Всяк здешний буржуа, а также знатный эн,
Едва пред ними акт из Арля был зачтен,
Вскричали: «Лучше смерть или позорный плен,
Чем уступить, чтоб край наш был поработен,
- 5 А весь народ — к вилланам с сервами причтен.
Уйдем водой в Бордо! — рек дружно весь Ажен. —
Пред барцем²⁸ с франком мы не преклоним колен!
А если так захочет граф, наш сюзерен,
- 10 То с ним в земле другой поселимся взамен».
Граф, речь их выслушав, немало был польщен,
И письма разослал он от тулузских стен
В Альбижуа, к друзьям, кто не был извещен;
В Беарн и в лен Комменж²⁹ немало шло письмен,
- 15 И к графу де Фуа, и в Каркассонский лен.
И к Саварику; Молеон — его домен³⁰.
О помощи воззвать в преддверье тяжких ден
Заставила нужда.

31. П. де Во де Серне датирует прибытие французских крестоносцев в Каркассон серединой поста (приблизительно 13 марта 1211 г.); однако, поскольку их появление обусловило освобождение Бушара де Марли, датировка Гильема Тудельского (начало поста, несколькими неделями раньше) кажется более правдоподобной.

32. Раздоры между тулузскими жителями, часть которых взбунтовалась против власти Церкви, воспрепятствовали выплате второй половины контрибуции, обещанной легатам (см. комментарий к лэссе 47), что привело к новому отлучению городских консулов и к наложению на город интердикта. Интердикт был снят (по всей видимости, летом 1210 г.), когда горожане снова засвидетельствовали свою покорность и принесли клятву, но с оговоркой вассальной верности своему сеньору (*Layettes du Trésor des chartes*. Vol. I. Col. 369). Эта последняя статья обусловила враждебность к ним крестоносцев в следующем году.

33. Эти двое уже принимали участие в походе 1209 г. (см. лэсу 12).

34. Гийом де Немур (*Guillaume de Nemours*), младший сын королевского камергера Готье; брат епископа Петра Парижского (епископ с

1208 по 1218 г.), который тоже принял участие в этом походе 1211 г.; с 1208 г. он был певчим в кафедральном соборе Парижа. Э. Ришмон (*Richemond E. Recherches sur la famille des seigneurs de Nemours*. Vol. I. Fontainebleau, 1907. P. 140—145) отождествляет его с архидьяконом Парижским Гийомом, многократно упомянутым у П. де Во де Серне; он совмещал обязанности певчего и архидьякона. Тот факт, что Гильем Тудельский (лэсса 115) и П. де Во де Серне (§326) сообщают о присутствии на осаде Пенна д'Ажене певчего/архидьякона, подтверждает эту гипотезу. В 1213 г. Гийом де Немур стал епископом города Мо.

35. Помимо Пьера де Куртене и его брата Робера, уже принимавших участие в походе 1209 г., П. де Во де Серне в числе предводителей этой армии называет Энгеррана де Куси, Жоэля де Майенна и епископа Парижского Петра (§213 и 216). Присутствие последнего в крестоносной армии во время осады Лавора засвидетельствовано актом от 3 апреля 1211 г. (*Histoire de Languedoc*. Vol. VIII. Col. 609). П. де Во де Серне сообщает также (§230), что после захвата Лавора (3 мая) епископ отбыл в Париж, а брат Гийом его сопровождал.

36. Бушар де Марли был захвачен в плен в ноябре 1209 г. (см. лэсу 41).

[62]

- Едва начался пост³¹ и спали холода,
И дней Пасхальных потянулась череда,
В путь двинулись войска для ратного труда:
Призыв священства не остался без плода!
- 5 Весь град епископа Тулузского тогда
Встречал как сира и вершителя суда,
С процессией, что шла, торжественно-горда.
Прелат снял интердикт³²; я мнил, прошла беда,
Мир обретут они отныне навсегда.
- 10 Но позже видел я: те бьются хоть куда.
Епископ франкские объехал города:
Принц, рыцарь и барон, — тех ленов господа —
Крест взяли, зову вняв.

[63]

- Робер де Куртене, Пейре, оссерский граф³³
С Парижским певчим³⁴, как гласит одна из глав,
Пришли из Иль-де-Франс, большую рать собрав,
И в Каркассон вошли, там с войском станом встав³⁵.
- 5 Се, чудеса свершил Господь наш, величав,
Как я поведал вам, в сей книге записав:
Пришла та рать, люд Кабарета напугав.
Пейре-Рожер, сеньор их, бросился стремглав
К Бушару³⁶ пленному, его от сна подняв.
- 10 «Бушар, — он рек ему, — мне ваш известен нрав:
Вы — честный человек, ваш разум остр и здрав;
Такой, как вы, в поступках прям, а не лукав.
Не знаю, буду ль в том я прав или неправ,
Но вас освобожу, удачи попытав».
- 15 «Вовек я не предам, клятв чести не поправ!»
И рек барон: «В знак возвращенья ваших прав,

37. Здесь в точности соблюдены особенности рифмовки оригинала: в «подвеске» — -ет (*nasquet*), по всему тексту следующей лэссе — -ит (напр., *dit*).

38. П. де Во де Серне сообщает, что Симон де Монфор передал Пейре-Рожеру, в компенсацию за переданную Бушару де Марли сеньорию Кабарет, земли в других местах (§214). Эти земли находились под Безье. В начале 1220 г. сыновья Пейре-Рожера, молодой Пейре-Рожер де Кабарет и Пейре де Лаур, вновь завладели этой областью: она стала центром окситанской «реконкисты»

для виконтства и надежным оплотом для катарской Церкви Каркассе (там достаточно долго жил катарский епископ Пейра Изарн, а потом Гираут Абит). Замок капитулировал только в 1229 г.

39. Освобождение Бушара произошло где-то между концом февраля (см. комментарий к лэссе 62) и 12 марта 1211 г.: этим числом датирован один из актов, утвержденных в Каркассонском замке, и Бушар фигурирует там в числе свидетелей (*Histoire de Languedoc*. Vol. VIII. Col. 604).

Я — ваш отныне, вам свой замок передав».
Снять кузнецу с него оковы приказав,
Велел его подстричь, добавил в ванну трав,
20 И платье, и коня гнедого даровав,
Чтоб гость доволен был, лишений избежав.
Возликовал Бушар, такое увидав, —
Подобной радости с тех самых пор не зная,
Как был рожден на свет.

[64]

Сеньоры, как моя история гласит³⁷,
Бароном ни один пустяк был не забыт:
С Бушара мастеру он цепи сбить велит;
Дает ему наряд, из ценных тканей сшит,
5 И иноходца, что весьма хорош на вид.
Когда ж Бушар был снаряжен, одет и сыт,
Трех экуюе послал с ним, лучшую из свит,
И сам его из замка проводить спешит.
Но прежде чем они расстались без обид,
10 Барон заверил: «Вам мой лен принадлежит
И сам я — ваш; пусть мой оммаж то подтвердит!»
Поклялся сир Бушар, чье слово как гранит,
Что не предаст вовек и клятвы не презрит:
Пусть поразмыслит тот и что-нибудь решит,
15 С ним будет всяк хорош, никто не пристыдит.
Тот уговор Бушар соблюл, как надлежит,
И даже очень скоро³⁸.

[65]

Когда сам граф и все бароны де Монфора
Узнали радостную весть во время сбора,
Что на свободе сир Бушар³⁹ и едет в город,
Гадать не стоит, были ль рады все в ту пору.

40. В оригинале рифма данной лэссы повторяется в «подвеске» и переходит в следующую лэссу.

- 5 Ему навстречу сиры устремились споро.
Расцеловавшись, все просили разговора,
Чтоб знать, оставлен ли заложник под надзором.
«Напротив, — рек он, — замок нашим стал без спора,
А я — свободен, и прекращены раздоры:
- 10 Мессир Пейре-Рожер вручил по уговору
Мне замок, дав обет впредь не чинить отпора;
Отныне мы друзья и нет меж нами ссоры.
Я ж клялся — призри на меня Бог светлым взором, —
Что он во всякий день найдет во мне опору,
- 15 Удвоит капитал и избежит разора».
Сказал граф Форт: «Нам всем не скрыться от позора,
Коль выгоду свою он не оценит скоро.
Так пусть ни от кого не слышит он укора!»
«Ах, Матерь Божия! — воскликнули все хором. —
- 20 Такое вежество его отваге впору!
Нет в целой Франции подобного сеньора
Средь всех, кто носит шпоры»⁴⁰.

[66]

- В веселье буйном провели ночную пору
Мессир Бушар и с ним все прочие сеньоры.
А на рассвете дня войска, закончив сборы,
Поднялись в замок Кабарет в глухие горы
- 5 И объявили там условия договора.
Всем изложил Бушар условие, с которым
Вмиг согласились обе стороны без спора.
На башне ж знамя графа Форт подняли споро.
Так замок взяли крестоносцы де Монфора —
- 10 Был занят Кабарет без крови и раздора.
Узрите ж, что за чудеса явились взору:
Когда б весь люд, что есть на свете, без разбора,
Пришел бы штурмовать его иль брать измором,

41. Лавор находится приблизительно в 35 км к северо-востоку от Тулузы, на западном берегу реки Агут, на крутом уступе, неподалеку от того места, где проходила граница между землями Тренкавелей и землями графа Тулузского. Город известен как один из ранних центров катаризма («Это место было источником и очагом всевозможных ересей»: П. де Во де Серне, §220); еще в 1181 г., в ходе миссионерского похода аббата Генриха Клервоского против ереси, город был на короткое время осажден и вынужден сдаться. В XII в. сеньоры Лавора приносили вассальную присягу Тренкавелем, однако пользовались сравнительной независимостью. Власть Тренкавелей над городом постепенно ослабла; напротив же, влияние Раймона VI Тулузского набирало силу (так, в 1203 г. Раймон VI заключил соглашение с Гиральдой Лаворской и прочими соправителями города). Вопрос о том, кто являлся сеньором города к моменту крестового похода, не вполне ясен. Гильем Тудельский утверждает, что Лавор находится в Тулузене; Гильем Пюилоранский, отмечая, что город принадлежит к тулузскому диоцезу, обвиняет графа Тулузского в том, что благодаря его попустительству «ересь» набрала здесь силу (гл. XVI; известно, что на момент осады в городе укрылось немало *добрых людей*). П. де Во де Серне, выражая официальную позицию крестоносцев, утверждает, что Лавор не входил в графство Тулузское и воспринимался как часть бывших владений Тренкавелей, что якобы оправдывало нападение на город.

42. Дословно: месяц и пять недель. Гильем Тудельский, несомненно, преувеличивает продолжительность осады; исходя из предшествующих событий, начаться в конце февраля осада никак не могла, но длилась она по меньшей мере месяц, поскольку сохранился документ, датированный 3 апреля «при осаде Лавора» (*Histoire de Languedoc*. Vol. VIII. Col. 808), а взят был город 3 мая (см. ниже, а тж. у П. де Во де Серне, §226).

43. Раймон VI, опасаясь, по всей видимости, давать крестоносцам новый повод к войне,

не помогал Лавору открыто. Тем не менее он послал в город подкрепление: немало рыцарей и ежкой. Прелаты на Лаворском соборе 1213 г. вменяли это в вину графу. Согласно показаниям некоего Понса Карбонеля, жителя Фаже (Верхняя Гаронна, кантон Караман, ок. 15 км к югу от Лавора), однажды граф явился к нему в дом вместе со своим байлем Раймоном де Рико (зятем одного из соправителей Лавора, Гильема Сайсета) и другими рыцарями; туда же днем раньше пришли двое «совершенных». Позже байль предоставил лошадей «совершенным» и отряду графа, и все они отбыли в осажденный Лавор (*Histoire de Languedoc*. Vol. VIII. Col. 1148). По всей видимости, это и было подкрепление, на которое ссылается П. де Во де Серне (§220). Кроме того, Раймон VI предпринимал все меры, чтобы помешать тулузцам снабжать крестоносцев, осаждающих Лавор, продовольствием и оружием (см. тж. П. де Во де Серне, §217). Но, несмотря ни на что, отряд тулузцев, симпатизирующих крестоносцам, покинул город и присоединился к осаждавшим (Гильем Пюилоранский, гл. XVI).

44. Аймерик Монреальский, сын Сикара и Бланки де Лорак, был вынужден заключить мир с С. де Монфором годом раньше, после взятия Минерва; он передал Монфору сеньорию Монреаль и, по всей видимости, Лорак и в виде компенсации получил менее значимый фьеф в иных местах (П. де Во де Серне, §135, 167). Восстав против власти Монфора, он присоединился к защитникам Лавора. Уменьшительное имя Аймеригет, по всей видимости, дано в шутку: известно, что Аймерик был высок (выше прочих рыцарей гарнизона) и обладал могучим телосложением.

45. Гиральда, дочь Сикара и Бланки де Лорак, вышла замуж за сеньора Лавора, но к тому времени овдовела. Семья Лорак известна своей приверженностью к катарской вере; Бланка после смерти мужа (ок. 1200 г.) стала *доброй христианкой*; в определенный момент сан приняли также и ее дочери Эсклармонда, Мабилля и Наварра.

Угрозы было б в войске том, что в горсти сору.

- 15 Но против армии Христовой не опора
Ни замок каменный, ни укрепленный город,
И лишь глупцы вступали с Божьим войском в споры,
В конце ж смеяться было никому не впору,
Ведь уцелевших — нет.

[67]

Как только сдался крепкий замок Кабарет,
Граф де Монфор и рать крестовая чуть свет
К Лавору, в Тулузен⁴¹ пришли, блюдя обет.
Пять дюжин дней осады⁴² — сей строфы предмет.

- 5 Машин осадных взяли много, стих речет.
Был превосходно укреплен сей замков цвет,
Когда помог бы граф Раймон в преддверье бед⁴³,
Не скоро б взят был град, клянется вам поэт.
И, так как всю еду везли войскам вослед,
10 Тулузы буржуа, противу них пошед,
Обозов их лишая, тем чинили вред —
Не перевезть ни меч, ни щит, ни требушет.
Но спохватились поздно те, забыв совет:
«Не запирают хлев, когда коня уж нет».

- 15 Ведь франков рать, на них обрушившись в ответ,
Им воздала стократ.

[68]

Был так силен Лавор, и мощен, и богат, —
В земле равнинной не сыскать подобный град,
Где рвы столь глубоки и прочен палисад,
А гарнизон велик и крепок сталью лат.

- 5 Аймеригет⁴⁴ был там, Гиральды⁴⁵ славный брат,
Хозяйки города; немного дней назад
Покинул графа Форт он, вспять не бросив взгляд.

46. Казнь через повешение применительно к рыцарю и человеку благородного звания — грубейшее нарушение рыцарской этики. У П. де Во де Серне говорится, что, когда был повешен Аймерик, виселица обрушилась; тогда оставшихся рыцарей добили мечами (§227).

47. Эту же цифру называют П. де Во де Серне (§227) и Гильем Пюилоранский (гл. XVI).

48. П. де Во де Серне (§227) говорит о «бес-счетом числе» сожженных; Гильем Пюилоранский (гл. XVII) говорит о «приблизительно трехстах».

49. Гильем Тудельский восхваляет даму Гиральду за щедрость и милосердие; в отличие от П. де Во де Серне, назвавшего ее «еретичкой худшего толка» (§227), и прочих хронистов (Альберик Труафонтенский, Робер Оссерский; см.: *Monumenta Germaniae historica, Scriptores*. Vol. XXIII. P. 892; Vol. XXVI. P. 276).

50. 3 мая, на праздник Святого Креста.

- Он потерял Лорак, и Монреаль был взят;
Двух сотен рыцарей лишил его захват
10 Всех фьефов остальных, — чему он был не рад.
Был благороден он, и щедр, и тороват.
Хоть на дары вовек он не жалел затрат,
Но был вальденс и еретик ему как брат.
Не помнит мир, чтобы такой аристократ
15 Повешен был, и с ним — весь рыцарский отряд⁴⁶.
Числом же было их, — я ошибусь навряд —
Десятков восемь⁴⁷, как сказал один прелат.
А что до горожан, их вывели из врат
И на лугу сожгли — четыреста подряд⁴⁸.
20 Гиральду ж бросили в колодец, сверху град
Камней обрушив, — зло из зол, бьюсь об заклад!
От дамы сей вовек, как верно говорят,
Бедняк не уходил, не утолив свой глад⁴⁹.
Так в мае, в день Креста⁵⁰, что христиане чтят,
25 Погиб Лавор, о чем стихи мои гласят.
В ров водрузили франки башню для осад,
Добравшись вплоть до стен: дела пошли на лад;
И сдался город: в плен попали стар и млад.
И тут пошла резня: начался сущий ад,
30 Что до конца времен забудется навряд.
Сеньоры, участь та заслужена стократ!
И поделом сей люд страдает от утрат,
Не делая, как клир и франки им велят;
Спохватятся они, когда их разгромят,
35 Как град Лавор, — за то не поблагодарят
Их до конца времен.

1. П. де Во де Серне (§218) уточняет, что монжейский эпизод имел место во время осады; о том же свидетельствует начало лэссы 71.
2. Выше, в лэссе 61, говорилось, что Раймон VI обратился к графу де Фуа за помощью.
3. Здесь в тексте содержится лакуна: пропущено начало фразы, которая заканчивается в строках 5—6. В пропущенной части говорилось о многочисленном крестоносном войске, что присоединилось к армии С. де Монфора под Лавором; о нем упоминает ряд хронистов (П. де Во де Серне, Робер Оссерский, Альберик Труафонтенский), однако национальностей участников они не называют.
4. Альберик Труафонтенский приводит цифру 1500; первые два хрониста числа не уточняют, сообщая лишь о том, что войско было весьма многочисленным.
5. Это крестоносное войско выступило из Каркассона (см. П. де Во де Серне, §218); его путь пролегал через Монжей (около 25 км от Лавора) между Ревелем и Кук-Тулза, где поджидали в засаде граф де Фуа и его люди.
6. Напротив, П. де Во де Серне сообщает, что неодоеспешенные (дословно «безоружные», «*quia inermes erant*», §218) крестоносцы были захвачены врасплох; Гильем Пюилоранский (гл. XVI) также говорит о том, что крестоносцы не приняли должных предосторожностей.
7. На современных картах под Монжеем со стороны Ревеля обозначены две рощицы; не вполне понятно, о какой из них идет речь.
8. Согласно хронисту Роберу Оссерскому, священники позаботились о том, чтобы предать тела земле; об этом гласит современная надпись близ Овезинской церкви (в деревне муниципального округа Монжея).
9. Это произошло во второй половине мая 1211 г., когда С. де Монфор увел армию из Лавора на осаду Кассе (П. де Во де Серне, §232).

VII

Подвиги графа Бодуэна

[69]

В то время как Лавор был взят и покорен¹,
В путь вышел граф Фуа², отряд его и он,
И с ними — люди, чей сеньор — сам граф Раймон,
И эküе, и слуги, чьих не счесть имен...³

5 А вот и немцы, что скакали много ден, —
Их было тысяч пять⁴, как говорит шансон.
Войдя в Монжей⁵, отряд их был вооружен
И перестроился в колонну без препон⁶.

Но граф Фуа, как лев, бесстрашен и силен,

10 И те, кто с ним, сочли: слов тратить — не резон,
И устремились на врага со всех сторон.

Достойно бились и фламандец, и тевтон,
Кипел близ рощи⁷ бой, в тени зеленых крон,
Но горек был удел того, кто побежден:

15 Южане немцам нанесли большой урон —
Без покаяния был каждый умерщвлен⁸,
Вилланы местные, что злобны испокон,
Добили их дубьем, презрев Христов закон.
Вот потому и был Монжей потом сожжен⁹.

20 Да буду во грехах я Господом прощен!

10. Т.е. преследуя графа де Фуа.

11. Город между Тулузой и Вильфранш-де-Лораге, приблизительно в 30 км к юго-западу от Монжея и в 45 км к северу от Памье.

12. Столь подробное уточнение, несомненно, подсказано необходимостью «заполнить» шестистопную строку.

13. Город приблизительно в 20 км к югу от Лавора. Можно заключить, что крестоносцы преследовали неприятеля в западном направлении от Монжея, по холмистой

местности, что простирается до Карамана и Лантара.

14. См. комментарий к лэссе 12.

15. Гильем Тудельский возвращается к рассказу об осаде Лавора, прерванному ради монжейского эпизода. Об исходе осады автор уже сообщил в лэссе 68; здесь он повторяет приведенные выше подробности, в частности количество сожженных еретиков. Такого рода повторы вызваны необходимостью увязать повествование с дальнейшими событиями.

Когда бы всяк виллан с позором был казнен
За то, что рыцарей губил и грабил он,
В том горя было б мало!

[70]

- Крестьянство местное, как песня рассказала,
Завидев графа, на подмогу побежало;
Там много каждому добычи перепало.
За зло заплатят все, пускай и запоздало!
- 5 Узнавши все от уцелевшего вассала,
Французы не снесли подобного скандала:
Сто сорок сотен их вдогонку поскакало —
Весь день спешила рать, не делая привала¹⁰.
Но храбрый граф Фуа, не мешкал он нисколько:
- 10 Все войско случая не упустить мечтало, —
Помчалось в Монжискар¹¹ и там заночевало.
Добычи, что у немцев рать отвоевала,
На год, три месяца и двадцать дней достало¹².
Там не нашли их крестоносцы - феодалы,
- 15 В обратный путь они отправились устало
И прибыли в Лантар¹³, чуть ночь на землю пала.
Скорбело войско все, когда о том узнало,
Порастеряв задор.

[71]

- И граф Пейре д'Оссер, и Куртене сеньор¹⁴
Бессильны были здесь, а также граф Монфор.
Граф де Фуа бежал, скача во весь опор,
Они ж ни с чем вернулись к армии в Лавор.
- 5 Захвачен город был, как молвит стихотвор¹⁵,
Четыреста еретиков спалил костер:
Постиг ублюдков справедливый приговор.
Эн Аймерик был там повешен, словно вор,

16. Приблизительно с год назад он ссудил крестоносной армии необходимые средства; в ходе осады Минерва С. де Монфор вознаграждал его услуги, передав ему права на сеньории Пезенас (*Pézenas*) и Турбес (*Tourbes* или *Trebes*), что подтверждается грамотой от 14 марта 1212 г. (*Histoire de Languedoc*. Vol. VIII. Col. 604). Из писем Папы Иннокентия III (PL. Vol. CCXVI. Col. 693—694) следует, что он по-прежнему был банкиром С. де Монфора, при котором находился в ходе осады Тулузы 20 июня 1211 г. (*Histoire de Languedoc*. Vol. VIII. Col. 611). В пресловутых документах он именуется Раймоном Каорским. В XIII в. в Каоре жила влиятельная семья по фамилии Сальваник (*Salvanhic*) (*Albe E., éd. Inventaire raisonné et analytique des archives municipales de Cahors pour le XIII siècle (1200—1300)*. Vol. I. Cahors, 1914. P. 9); в 1323 г. семье в лице ее представителя, некоего Раймона де Сальваник, было пожаловано дворянство. Предположительно, Гильем Тудельский ошибся в написании имени и речь идет об одном и том же человеке. На протяжении Средних веков каорские ростовщики, или «кредиторы», пользовались широкой известностью.

17. Монферран возведен на вершине холма в Лораге, над Норузским ущельем (округ Кастельнодари).

18. В «прологе» (лэсса 1, ст. 15—18) славословия, возносимые Гильемом Тудельским графу Бодуэну, объясняются вполне практическими причинами: Бодуэн — щедрый покровитель Гильема. Однако воинскую доблесть Бодуэна подтверждают (гораздо более сдержанно) и свидетельства Гильема Пюилюранского (гл. XIII): «Он [Раймон Тулузский] поручил ему командование в войне, которую вел в Провансе с сеньорами де Бо. Он [Бодуэн] действовал решительно и разгромил их в открытом поле».

19. Монферран находится примерно в 10 км к северо-западу от Кастельнодари, в направлении Тулузы. Вопреки уверениям Гильема Тудельского, замок занимал удобное стратегическое положение и контролировал основную дорогу к Тулузе. После того как Раймон VI покинул Кастельнодари, Монферран становится «ключом» к южным подступам к Тулузе. То, что Раймон VI поручил Бодуэну оборону Монферрана, неоспоримо свидетельствует о его доверии брату.

- И восемьдесят с ним дворян как на подбор:
10 Болтались все в петле, что рыцарям — позор.
А на Гиральду, что подняла крик и ор,
В колодец бросили; конец ее был скор, —
Ее камнями забросали там в упор,
Помиловав всех дам, что составляли двор, —
15 Что куртуазным, храбрым людям не в укор.
Там захватили скакунов как на подбор,
Доспехов дорогих, и упряжи, и шпор,
И тканей дорогих, и не один ковер,
Пшеницы и вина.

[72]

- Раймону Сальваньяк, — толста его мошна! —
Каорскому купцу, чья велика казна,
Граф де Монфор отдал добычу всю сполна:
Ведь им оплачена крестовая война¹⁶.
5 Купцу лаворская вся прибыль вручена, —
В избытке тканей, вин и доброго пшена.
Как пал Лавор, за год окрестная страна
До Монферрана¹⁷ вплоть была покорена.
Там был граф Бодуэн, чья доблесть столь славна,
10 Что храбрости Роланда с Оливье равна¹⁸.
Будь область бóльшая в надел ему дана,
Его победами б умножилась она.
Будь крепость та, под стать названию, сильна,
Что братом - графом Бодуэну вручена,
15 Вовеки франкам не была б она сдана¹⁹.
С ним сиров дважды семь, дружина не скудна,
Что с графом в крепости была осаждена —
И молодой, и старый.

20. Нижеописанная осада происходила, по всей видимости, во второй половине мая 1211 г.

21. Идентифицировать этого персонажа возможным не представляется.

22. Вероятно, тот самый «Понс из Тулузы», что исполнял роль графского вигуэра в судебном расследовании от 20 ноября 1214 г. (Archives nationales, J 1050, № 32), проведенном консулами некоего города — скорее всего, Монтобана.

23. Монклар (*Monclar*) — по всей видимости, Монклар-де-Керси, главный город виконтства, присоединенного к графскому домену Тулузы в 1176 г., одновременно с Брюникелем (*Histoire de Languedoc*. Vol. VI. P. 67). Кто именно носил в 1211 г. титул виконта Монкларского, неизвестно.

24. Этот персонаж обязан своим именем одному из множества южных населенных пунктов с названиями Ле Брейль или Ле Брюэль (*Le Breil/Le Bruel*). Известно, что в области Муасака, где находятся два населенных пункта под названием Ле Брейль (в Рокоре, кантон Монтегю, и в кантоне Негрепелисс, Тарн и Гаронна), около 1160 г. проживал его тезка (*Histoire de Languedoc*. Vol. V. Col. 606).

25. Он стал приором тулузского командорства ордена св. Иоанна Иерусалимского в 1225 г.; его имя, в формах *Sancius Espaza* и *Sancius Ensis*, фигурирует в документах этого командорства (Archives départementales de la Haute-Garonne, série H) вплоть до 1232 г. А. дю Бург, переделавший его имя на французский лад: Санчо Меч (*Sanche de l'Épée*), утверждает, что тот пребывал приором вплоть до 1236 г. (*Du Bourg A. Histoire du Grand-Prieuré de Toulouse et des diverses possessions de l'ordre de Saint-Jean de Jérusalem*. Toulouse, 1883. P. 24).

26. Согласно предписаниям III Латеранского собора 1179 г. (постановление XXVII) и

последующих соборов, рутьеры подлежали уничтожению заодно с еретиками.

27. Данного персонажа идентифицировать крайне трудно; по всей видимости, имя записано в искаженном виде. Э. Мартен-Шабо и П. Мейер в качестве одного из возможных кандидатов называют графа Алст. Алст (*Alost*), город в Восточной Фландрии (Бельгия) дал название целому графству, которое объединилось с Фландрией в 1174 г. (*De Smet F. J. Description de la ville et du comté d'Alost*. Alost, 1852. P. 132); однако ж некий граф Алст фигурирует среди прочих баронов и рыцарей, чье существование исторически засвидетельствовано, в романе Жана Ренара «Роман о Розе, или Роман о Гильеме де Доле» (начало XIII в.). Тем не менее нет сведений о том, что тогдашний граф Алст, Филипп, принимал участие в Альбигойском крестовом походе. То же можно сказать и о Людовике II, графе де Лооз (*Loos*, Бельгия, провинция Лимбург). Пьер д'Ало (*Pierre d'Alos*), поименованный Робером де Клари в «Завоевании Константинополя» в числе участников Четвертого крестового похода (1200), явно персонаж не из самых важных. Населенные пункты под названием *Alos* в провинции Лерида (Испания), Кузран, Комменж, Альбизуа, равно как и *Allos* в Провансе, тоже исключаются; их владельцы не имели графского титула и были отнюдь не склонны выступать на стороне крестоносцев. «Граф д'Алос» упоминается также в эссе 84; однако в двух прозаических пересказах в этом месте значится «граф Шалон». Возможно, в данном случае действительно имеет место ошибка переписчика.

28. Фашины, фашинник (от лат. *fascis* — связка прутьев, пучок) — перевязанные веревками или прутьями пучки хвороста; ими заваливали рвы при штурме крепостей.

[73]

Граф Бодуэн, закрывшись в замке, ждал удара²⁰.
С ним рыцарь Пейре²¹, воин доблестный и ярый,
Тулузец Рыжий Понс²² с виконтом из Монклара²³,
Четвертый — Юк де Брейль²⁴, что в сече бьется

с жаром,

- 5 Эн Санчо, прозванный Эспада²⁵, с ним на пару,
Раймон де Перигор, что унывал недаром —
Он был рутьер, и вот боялся скорой кары²⁶.
Снаружи граф д'Алос²⁷ там ждал в преддверье свары.
Когда б Господь не дал им избавленья дара,
10 Poznali б смерть или пленения кошмары,
Ведь замок слаб, и к ночи б пал в огне пожара,
Ведь враг сильней стократ.

[74]

Но вот уж сбор бароны армии трубят:
Приказ засыпать рвы объявлен всем подряд.
По исполненьи сотня б набралась навряд,
Кто не вошел в десятитысячный отряд.

- 5 Вот, камнеметами весь окруживши град,
В сраженье ринулись и рыцарь, и солдат.
Граф Бодуэн, военной доблестью богат,
Обороняясь, отбивал ударов град,
Люд поджигал фашины²⁸, что во рву лежат,
10 Но франки снова набросали их стократ.
Но чудо совершил Господь, всеблаг и свят:
Всех осажденных спас от плена и утрат.
Граф де Монфор поладить с графом был бы рад,
А с ним и рыцари, что Бодуэна чтят:
15 Всем жаль его: о нем лишь доброе твердят,
А прочих франки в грош не ставят и бранят.

29. Титул графа Шалонского носил при жизни матери, графини Беатрикс, умершей в 1227 г., Жан, рожденный от ее брака с Этьеном, графом Оксонским и Бургундским (*Bazin L. Les comtes héréditaires de Chalon-sur-Saône. Chalon-sur-Saône, 1911. P. 103*). Об участии Жана Шалонского в Альбигойском крестовом походе в 1211 г. П. де Во де Серне не сообщает.

30. Т.е. Симон де Монфор, явившийся на осаду Монферрана после захвата Кассе (на что Гильем Тудельский ссылается в лэссе 84).

31. Описание сдачи Монферрана у Гильема Тудельского практически совпадает с версией П. де Во де Серне: Бодуэн некоторое время держал осаду, но, убедившись, что замок слишком слаб и долго не выстоит, сдал Монферран крестоносцам на нижеописанных условиях. Г. Пюилоранский (гл. XVII) коротко сообщает, что Бодуэн сдал город, «поскольку граф не прислал ему обещанной помощи».

32. В условиях капитуляции речь идет, в сущности, о соблюдении нейтралитета. Очень скоро Бодуэн вышел за пределы, оговоренные условиями капитуляции, предал брата и перешел на сторону крестоносцев; см. лэссу 76. У Г. Пюилоранского (гл. XVII)

Бодуэн «примирился с Церковью и связал себя клятвой содействовать ей в будущем». У П. де Во де Серне Бодуэн, в придачу к вышеперечисленным условиям, «пообещал также, буде граф того пожелает, он во всем ему посодействует противу любых пришлецов» (§235).

33. Развалины замка Монтегют находятся в 4 км к северу от Л'Иль-д'Альби.

34. Ла-Гард-Виаур (муниципальный округ Монтират, Тарн), приблизительно в 30 км к северо-востоку, и Пюисельси, примерно в 15 км к северо-западу от Гайяка.

35. В оригинале в этом месте второй раз повторяется название Пюисельси; Э. Кабье (см.: *Revue hist. du Tarn. Vol. XIV. P. 336*), а вслед за ним и Э. Мартен-Шабо в своем издании заменяют его на Сен-Марсель, следуя списку завоеванных городов, приведенных у П. де Во де Серне (§237).

36. К списку покоренных городов следует добавлять также и Каюзак (П. де Во де Серне, §237).

37. Все, что Гильем Тудельский здесь рассказывает «о спасении Брюникеля», больше нигде не подтверждается: ни у П. де Во де Серне, ни у Г. Пюилоранского.

- Граф де Шалон²⁹, как честь и вежество велят,
Послал к нему гонца, и тот вскричал у врат:
«Сир, выходите — вам вреда не причинят,
20 Сеньор наш граф³⁰ не станет вам чинить преград:
Бароны с вами соглашение заключат».
Пожалуй, воздержусь от длинных я тирад:
Вот вышел к франкам Бодуэн за палисад,
Ведь знал он: не спастись, и замок будет взят.
25 Так крестоносцам крепость сдал Раймонов брат³¹,
И с ней запас вина, зерна и хлеба склад.
Все вышли при мечях и не снимая лат.
И дали клятву на Писанье все подряд,
Что крестоносцам впредь вреда не причинят,
30 С еретиками ж дружбы не возобновят³².
Так заключили мир, и двинулся назад
Весь крестоносный люд.

[75]

- Обратно повернув, сей крестоносный люд
Взял Рабастен, Гайяк и крепкий Монтегют³³
(Они сдались, страшась, что все равно падут),
Затем Ла-Гард с Пюисельси³⁴ — ведь натиск лют.
5 Сент-антоненцы ж безоружными на суд
Явились к армии во избежанье смут.
И Лагепи, и Сен-Марсель³⁵ смирились тут;
Лег чрез Альбижуа дальнейший войск маршрут³⁶.
Епископ тамошний, которого все чтут,
10 Уладил с ними все за несколько минут.
Граф Бодуэн же, тот, с кем франки мир блюдут,
Спас Брюникель³⁷, ведь опасались, что сожгут
В отчаянье сей град все те, кто в нем живут,
Страшась, что норы крестоносцев яр и крут;
15 Того ж хотел и граф Раймон, передают,

38. Брюникель подчинился графу Тулузскому.

39. Такова формальная церемония передачи оммажа: приняв клятву, новый сеньор гарантировал своим вассалам сохранность их добра. В следующей лэссе мы увидим, что Бодуэн перешел на сторону крестоносцев. Работа Г. де Клозада, посвященная истории замка Брюникель при Бодуэне Тулузском (*De Clausade G. Le château de Bruniquel sous Baudouin de Toulouse // Mémoires de l'Académie des sciences... de Toulouse. 5 série. Vol. III. Toulouse, 1859. P. 284*), не подкрепляет этот рассказ никакими весомыми фактами.

40. См. комментарий к лэссе 1. Согласно Г. Пюилоранскому (гл. XII), Раймон VI по приезду Бодуэна в Тулузу отказался признать брата и отослал его обратно во Францию за доказательствами его происхождения. Когда же тот привез от французского двора «письма и печати», подтверждающие, что он действительно является «сыном госпожи Констанции, матери графа и сестры короля

Франции Людовика», Раймон VI «обошелся с ним вежественно», но не наделил ни землями, ни титулами. Однако, какова бы ни была версия Г. Пюилоранского, Раймон VI полностью признает брата в завещании, составленном в сентябре 1209 г., перед отъездом во Францию и в Рим, наделяет его ежегодным доходом (в тысячу мельгейских су) и поручает, в числе прочих, воспитание своего сына. То, что Раймон поручил брату оборону Монферрана, стратегически важной крепости, контролирующей подходы к Тулузе с юга, также несомненный знак доверия с его стороны.

41. П. де Во де Серне лишь походя ссылается на эту встречу братьев (гл. LIV, §236), в ходе которой Бодуэн, по всей видимости, принял последнюю попытку заставить Раймона VI покориться крестоносцам. В письме королю Арагонскому (*Layettes du Trésor des chartes. Vol. I. P. 370*) тулузцы сообщают, какие условия предлагал Раймон VI и как они были отвергнуты легатами.

Когда бы жители внять речи взяли труд
В унынье и печали.

[76]

Был в Брюникеле граф Тулузский. Все мечтали
Лишь об одном: бежать из крепости подале.

Но к Бодуэну втайне рыцари воззвали:

В обмен на жизни замок сдать пообещали.

5 Тот дал понять, что брат — глава ему едва ли³⁸.

Пред графом рыцари и экуюе вскричали:

«Сеньор, над нами власть вы брату б не отдали?»

Рек граф Раймон: «Смирюсь, коль вы так

пожелали».

И снял присягу с них в публичном ритуале,

10 Чтоб те свободно Бодуэну присягали:

Богач и бедный — замку все оммаж вручали³⁹.

Явился к франкам Бодуэн, — там гостя ждали, —

И попросил их дать гарантии вначале.

«Коль к нам примкнете вы, — французы уверяли, —

15 Все, что б вы вместе с нами ни завоевали,

Лишь вам же самому достанется в финале».

Посулами его все дружно осыпали,

Чтоб встал под их знамена.

[77]

Граф добрый Бодуэн назад помчался конный

И, с графом Форт дела уладив по закону,

Поехал к брату, изложить свои резоны,

Хоть тот вовек не вел себя с ним благосклонно,

5 За брата не держал, во всем чиня препоны⁴⁰.

Поклясться на мощах он звал не раз Раймона,

Тщась брата привести под франкские знамена⁴¹.

Но, в том не преуспев, уехал огорченный,

42. П. де Во де Серне в подробностях пересказывает, как, после неудачных переговоров с братом, Бодуэн присягает на верность Монфору (гл. LIV, §236), «из слуги дьявола сделавшись слугой Христовым», и сравнивает двух братьев к вящей выгоде Бодуэна.

43. После того как Брюникель перешел во владение Бодуэна, как о том повествуется в лэссе 76.

44. Тибо I, граф Барский (Бар-ле-Дюк) и Люксембургский, принял крест, вняв убеждениям проповедника, посланного аббатом Сито; 3 апреля 1211 г., как говорится в его завещании, он уже вот-вот готов был отбыть в Альбигойский поход (*Grosdidier de Matons M. Le comté de Bar (950—1301). Bar-le-Duc, 1918—1921. P. 129*).

45. Монжискар находится в 20 км к юго-востоку от Тулузы (см. т.ж. комментарий к лэссе 70); здесь пересеклись пути графа де Бар, который ехал из Каркассона, и С. де Монфора, возвращающегося из Альбижуа. Армия С. де Монфора, по всей видимости, встала лагерем в окрестностях, ближе к Лантару.

46. Пресловутый четверг приходился на 16 июня 1211 г., поскольку осада (снятая

29 июня) продолжалась не более 15 дней (*Histoire de Languedoc. Vol. VIII. Col. 611*).

47. В оригинале — «cubrir de fer e entresenhar», «в железных доспехах с гербами». Южные рыцари для защиты боевых коней использовали доспех, закрывающий туловище полностью либо только шею и грудь; в таком случае та часть, что прикрывала круп, делалась из украшенной гербами ткани (*Demay G. Le costume d'après les sceaux. P., 1880. P. 179*).

48. В этом бою сражались отряд тулузцев, явившийся оборонять переправу через Лер у моста Монтодран (в 4 км к юго-востоку от города), и армия крестоносцев, загодя переправившаяся через брод. Крестоносцы отбросили противников назад, к укреплениям. Гипотеза Ж. де Малафосса (*De Malafosse J. Études et notes d'archéologie et histoire. Toulouse, 1898. P. 102*), согласно которой битва имела место у Пейриоля (в 3 км к северо-востоку от города), где мост через Лер носит «говорящее» название *Nègue-Roumieu* («потопление паломников (или крестоносцев)»), неприемлема: этот мост от моста Монтодран отделяет расстояние в 6 км.

- Обратно в войско, ради клятвы принесенной⁴².
- 10 Вовек не бился б с братом он ожесточенно,
Когда б тот Брюникель не грабил беззаконно⁴³.
В те земли прибыл граф де Бар⁴⁴ во время оно,
Граф де Монфор к нему навстречу устремленно
Поехал в Монжискар⁴⁵, сей замок удаленный.
- 15 Вернулись к ужину вожди в срок отведенный.
Решили на Тулузу двинуться бароны,
Граф Бара призывал к осаде убежденно.
В четверг, с утра, свернули лагерь укрепленный⁴⁶.
Кто знал дорогу, те возглавили колонну.
- 20 Форсировали Лер, не понеся урона.
В Тулузу с вестью той гонец помчался конный.
Рек граф Раймон вооружаться гарнизону;
С ним граф Комменжа, чтоб усилить оборону,
Граф де Фуа, и с ним — рутьеры Арагона.
- 25 В пять сотен рыцарей отряд вооруженный,
И пешие, — я всех не помню поименно.
Когда б бойцов вы увидали закаленных,
Надевших шлемы, облаченных в гамбизоны,
Верхом на крепких лошадях в пластинах бронных⁴⁷ —
- 30 Сказали б вы: им не страшны и легионы.
И впрямь, когда б Господь помог им благосклонно,
И будь они храбрей — бежало бы смятенно
Все войско северян.

[78]

- Вброд реку у моста, что звался Монтодран,
Французы перешли, и бой был ими дан,
Что стоил битвы, — лгать мне не позволит сан! —
Погибло много и южан, и северян,
- 5 Пятнадцать дюжин их скончалось там от ран⁴⁸.
В садах предместий всяк, отвагой обуян,

49. Оборот, заимствованный из французских шансон де жест (повторяется также в строке 5 лэссы 103) и никакого смысла в себе не заключающий: в той битве ни один король участия не принимал.

50. В письме тулузцев к королю Арагонскому (*Layettes du Trésor des chartes*. Vol. I. P. 370) упоминается о том, что крестоносцы перебили мужчин, женщин и детей, работавших в полях.

51. Младший, незаконнорожденный сын Раймона VI Тулузского (1198—1249); фигури-

рует в его завещаниях от 11 сентября 1209 г. и от 30 мая 1218 г.; по первому из завещаний ему передаются замки Кайлюс и Брюникель: «Raymundus...dux Narbone, comes Tolosæ, marchio Provinciæ» завещает «Castluscium et Bruniqueldum» «Bertrando filio meo» (*Histoire Générale de Languedoc* (2nd Edn.). Vol. V. Col. 571). Известно, что он находился рядом с братом, будущим Раймоном VII, 27 августа 1216 г. в Бокере, вероятно, защищая город от С. де Монфора.

Будь граф он иль король⁴⁹, сражался, храбр и рьян, —
Сказ не сочтите за бахвальство и обман.

Погибло тридцать три из тамошних крестьян

¹⁰ У края пастбища, где крепкий барбакан⁵⁰;

Там был пленен Тулузы графа сын, Бертран⁵¹:

И выкуп в тысячу су был с него взыскан,

И конь, и меч его ушли во франкский стан, —

Все, что с собой он вез.

1. Войско встало лагерем под стенами Тулузы 17 июня 1211 г. Для того чтобы осадить город со всех сторон, крестоносцев оказалось слишком мало; осаждали Тулузу только с одной стороны (П. де Во де Серне, §239); по всей видимости, с юго-востока, раз речь идет о наиболее хорошо укрепленном участке – между Нарбоннскими воротами (к которым примыкал Нарбоннский замок, резиденция графов Тулузских) и воротами Вильнев. В письме консулов к Педро Арагонскому от июля 1211 г. говорится, что атаке подверглись

только двое ворот, по всей видимости, ворота Монгайяр и ворота Монтюлье либо (ср.: *De Malafosse J. Études et notes*. P. 103) ворота Сент-Этьен и Вильнев. Крестоносцы встали лагерем именно здесь отчасти потому, что с этой стороны было наиболее удобно поддерживать связь с Каркассоном, откуда, по всей видимости, подвозили продовольствие и прочие припасы.

2. См. комментарий к лэссе 74.

VIII

Первая осада Тулузы и выступление против графа де Фуа

[79]

Сеньоры, рать сия — войны апофеоз —
Всех мощью превзошла, свидетель мне Христос!
Вот реку перешли и войско, и обоз;
Рать ринулась на штурм, не устрасась угроз,
5 Туда, где стены град мощней всего вознес¹.
Град полон был людей — но с трусов что за спрос!
Тулуза — Юга цвет и лучшая из роз,
Но жителей ее нельзя сравнить всерьез
С крестовой ратью, что сражалась на износ,
10 Скажу вам убежденно!

[80]

В атаку граф де Бар и храбрый граф Шалона²
Пошли на град, и с ними прочие бароны.
Ко рву щиты из кожи крепкой и дубленой
Тащили франки, невзирая на препоны,
5 И делали из них от вражьих стрел заслоны,
Бросая спешно в ров фашинник принесенный.
Обеспокоился тут город осажденный:
Наружу хлынули отряды гарнизона;

3. Бернар IV пришел на помощь к защитникам города и к графу Тулузскому, своему родственнику (см. комментарий к лэссе 61). Согласно П. де Во де Серне, в городе находился также граф де Фуа.

4. По всей вероятности, имеется в виду кузен графа де Комменж, о смерти которого (не называя его по имени) также упоминает Пьер де Во де Серне в рассказе о битве (§240). Его имя восходит не к Кастельбону, городу в Урхельском диоцезе (как утверждает в своем издании П. Мейер, т. II, с. 99), но к названию замка Кастельбон в Кузране, расположенного в муниципальном округе Бетшат (Арьеж). С этим рыцарем может быть идентифицирован некий «эн Рамон Ат де Кастельбон», свидетель пожалования сборника кутюмов Сен-Годанса Бернаром IV в 1203 г. (опубликован С. Мондоном в *Revue de Comminges*. Vol. XXI. 1910. P. 60, с опечаткой – *Castelhon*).

5. Т.е. тулузцы; именно так переводит слово оригинала Э. Мартен-Шабо, следуя предположению А. Тома (*Annales du midi*. Vol. V. 1893. P. 499): *Afozenc*, исправленное на *Anfozenc*, подразумевает «альфонсины» (*Alphonsins*), т.е. подданные графа Альфонса, предшественника (1103–1148) и деда Раймона VI. По той же модели образовано *Raimondin* (на лангедокском диалекте – *Moundi*, сокращение от *Raimoundi*), употребляемое в Тулузе как синоним слова «тулузец».

6. В вышеупомянутом письме тулузцев говорится о разрушениях, причиненных крестовоносной армией в окрестностях города: крестоносцы разрушали дома и замки, вырубали деревья и виноградники, истребляли посевы.

7. Наваррец на службе у Раймона VI; женился на одной из незаконнорожденных дочерей графа (П. де Во де Серне, §319) – по всей видимости, на Гильеметте, которой граф Тулузский по завещанию от 22 сентября 1209 г. отказал Монтлор (*Montlaur*) и Сен-Жори (*Saint-Jory*), поскольку Раймон д'Альфара, сын Юка, числился их сеньором (*Contrasty J. Histoire de Saint-Jory. Toulouse, 1922. P. 29*). В середине XIII в. в честь семейства Альфара называлась одна из главных улиц старой Тулузы; название сохранилось в искаженном виде (*Rue Raymond-d'Alfaro* преобразилась в *Rue Del-Farao*, сейчас – *Rue Pharaon*). В лэссе 114 Гильем Тудельский ошибочно называет этого персонажа арагонцем; на самом деле он родом из Альфара, что близ Туделы (провинция Логроньо, Испания), наваррского города, который перешел под власть Кастилии в 1180 г. Впоследствии Юку д'Альфара была поручена оборона крепости Пенн д'Ажене (см. лэссе 115); его сын Раймон был вигузром графа Тулузского. О брате Юка д'Альфара, поименованном здесь же, ничего не известно. В одном из прозаических пересказов «Песни» (*Histoire de Languedoc*. Vol. VIII. Col. 71) имя приводится в форме «*Arsis*».

- Пять сотен ранено в бою ожесточенном,
10 Погибло сто — вот сколько с двух сторон урона.
А граф Комменж³ и люди графа сокрушенно
Скорбят о рыцаре, в побоище сраженном,
Раймоне-Ате, что из града Кастельбона⁴.
Вот так отчаянно шел бой за бастионы;
15 И отступили крестоносцы удрученно;
Но три щита смогла отбить, скажу резонно,
Рать альфонсинов⁵, что держала оборону.
Отправились ко сну как пеший, так и конный,
Тулузцы ж по домам вернулись утомленно.
20 А франки на всю ночь расставили кордоны.
Посевы изведя и много лоз зеленых,
Они плоды земли, дерев стволы и кроны
Сложили в кучу близ лощины протяженной⁶.
Заполнить этим рвы вокруг града у Гаронны
25 Они с утра намеревались непреклонно
И подойти к стене.

[81]

- Бароны Франции, что опычны вполне,
Страшились вылазок из города вовне:
Всяк знатный рыцарь при оружье, на коне,
Свое добро стерег при солнце и луне:
5 Таков всеобщий их обычай на войне.
Эн Юк д'Альфаро⁷, сенешаль из Ажене,
В Тулузе был, — приспев туда помочь родне,
И брат его, Пейре Арсез, с ним наравне,
И рыцари, чья мощь известна всей стране.
10 Всяк дома к бою снарядился в тишине.
Тулузский граф чуть в гнев не впал по их вине:
Ведь вылазка была рискованна вдвойне,

8. Тулузцы (как говорится в вышеупомянутом письме), чтобы облегчить возможность боевых вылазок, открыли в укреплениях четыре новых выхода и не закрывали старых ни днем ни ночью, хотя бдительно их охраняли.

9. Между девятью и десятью часами; а возможно, что и чуть позже, поскольку в тот момент крестоносцы, покончив с утренней трапезой, отдыхали (П. де Во де Серне, §241). Поэт, по всей видимости, ошибся в датировке; речь, скорее всего, идет о той же самой битве, о которой в вышеупомянутом письме тулузских консулов сообщается, что произошла она в понедельник накануне Дня святого Петра, т.е. 27 июня. Вылазку осуществил небольшой отряд рыцарей и пехотинцев, без ведома остальных. Они добрались до французских шатров, перебили многих рыцарей и солдат, освободили тулузских пленников и захватили богатую добычу (серебро, доспехи, серебряную посуду и дорогие ткани).

10. Вне всякого сомнения, тот же самый персонаж, которого П. де Во де Серне (§241) именует «Eustachius de Queu, vir nobilis». В своем издании хроники П. де Во де Серне П. Гебен и

Э. Лион (I, р. 242 п. 1) идентифицируют данного персонажа с Эсташем де Кайе (*Eustache de Cayeux*) из Нормандии, провинция Понтье (Кайе-сюр-Мер, Сомм, кантон де Сен-Валери), упомянутым в некоем документе от 1209 г., – сыном Гильема де Ко, принимавшим участие в походе 1210 г., а не с Эсташем де Ко (*Eustache de Quoieux*), что в Па-де-Кале, кантон д'Окси-ле-Шато, упомянутым в 1164 г. Но это не более чем гипотеза.

11. На осаде Тулузы немцы присутствовали во множестве: они прибыли с графом де Бар (П. де Во де Серне, §239).

12. Боевой клич графа Тибо Барского (о нем см. комментарий к лэссе 77).

13. Вместе с Симоном де Нофль (*Simon de Neauphle*) он сопровождал обоз с продовольствием и погиб уже при въезде в лагерь (П. де Во де Серне, §241).

14. Имеется в виду геральдический термин *vair* – «беличий мех» (изображается в виде колоколообразных фигур чередующихся цветов: белого и голубого).

Он мог лишиться всех земель в такой резне.
Прорыв им запретили.

[82]

- Тулузы ж сиры о покорности забыли,
Приказ его презрев, ворота отворили⁸
И с двух сторон коней на франков устремили.
Наутро в среду, как мне люди говорили,
5 В час третий⁹ вылазку тулузцы учинили,
Напав на франков, чуть обед те завершили;
Но граф Монфор не снял доспех; и в латах были
Почти все франки; их врасплох не захватили.
Они помчали в бой, поднявши тучу пыли.
10 Кто зрел, как в схватке той удары наносили,
Как шлемы с треском шестоперами дробили,
Как крепкие щиты ударами крушили,
Сказал бы: Судный день, Господь нисходит в силе!
Погиб Эсташ де Ко¹⁰, его враги убили,
15 И всяк француз скорбел, что тот почил в могиле.
Он пробивался в тыл, когда его сразили, —
К своим попасть не смог.

[83]

- То был свирепый бой, благослови нас Бог!
Напор тулузцев и наваррцев был жесток,
И немцев¹¹ клич звенел пронзительно, как рог, —
Кричали: «Бар, Бар, Бар!»¹² — и мечник, и стрелок.
5 Эсташ де Ко, когда скакал через мосток¹³,
От вражьего копья себя не уберег —
Ударом в пестрый¹⁴ герб был спешен и полег.
Священник вовремя прибыть к нему не смог,
Чтоб таинства свершить — спасения залог;
10 Но день назад он отпущенье принял в срок, —

15. Согласно вышепротитированному письму, крестоносцы сняли осаду 29 июня, еще до зари, бросив в лагере больных, раненых и оружие.

16. Т.е. 24 денье (для сравнения: в Каркассоне буханка хлеба стоила 1 денье), что стоимостью соответствует 25–26 граммам серебра; либо, в пересчете на тулузские денье, около 4 золотых франков, или 1,80 франка в пересчете на турецкие денье. Тогдашняя денежная система, введенная еще при Карле Великом, представляла собой следующее: 1 ливр = 20 су, 1 су = 12 денье.

17. П. де Во де Серне также сообщает о нехватке продовольствия и запредельных ценах на съестное (§242).

18. Через реку Арьеж.

19. См. комментарий к лэссе 73. П. де Во де Серне (§246) рассказывает о том, как граф де Бар по возвращении из похода против графа де Фуа решил покинуть войско, к вящему негодованию всех собратьев по оружию; согласно хронисту, граф Тибо вел себя не лучшим образом еще во время осады Тулузы. В качестве гипотезы Э. Мартен-Шабо предполагает, что тот, возможно, был не прочь начать переговоры с защитниками города, в точности как загадочный граф д'Алос в изложении Гильема Тудельского. В двух

прозаических пересказах «Песни» имя последнего в данном фрагменте заменено на имя графа де Шалон: по свидетельству Гильема Тудельского, он участвует в осаде Монферрана и Тулузы, а П. де Во де Серне о нем не упоминает ни словом.

20. В оригинале – *prezicador* (проповедники); здесь это слово может означать как монахов ордена Сито, посланцев аббата, так и святого Доминика (который фигурирует в качестве свидетеля в одном из документов, заверенных при осаде Тулузы, от 20 июня 1211 г.) и его первых спутников, предвестников ордена братьев-проповедников (доминиканского ордена), основанного в 1215–1216 гг.

21. Ле Кассе (*Les Cassés*) находится примерно в 40 км к юго-востоку от Тулузы, неподалеку от древней римской дороги от Тулузы до Каркассона. Замок, что возвышался над городом, был возведен на холме высотой 272 м. В этом месте повествования Гильем Тудельский возвращается назад: Ле Кассе был взят С. де Монфором в мае, еще до Монферрана (см. хронику П. де Во де Серне, §233; Гильем Пюлоранский, гл. XVII).

22. В оригинале – «вплоть до 94». Согласно вышеназванным хронистам, в Ле Кассе сожгли около шестидесяти еретиков-«совершенных».

- Я верю, что Христос к нему не будет строг.
К собрату франки поспешили со всех ног:
Едва завидев их стремительный поток,
Наемники тотчас пустились наутек,
15 Почуяв — им такой не выдержать наскок.
Такой трофеей любой легко бы уволок:
Добить упавшего — вот вам и весь итог.
То знатный был сеньор, чей род весьма высок.
Вассалы тело увезли, — был путь далек, —
20 Чтоб с почестями он в родную землю лег.
С зарею, поутру, чуть заалел восток,
Враг, что пятнадцать дней сады и лозы жег,
Стал разбирать шатры, к повозкам скарб повлек, —
Видать, решили, что уйти приходит срок¹⁵.
25 Был дорог провиант — не запасешься впрок:
Хлеб стоил по два су¹⁶ за маленький кусок;
В войсках от голода бы каждый изнемог,
Но им запас бобов и дар садов помог¹⁷.
Лен графа де Фуа к себе их ныне влек —
30 В путь через мост¹⁸ в Отрив — кратчайшей из дорог.
В тех землях воевать все лето дал зарок
И ратник, и сеньор.

[84]

- Едва рассветный луч позолотил простор,
Большое войско на Фуа повел Монфор.
Отбыл алосский граф¹⁹, порастеряв задор;
С Тулузой он бы рад уладить миром спор,
5 Когда б у франков всякий рыцарь и сеньор,
Епископ и монах²⁰, и клира дружный хор
Не рек еретикам суровый приговор.
Нашли приют в Кассе²¹, где крепок врат запор,
Под сто²² безумцев злобных, сеявших раздор.

23. Сеньория Ле-Кассе, согласно П. де Во де Серне, принадлежала графам Тулузским; на тот момент она находилась в непосредственном владении у трех влиятельных местных семейств, известных своими катарскими приверженностями: это семейства Роквиль (владевшее обширными землями в Лораге; их замок стоял в 20 км от Ле-Кассе, к югу от Монжискара; двое братьев Роквиль, Раймон и Бернар, удерживали Ле-Кассе на тот момент), Клеранс и Ле-Кассе (так, Арнаут де Кассе был катарским диаконом и впоследствии был сожжен по взятии Монсегюра). Они сдались и тем самым сохранили себе жизнь (см. П. де Во де Серне); двое из них, Раймон и Бернар де Роквиль, фигурируют в материалах инквизиторского процесса по расследованию ереси 1246–1247 гг. (*Belhomme J. B. Documents inédits sur l'hérésie des Albigeois // Mémoires de la Société archéologique du midi. Vol. VI. Paris-Toulouse, 1852. P. 115; Douais C. Documents. Vol. II. P., 1900. P. 37*).

24. Т.е. Раймону VI, графу Тулузскому. Присутствие стольких *добрых людей* в столь небольшом поселении послужило свидетельством того, что граф покровительствовал ереси (см. П. де Во де Серне, §233; Постановления Лаворского собора 1213 г.). Тот факт, что в Ле-Кассе до начала крестового похода открыто проживало большое количество *добрых людей*, засвидетельствовано инквизицией в 1245 г. (ms. 609, ff.222 r – 227 r).

25. Архидиаконат Вьельмор (*Vielmorès*, в оригинале – *Vielh Mores*), некогда – одна из составляющих тулузского диоцеза (до

1318 г.), находился в его северо-восточной части, пограничной с диоцезами Каора и Альби. Своим названием обязан городу Вьельмур (*Vielmur*) на реке Агут. Данный архидиаконат упоминается в одной из булл Александра III (*Velimorensis; Vaissète, II, pr. 587*). Идентифицировать Изарна, на которого автор ссылается как на источник сведений о еретиках Кассе, возможным не представляется. Имя Изарн было достаточно распространено в семьях – совладельцах Фанжо.

26. Подробности военной кампании в графстве Фуа приводятся у П. де Во де Серне (§245).

27. Чтобы вступить во владение графством Каор; еще на осаде Тулузы, 20 июня 1211 г., каорский епископ, до того – вассал графа Тулузского Раймона VI, присягнул Монфору на верность от имени знатных сеньоров графства (*Histoire de Languedoc. Vol. VIII. Col. 611*).

28. В изложении П. де Во де Серне (§246) роли меняются: именно бароны Керси посылают епископа Каорского просить С. де Монфора приехать и принять у них вассальную клятву; о вмешательстве аббата Сито не упоминается вообще.

29. Согласно П. де Во де Серне (§249–250), С. де Монфор прошел берегом Тарна до Памье, прежде чем вернуться в Каркассе через Кастельнодари. Лорак находится в 10 км к югу от Кастельнодари.

- 10 Род де Роквилей им объятья распростер²³,
Укрыв, сеньору своему наперекор²⁴.
Так рек мне эн Изарн, владетельный приор,
Под чьей опекой — область города Вьельмор²⁵.
Пробыв до осени в краю Фуа²⁶, средь гор,
15 Рать крестоносцев, что чинила там разор,
Посевы и хлеба сжигая словно сор,
Надумала отбыть — и протрубила сбор.
Монфор в Рокамадур помчал во весь опор.
Аббат Сито в те дни не покидал Каор,
20 Страшась оставить монастырь с недавних пор;
Когда б не граф, до Пасхи вряд ли бы приор
Покинул эти стены.

[85]

- Французы прочь ушли из тамошнего лена;
Как я сказал, Монфор собрался в путь мгновенно²⁷:
В Рокамадур помчал, в далекие домены.
В Каоре будучи, в обители священной,
5 Аббат увещевал баронов вдохновенно,
Чтоб всяк Монфору поручил свои домены
И клятву верности принес ему смиренно²⁸.
Пусть на пергамент все запишут откровенно,
А он в Прованс свезет их письма непременно.
10 Покинули Монфор и он аббатства стены,
В сопровожденье также графа Бодуэна,
И встали на ночлег в стенах Сент-Антонена,
Затем пошли в Гайяк.

[86]

В Сент-Антонен Монфор направил к ночи шаг;
Оттуда он идет в Лавор, потом в Гайяк,
А после в Каркассон, минуя град Лорак²⁹.

30. Замок в Монтань-Нуар – горах, отделяющих Альбижуа от Каркассе; главная крепость весьма влиятельной сеньории. См. комментарий к лэссе 41.
31. См. комментарий к лэссе 61.
32. В Рокамадуре последние отряды немецких крестоносцев, отбывших сорокадневный карантен, покинули армию и отправились на родину; а С. де Монфор «возвратился в Каор с очень небольшими силами» (П. де Во де Серне, §247).
33. Главный город графства; в июне 1203 г. получил хартию кутюмов от Бернара IV (см. комментарии к лэссам 61 и 80).
34. Юк д'Альфарио; см. комментарий к лэссе 81.
35. Саварик де Молеон (см. комментарий к лэссе 61), на тот момент – сенешаль Пуату от имени английского короля Иоанна Безземельного; согласно анонимной хронике XIII в. (*Michel F. Éd. Histoire des ducs de Normandie et rois d'Angleterre. P., 1840. P. 121–122*), был послан на помощь Раймону VI Иоанном, его родичем.

Аббат Сито спешит в Альби, потом в Сайссак³⁰.

- 5 Тулузский граф для них сейчас — опасный враг:
Тулузу поднял он, Ажен и Муассак,
По всем доменам рать под свой собирая стяг.
Он тьму поклонов шлет, признательности знак,
Эн Саварику³¹, что, оставив Бержерак,
Примкнет к нему вот - вот.

[87]

- Вот про Монфора граф Тулузский узнает,
Что сильно поредел французских войск оплот³²;
По всей своей земле он приглашенья шлет
К союзникам, чтоб те собирались в свой черед:
- 5 Пусть будет всяк готов и всяк к нему примкнет.
Комменжа граф, чей в Сен-Годансе³³ правит род,
Граф де Фуа, бароны с ним — кто их сочтет? —
И прочие сошлись дать франкам окорот.
Ажена сенешаль³⁴, покинув Пенн — и тот,
- 10 Как и рутьеры все, отправился в поход;
И Кабель - Саррасен, и Монтобан идет, —
Да не лишит Господь меня Своих щедрот!
В воскресный день, с утра, чуть заалел восход,
Весть пронеслась: эн Саварик³⁵ уже грядет.
- 15 И всякий ликовал, отринув груз забот,
Не ведая, каким окажется исход.
Хвала Марии и Всевышнему почет!
Какую рать Тулуза двинула вперед!
Видал ли кто таких блестящих воевод?
- 20 Подумаешь, со всей Ломбардии народ,
Павия, Рим — все собрались туда на сход,
А также и Милан.

1. Т.е. вассалы графства Фуа, граничащего с Серданьей; Пог-Сердан (окс. *Pog-Serdan*, исп. *Puigcerdá*) – главный город Сердании. Также к войскам графов Тулузского, Фуаского и Комменжского присоединил свои силы Гастон Беарнский (см. хронику П. де Во де Серне, §254).

2. Требушет (фр. *trébuchet*, от окс. *trebucca* «причиняющая досаду, неприятности») – средневековая осадная машина гравитационного действия. Во Франции появилась в XII в., вышла из употребления к XVI в.

IX

Наступление тулузцев

[88]

- Сеньоры! Не изречь, сколь был огромен стан
Тулузы графа и тулузских горожан:
Тулуза там, и Муассак, и Монтобан,
И Кагель-Саррасен, и Исла-эн-Джордан,
5 И Ажене, порывом общим обуян;
Люд из Комменжа и Фуа, горяч и рьян,
Эн Саварик де Молеон, что всеми ждан,
Люд из Гаскони и народ из Пог-Сердан¹ —
Сошлось там двести тысяч доблестных южан.
10 В телегах провиант ретивый вез вилан:
Там хлеб, и сыр, с вином и пивом жбан;
Волы тащили требушеты² и таран.
Все кляли графа Форт и бывших с ним смутьян:
Он - де предатель, сукин сын и интриган;
15 Уж в Каркассоне - то граф угодит в капкан,
С живого шкуру мы сдерем — и на сафьян.
Возьмут Фанжо и Монреаль: таков их план;
Потом до Монпелье погонят северян;
И будет весь Альбижуа с Лавором сдан
20 Им по пути назад.

3. См. комментарий к лэссе 36.

4. Имеется в виду Бушар де Марли; см. комментарий к лэссе 41.

5. Предводитель рутьеров, прославившийся грабежами, жестокостью и воинственным пылом. Служил английским королям Ричарду Львиное Сердце и его брату Иоанну; волей последнего был назначен сенешалем Гаскони и Перигора (1203–1206). Благодаря браку с дочерью Анри де Гонта утвердился в Перигоре и стал сеньором Бирона и Бигарока. Трижды предатель; на момент действия лэссе состоял на службе у С. де Монфора, но вскоре дезертировал и перешел на сторону Раймона VI; захвачен Монфором при осаде Бирона и казнен. Обряд лишения чести и смертная казнь над пленным изменником подробно описаны в книге Н. Осокина (кн. I, гл. 4, стр. 310–312). По происхождению испанец (см. П. де Во де Серне, §265); возможно, идентифицируется с главарем шайки Мартинетом Лихим (*Martinet le Hardi*) и Мартином д'Олит (*Martin d'Olite*, по названию города в Наварре), упомянутыми в лэссах 108 и 109. Воинственная семья Альге упоминается, в частности, в сирvente Бертрана де Борна «Al pou doutz termini blanc» (*Thomas A.*, éd. *Bertran de Born, Poésies*. Toulouse, 1888. P. 72; в русском переводе А. Г. Наймана – «В нежный и новый сезон...»), а также в сирvente Пейре Карденаля «Razos es qu'ieu mèsbaudéi» («У меня есть причины радоваться»; *Lavaud R.*, éd. *Poésies complètes du troubadour Peire Cardenal* (1180–1278). Toulouse, 1957. P. 715), где семейство Альге приводится как пример злостных предателей.

6. Имеется в виду Аймерик, виконт Нарбоннский.

7. «Все» – некоторая неточность со стороны автора. Упомянутый последним Аймерик

Нарбоннский отказался встать под знамена Монфора, о чем негодуящее свидетельствует П. де Во де Серне (§264): «...он – чего и следовало ожидать от этого недостойнейшего из дворян – на это упрямо не соглашался. Тогда наши рыцари покинули Нарбонну: из города столь многолюдного увели они едва ли три сотни людей».

8. В оригинале в данной строфе «подвеска» не рифмуется с последующей строфой, равно как и с предыдущей.

9. Касательно того, где именно Симон де Монфор созвал совет, Гиљем Тудельский и П. де Во де Серне расходятся: согласно первому, совет происходил в Каркассоне, непосредственно перед отъездом Монфора из города; согласно второму – в Кастельнодари, сразу по прибытии туда (§254). Тем не менее речь идет об одном и том же совете. Подробнее о нем см. лэссе 91. Оба автора сходятся на том, что предложение атаковать Раймона VI, укрывшись под защитой стен Фанжо или Каркассона, было отвергнуто и крестоносцы решили держать оборону в Кастельнодари.

10. Сеньором Лиму (после завоеваний крестоносцев) был Ламберт де Креси; см. комментарий к лэссе 36. П. Мейер (т. II, с. 111) предполагает, будто здесь речь идет о нем самом, а не о подначальном ему бальи (окс. байль), что маловероятно.

11. В 3 км от Монферрана и в 15 км от Кастельнодари.

12. Крестоносный гарнизон Монферрана укрылся в Кастельнодари (см. хронику П. де Во де Серне, §252).

[89]

- Господь, тулузцев рать умножилась стократ,
Пока французы шли от каркассонских врат.
Рутьеров Аспа и Наварры шел отряд;
Сверх тысячи верхом, и три, и пятьдесят —
5 Гасконь, Керси и Ажене за рядом ряд.
Знамена развернув, все к Лораге спешат;
Не чая повстречать вплоть до Безье преград.
Граф де Монфор, нужду имея до солдат,
Призвал всех, до кого призывы долетят.
10 К виконту Донжскому³ его посланцы мчат,
В Лавор к Бушару⁴, что на зов явиться рад,
К Альге Мартину⁵; также к Аймерiku⁶, в град
Нарбонну, всем веля облечься сталью лат.
Явились все⁷ — они дерзнули бы навряд
Презреть такой приказ⁸.

[90]

- Граф де Монфор, баронов северных глава,
Созвал их в Каркассон⁹, — и Песня в том права, —
Сошлось три сотни, всяк исполнен удалства,
Все при оружии и все храбрее льва.
5 «Сеньоры! — он сказал. — Вот к вам мои слова!
Тулузский граф призвал к себе, гласит молва,
Всех, кто с ним связан долгом чести и родства.
Их тысяч двести, словно во поле трава, —
Байль из Лиму¹⁰ прислал гонца. Весть такова:
10 Сойдясъ в Авиньонет¹¹ и Монферран¹² сперва,
Они задумали меня — прыть какова! —
Повсюду осадить, где я вступил в права.
Хочу я получить совет от большинства —
Мне предпринять чего ж?»

13. См. комментарий к лэссе 36. Суть совета де Ласи в том, что лучше сражаться на границах, нежели держать осаду в самом сердце завоеванной ими территории.
14. Т.е. рать графа Тулузского и его союзников.

[91]

- Когда договорил Монфор в кругу вельмож,
Юк де Ласи¹³ изрек, едва умолк галдеж:
«Сир, коли ты совета просишь, ну так что ж —
Пусть скажут старшие и скажет молодежь.
- 5 По мне, так тут один лишь способ действий гожд:
Коль, Каркассон заняв, ворота ты запрешь,
Тулузцам твой оплот взять будет невтерпещ;
А коль пойдешь в Фанжо — и там ты их найдешь:
Везде — шпионы: враг настигнет, где не ждешь,
- 10 И чести вы не обретете ни на грош.
Так вот тебе совет: врага ты обнадежь —
Встав в замке, что на неприступный непохож,
Жди подкрепления и силы приумножь,
А как ударит враг — его ты уничтожь».
- 15 «Спасителем клянусь, — рек граф, — совет хорош!
Тебя, друг, голыми руками не возьмешь!
Всегда разумнейшие речи ты ведешь!»
С ним согласились все, кто был в собрание вхож,
И закричали громко все одно и то ж:
- 20 «Сир, благ его совет, и лучше не найдешь!»
На том все разошлись, в дома и в лагерь тож,
Чтоб до утра вкушать покой походных лож
Их скромного привала.

[92]

- Назавтра, чуть заря на небе заблистала,
Поднялся граф Монфор, и войско тоже встало.
Все к Кастиельнодари спешат, подняв забрала:
Там будут поджидать Монфоровы вассалы,
- 5 Покуда в полулье рать¹⁴ лагерем не встала.
Во вторник утром, чуть трапеза миновала,

15. Это описание близко соответствует фрагменту хроники П. де Во де Серне (§256–257), где рассказывается о прибытии армии Раймона VI под Кастельнодари. Согласно этой хронике, хорошо укрепленный лагерь Раймона VI располагался на возвышенности: по всей видимости, на холме Ле Пеш к северу от города.

16. О его гибели рассказывается в лэссе 97.

17. У Гильема Тудельского дословно – «*tot dreit al Castel-nou*», «прямоком в Кастельнодари», что не вполне соответствует действительности: они не рискнули идти напрямую от Лавора к Кастельнодари (на этом пути располагались такие места, как Сан-Фелис,

Пюилоран и т.д., отступившиеся от Монфора) и двинулись в два раза более долгим круглым путем, к востоку, через Сайссак (П. де Во де Серне, §268).

18. Т.е. от Сайссака они проследовали широким трактом, проложенным от Каркассона до Кастельнодари.

19. Сопровождением этого обоза командовали Ги де Леви, маршал Симона де Монфора, и Матье де Марли, брат Бушара. К отряду Бушара они и присоединились. П. де Во де Серне, §264.

20. Подразумевается: из тулузского лагеря.

- Под Кастьельнодари южан пришло немало¹⁵:
Кто б слышал, что за шум их войско поднимало,
Как чужаков орда оружием бряцала,
10 Сказал бы, что сошлись здесь небеса и скалы.
Навершие шатров под солнцем засияло:
Шар золотой с орлом, отлитым из металла.
Установили требушет враги сначала,
Да вот беда: вокруг снарядов было мало:
15 Камням прочности, увы, неоставало.
Всего лишь три смогли найти для арсенала:
Удар — и башня на углу не устояла,
Второй же на глазах у всех обрушил залу,
А третий вдребезги в полете разметало,
20 Не то бы скорбного не избежать финала
Всем, кто там был в ту пору.

[93]

- Как я уже сказал, все воинство Монфора
Стояло в Кастьельнодари об эту пору.
Бушар с отрядом был тогда в стенах Лавора,
А также храбрый сын лаворского сеньора¹⁶, —
5 Всего сто рыцарей, в бою храбры и споры.
Десятка два собрал Мартин Альге, который
Их прямо в Кастьельнодари вел¹⁷ к месту сбора,
Где ждал граф Форт и с ним епископ из Каора.
Все вышли из Кастре, на вольные просторы,
10 И двинулись на Каркассон¹⁸, откуда скоро
Приспел обоз, везя вино и хлеба горы,
Ведь осажденным снедь — поддержка и опора¹⁹.
Но вышел граф Фуа²⁰ и вниз по косогору
Повел все воинство, исполнено задора,
15 В сопровожденье всех рутьеров, без разбора:
Все как один пошли — охотно и без спору,

21. По-видимому, Гильем Тудельский ошибся: войско Саварика де Молеона состояло из пуатевинцев, сентонжцев, возможно, гасконцев и баскских и брабантских рутьеров (см. комментарии к лэссам 61 и 87).

22. Несколькими строчками ниже сам же автор называет другую цифру – две тысячи. П. де Во де Серне в соответствующем эпизоде (§270) еще больше увеличивает это число: «великое множество конных рыцарей и с ними – тысячи пеших, все – лучшие из лучших» – и утверждает, будто враг превосходил крестоносцев числом более чем тридцать к одному (§273).

23. Шапель – шлем с круглым верхом и плоскими длинными боками, имеющий форму колокола.

24. Здесь автор ссылается на эпизод из легенды о Карле Великом, пересказан-

ный в эпической поэме из «Королевской жести» «Майнет» (конец XII в.). В поэме повествуется о юности Карла: о его службе сарацинскому «королю» Галафру в Толедо под вымышленным именем Майнет и о любви к нему дочери Галафра Галиены. Один из претендентов на руку Галиены, король Браймант, возмущенный отказом, идет походом на Галафра, но Карл побеждает его и забирает себе его меч Дюрандаль. Гильем Тудельский перепутал двух персонажей, поменяв их местами: Галафра (отца Галиены) и Брайманта (претендента на ее руку). Поэма (точнее, сохранившийся ее фрагмент в 946 строк) издавалась один раз: *Paris G. Mainet, fragments d'une chanson de geste du XIIe siècle. // Romania. Vol. IV. 1845. P. 305–337. См. тж.: Paris G. Histoire poétique de Charlemagne. P., 1865. P. 230; Bédier J. Les légendes épiques. Vol. III. P., 1908–1913. P. 170 ff.*

- Все смело в бой рвались — чтоб биться до упора.
Ни паж, ни рыцарь не желал себе позора.
Лишь Саварик и с ним — нормандские сеньоры²¹
- 20 С тулузским графом оставались в эту пору.
Бушар привел отряд; но южные дозоры
Его заметили и протрубили сборы;
Рать графа де Фуа готовилась к отпору —
Бойцов четырехста, слышал я разговоры²².
- 25 Бушар людей поменьше вел, но недобора
Не знали те по части ратного убора.
И двадцать сотен — против них: являлись взору
Гоньон, кольчуга, добрый шлем, — герою впору, —
Шапель²³, и пика заостренная, и шпоры,
- 30 И крепкое копье — для сечи и разора.
Меж тем внемлите же: бой завязался скоро;
Не видел ни Роланд подобного напора,
Ни Карл, повергший Аголанта в ходе спора
За Галиену, дочь Брайманта, кончив ссору
В ущерб Галафру, мавританскому сеньору —
Эмиру из Испании²⁴.

[94]

- Лихие франки из Парижа и Шампани²⁵
Шли строем к Кагельнодари на поле брани.
Но храбрый граф Фуа и все его южане
С рутьерами их ждут, и франки — как в капкане.
- 5 Граф видит толку в них не больше, чем в каштане,
И говорит войскам: «Не отдохнем мы ране,
Чем жару зададим всей этой пришлой дряни:
Пусть ужасаются тому во вражьем стане —
В Анжу, в Германии, во Франции, в Бретани,
- 10 В Провансе, в Пуату, до самых врат Испании,
Пусть недруг устрашится!»

25. Те, что пришли из Лавора (см. лэссу 93).

26. Подобное гадание по полету птиц часто встречается в средневековой литературе (полет хищной птицы зачастую истолковывали как некое определенное предзнаменование), хотя в реальности оно, конечно, не имело такого значения, как в римской Античности.

27. Со всей определенностью имеется в виду место, что в XIII в. (как и сегодня) называлось Сен-Мартен-Лаланд (*Saint-Martin-Lalande*), расположенное в 6 км к востоку от Кастельнодари. Название, употребленное Гильемом Тудельским, соотносится с ближайшей к нему деревушкой Лаборд

(*Lasbordes*) примерно в 2 км восточнее. У П. де Во де Серне – просто Сен-Мартен (§265, 268). Последующий бой – одно из немногих сражений на открытой местности за всю историю войны – вошел в историю как битва при Сен-Мартене, или битва при Кастельнодари.

28. Бужон (*bouzon*, *bozon*, старофр. *boiçon*) – арбалетный болт с массивным плоским наконечником.

29. Граф Суассонский присоединился к Альбигойскому походу только в 1218 г. (см. лэссу 200 у Анонима); но, несомненно, в войске Бушара были его вассалы.

[95]

- В то время как Бушар и франков вереница
Шли к Кастельнодари, вспорхнула к небу птица —
Белым - бела, летела вправо соколица;
Следили все за ней, поднявши кверху лица²⁶.
- 5 Вскричал Мартин Альге: «Готов я побожиться,
Се — знак: победой нашей битва завершится!
Но тяжкий ждет урон и наше войско, мнится.
Погибнут многие». «Добро! — Бушар храбрится. —
Мне жаль того не больше латной рукавицы.
- 10 Коль победим — готов с потерями смириться:
Венчает славою нас Божия десница;
Спасенье обречем, коль насмерть будем биться;
Утратим многих — но и вражий стан лишится
Бойцов в числе большом».

[96]

- Отважный граф Фуа отряд ведет верхом
На Сен - Мартен - Лаборд²⁷: так место назовем.
Южане, копыа укрепивши над седлом,
Кричат: «Тулуза!», мчат чрез поле напрямиком;
- 5 От стрел с бужонами²⁸ темнеет белым днем.
Столь громкий крик стоит вокруг, и шум, и гром,
Как будто небо опрокинулось вверх дном.
Вот копыа в ход пошли; враг рвется напролом;
«Комменж!» — клич тех, кому Гасконь —
родимый дом;
- 10 «Фуа!», «Монфор!» и «Суассон!»²⁹ — кричат кругом.
Гираут де Пепье, рожденный в месте том,
При графе де Фуа отважным был бойцом:
В атаку поскакал он на коне лихом.
- 15 Бретонца встретил на тропе он за леском

30. Пурпуан – в эпоху Средневековья холщовая поддоспешная куртка (*perpunt*, фр. *pourpoint*).

31. Сендаль (*ceudal*) – шелковая ткань, из которой обычно шили знамена и стяги; из этой же ткани зачастую были и кресты, нашиваемые крестоносцами на одежду.

32. Герб семейства Монфор; в гербе Бушара де Марли, по всей видимости, – орел: именно такая эмблема изображена на его печати.

33. Дорога от Сен-Мартен-Лаланда до Монреалья (в 15 км на юго-востоке), проходя через Брам, сворачивает в направлении Каркассона.

34. По всей видимости, имеется в виду Юк д'Альфаре, сенешаль Ажене при графе Тулузском.

- (Служил Бушару тот и числился при нем), —
Наплечник с ходу разрубил ему мечом,
Доспех и пурпуан³⁰, копье сломал притом
И смял седло; на стяг кровь хлынула ручьем.
Бретонец мертвым пал, поверженный врагом.
20 Взъярились франки все при зрелище таком —
Сравниться каждый мог с расвирипевшим львом,
И равных им не знали.

[97]

- Французы доблестно коней вперед погнали
По склону: рыцарей храбрей знал мир едва ли.
Мессир Бушар скакал под стягом из сендаля³¹
С изображеньем льва³²; коль слухи не солгали,
5 То за коня его сто с лишком ливров дали.
Там, на дороге, уводящей к Монреалю³³,
Французы встретили сверканьем грозной стали
Рутьеров — и урок им знатный преподали.
До сотни недругов прикончили в запале —
10 Те впредь ни Рождества, ни Пасхи не видали.
Лаворского сеньора сын среди тех, что пали,
Там был — сражен стрелой, застрявшею в забрале;
Пробив наглазник, острие проникло дале.
Он рухнул замертво под ноги сенешалю³⁴
15 В пылу атаки сей.

[98]

- Мессир Бушар коня торопит в бой скорей,
И с ним — французов строй; они стремят коней
Туда, где вражья рать им кажется плотней.
Они воинственно кричат: «Монфор! Эгей!»;
5 Тот к Богородице зовет всех зычней.
Напротив — граф Фуа со свитою своей.

35. Согласно П. де Во де Серне (§274), каорский епископ сурово отчитал беглеца за трусость и заставил его вернуться в битву. Напротив, Гильем Тудельский несколькими строчками ниже сообщает о бегстве самого каорского епископа в направлении Фанжо.

36. Имеются в виду рутьеры и всяческое отребье из войска графа де Фуа, которые, прекратив сражаться, бросились грабить трупы рыцарей, павших в битве, и обоз с провиантом, который сопровождал крестоносцев, пришедших из Лавора.

37. Этого персонажа, сообщившего Гильему Тудельскому подробности сражения (см.

также следующую лэссу), вероятно, можно отождествить с «магистром Николаем, врачом и священником» («magister Nicolaus, phisicus et sacerdos»), упомянутым в одной из хартий от 6 марта 1217 г. (Archives de la Haute-Garonne, H, fonds de Malte, Fajolles I, № 1).

38. П. де Во де Серне, в подробностях описавший эту битву (§268–274), сообщает, что боевой порядок южан был таков: в центре – рыцари на закованных в броню конях, а остальная кавалерия и вооруженные пехотинцы – по флангам.

- А сколько там щитов валялось меж камней,
И копий сломанных, и погнутых мечей!
Обломков груды возвышались средь полей!
- 10 И не сдержатъ уже храпящих лошадей!
Мартин Альге с людьми, — каких бы уж речей
Вы не слыхали впредь, — сбежал, вот ей-же-ей!³⁵
Так выигран был бой; а он потом, злодей,
Тщась обелить себя в глазах честных людей,
- 15 Всем говорил, что, мол, рутьеров гнал взашей.
Бежали до Фанжо от таких страстей
Прелат Каора и все те, кто без мечей.
Не удивляюсь я на бывших с ним мужей!
Весь их обоз теперь — в руках лихих парней³⁶:
- 20 Корыстью ослеплен, всяк плут и лиходея,
Спешил прибрать к рукам все то, что поценней —
И каждый прочь бежал и свой тащил трофей.
Мул мэтра Николя³⁷ — породистых кровей —
Рутьерами украден был, и с ним — лакей.
- 25 Но сам мэтр Николя избег напасти сей,
И в этом за него я рад душою всей,
Ведь для меня он кум и лучший из друзей, —
Как надобно вам знать.

[99]

- Коней французы тут решили придержать;
Забрала подняты — да устрашится тать!
Не дрогнет ни один и не отступит вспять.
Ударом за удар спешат врагу воздать³⁸.
- 5 Зеленый расстилался луг за пядью пядь —
Здесь гибли стар и млад, и ратники, и знать,
Как мэтр Николя успел мне рассказать.
При виде павших страх объял тулузцев рать —
Южане смятены.

39. Симон де Монфор был предупрежден о засаде, устроенной графом де Фуа на Бушара и его людей; более того, послал им подкрепление (П. де Во де Серне, §268).

40. Действительно, их тотчас же атаковал отряд под командованием Саварика де Молеона (П. де Во де Серне, §275).

41. Согласно рассказу П. де Во де Серне (§273, 274), узнавшего эти подробности от Ги де Леви, Симон де Монфор и его люди не успели вступить в битву; едва заведя подкрепление, что спешило к ним через равнину, воодушевленные рыцари Бушара де Марли и Ги де Леви атаковали и опрокинули ряды конницы и обрушились на пехоту.

[100]

- Ждал в Кастельнодари вестей про ход войны
Монфор — откуда бились Франции сыны.
К оружию призвав всех, кто ему верны,
Он рек³⁹: захвачен наш обоз, оттеснены
- 5 Бушара люди, наши недруги — сильны.
Знал граф: коль франки будут днесь побеждены,
Теряет замок он и земли той страны;
Вовек не сможет выйти он из-за стены.
Так будут заперты все и осаждены.
- 10 Засим спешит наружу он, и с ним, грозны,
Его бойцы — в броне и вооружены.
А те, кто пеш, пока в отлучке граф, должны
Оборонять ворота.

[101]

- Монфор, спеша с врагом свести былые счеты,
Под стягом скачет — в бой вступить ему охота.
Те, кто остались, крепко заперли ворота
И встанут насмерть — нет надежнее оплота⁴⁰.
- 5 Южан снедают беспокойство и забота:
Граф и его отряд их разобьют в два счета.
Вина рутьеров в том — в них чести ни на йоту.
«Монфор, Монфор! — кричат бароны-патриоты —
Господь нас защитит!»

[102]

- Граф де Монфор навстречь врагам по тракту мчит,
Меч добрый обнажив, в руке сжимая щит;
Конь рвется в битву; пыль летит из-под копыт.
За графом вслед отряд во весь опор спешит;
- 5 Кто путь им преградит — пленен или убит⁴¹.

42. Один из сеньоров-файдитов (см. ниже) из Каркассе; именно о его конфискованной собственности, по всей видимости, говорится в документе от 23 апреля 1212 г. («*escaduta nostra de Porrada*»: *Mahul M. Cartulaire de Carcassonne*. Vol. III. P., 1861. P. 234), посредством которого С. де Монфор передает ее в ленное владение, наряду с другими землями Каркассе, своему сенешалю Филиппу Голуану. П. Мейер, в алфавитном указателе имен, прилагающемся к его собственному изданию «Песни», ошибочно называет этого персонажа рыцарем «беарнским либо наваррским».

43. В двух прозаических пересказах «Песни» в данном фрагменте этот персонаж именуется Сикартом. Однако Изарн – довольно распространенное имя в знатном семействе Пюилоран; в актах от 1178 и 1183 гг. упоминаются Сикарт Пюилоран и брат его Изарн

(*Layettes du Trésor des chartes*. Vol. I. P. 118, 137). Возможно, именно они двое и фигурируют в «Песни» – Изарн в данной строчке, а Сикарт – в лэссе 197 (*La Chanson de la Croisade Albigeoise*. Tome III / Éd., trad. E. Martin-Chabot. P., 1973. P. 120).

44. Это слово из окситанского языка, сохраненное во французском переводе, дословно означает «изгнанник», «лишенный наследства» (в средневековой латыни *faiditus*, «изгнанник», от *faida*, «ненависть»). Во времена Альбигойского крестового похода так назывались рыцари, оруженосцы, буржуа и селяне, которые, не желая покориться завоевателям и не располагая достаточными силами, чтобы защитить свои владения, покидали свои земли и замки и вели жизнь изгнанников; те, кто владел оружием, присоединялись к южному сопротивлению.

В рядах рутьеров каждый нехристь и бандит,
Завидев недругов, от ужаса дрожит,
Не зная, как им защищаться надлежит.

Но стоек граф Фуа — его изрублен щит,

¹⁰ А меч — зазубрен и в крови врагов омыт.

Там — франков графский сын, Рожер-Бернар,
крушит,

Тут — рыцарь Порада⁴² их булавой разит,

И с ним Изарн де Пюилоран⁴³, чей грозен вид,

И столь же доблестно сражался всяк файдит⁴⁴ —

15 Ни недруга и ни себя он не щадит.

Когда б все дрались так — иным позор и стыд! —

То не был бы в тот день граф де Фуа разбит —

А был итог таков.

1. Выше упоминалось о присутствии на месте событий и о гибели одного из них (см. лэссы 93 и 97).

2. Т.е. узнав о разгроме войска под командованием графа де Фуа и видя, что гарнизон Кастельнодари отбивает все их атаки.

Х

Мятеж в Альбижуа и Керси

[103]

- Сеньоры, этот бой был долог и суров.
В обоих лагерях, скажу без лишних слов,
Погибло с честью много славных храбрецов.
Сеньор Лавора потерял там трех сынов¹ —
- 5 Пригожей сам король не сыщет молодцов.
Под Кастельнодари тулузский стан готов
Трубить отбой, дрожа пред натиском врагов².
Им Саварик кричит: «Мой вам совет таков:
Блюсти спокойствие, не складывать шатров,
- 10 Иначе всех нас перебьют в конце концов».
«Преславный Господи! На наш откликнись зов,
Нас от позора огради», — в рядах бойцов
Молился всякий рьяно.

[104]

- Южан достигла весть быстрее урагана
О том, что граф Фуа разгромлен был внезапно.
Всяк знал: то — следствие измены и обмана.
Ломая руки, все твердили беспрестанно:
- 5 «О Матерь Божия! Как это, право, странно!

3. П. де Во де Серне свидетельствует о превосходстве еще более значимом: один к тридцати (§273).
4. Приблизительно в 12 км к западу, в направлении Тулузы.
5. П. де Во де Серне утверждает, что благодаря надежным укреплениям лагерь тулузцев превратился в цитадель еще более неприступную, нежели город Кастельнодари как таковой («Они окружили себя рвами, заграждениями и частоколами, так что казались скорее осажденными, нежели осаждающими, и лагерь их был более надежно защищен и неприступен, нежели замок...» (§257).
6. Фигура речи, распространенная во французских шансон де жест: Павия, столица Ломбардии, славилась своим богатством.
7. Симон де Монфор согласился с мнением рыцарей, уставших в битве, и отложил возобновление боевых действий на завтра (П. де Во де Серне, §276).

- Мы ж вдесятеро превзошли бойцов их стана!»³
Тут де Рико Раймон, испуган несказанно,
У войска на глазах дал тягу к Монферрану⁴,
Но после, поостыв, вернулся покаянно,
10 Узнав, что граф Монфор, переменивши планы,
Атаковать не стал; однако беспрестанно
Рико сжимал свой меч и нес всю ночь охрану,
Глаз так и не сомкнув, и только утром рано
Рико закончил бденье.

[105]

- Сеньоры, знайте, — да хранит вас Провиденье! —
Как поступил Монфор, замыслив нападение.
Когда победою закончилось сражение,
Он и мессир Бушар воскликнули в волнение:
5 «Вперед, бароны! Вражья армия в смятение!»
И все немедля устремились в наступление
К шатрам тулузским, что стояли в отдаление.
Когда б не тамошние рвы и укрепления⁵,
Павии злато⁶ б не купило б им спасения.
10 Французы, встретивши препоны продвижению,
Сочли, что преданы, и стали в удручение
Друг другу говорить: «В подобном положении
Не грех и отступить; ведь не малы свершенья!»⁷
И крестоносный люд, не сняв вооруженья,
15 На поле под луной пошел для разграбленья.
Добычи унесли они — без исчисления.
Им нищеты не знать: залог обогащенья —
Сокровищ тех гора.

[106]

Монфор вернулся с грудой взятого добра
В град Кастьельнодари: судьба к нему добра.

8. Согласно Гильему Пюилоранскому (гл. XVIII), Раймон Тулузский снялся с лагеря ночью, но сперва сжег осадные машины. П. де Во де Серне (§279) тоже сообщает, что перед уходом тулузцы сожгли требующие.

9. При известии о взятии Лавора их сеньор, Сикарт Пюилоранский, покинул замок. Симон де Монфор послал одного из своих рыцарей, Ги де Люси, вступить во владение городом (П. де Во де Серне, §230), что расположен в 25 км к юго-востоку от Лавора.

10. Летом 1211 г., пока Симон де Монфор находился в Памье (см. комментарий к лэссе 86), жители Пюилорана призвали своего законного сеньора Сикарта обратно и с его помощью вынудили французский гарнизон капитулировать (П. де Во де Серне, §251). Сикарт Пюилоранский принадлежал к одной из знатнейших и влиятельнейших семей этого края, владевшей не только Пюилораном, но и многими другими землями; в частности, им принадлежали Кук-Тулза на

западе, Сен-Поль-Кап-де-Жу на севере и т.д. Эта семья была известна своими прокатарскими приверженностями; так, мать Сикарта Эрмесенда была *доброй женщиной*. В 1209 г. Сикарт вынужденно покорился Монфору, однако вскоре после того вновь примкнул к южному сопротивлению.

11. Бароны убедили Симона де Монфора прервать боевые действия и отправиться в Нарбонну, навстречу ожидаемому из Франции подкреплению (П. де Во де Серне, §279).

12. П. де Во де Серне приписывает эту уловку графу де Фуа (§278): в результате ее множество замков открыли ворота сторонникам графа Тулузского (как в Альбижуа, так и в Тулузене); Гильем Тудельский перечисляет самые важные из них. Ложные слухи оказались достаточно убедительны благодаря тому факту, что после победы при Сен-Мартене крестоносцы не захватили тулузский лагерь под Кастельнодари, но ушли в Нарбонну, что можно было расценить как отступление.

- Тулузцы же, едва противник со двора,
Решили, что самим им уходить пора:
5 Всю кладь в повозки погрузили, и с утра
Там не осталось ни единого шатра.
Не взяли требушет — пусть бьют его ветра! —
Тащить невмочь и за сто марок серебра⁸.
В Пюилоране ж ныне — смутная пора.
10 Там жители презрели все договора:
А мир был заключен, казалось, лишь вчера —
В Лаворе, с графом Форт — уступчивость мудра!
Пять сотен было их⁹ — и сколь была скоро
Их подлая измена!¹⁰

[107]

- Раймон Тулузский, сын Констансы несравненной,
Вернулся с войском невредим, избегнув плена;
Бароны Франции, скажу вам откровенно,
Вдогон не бросились, сраженьем утомленны¹¹.
5 Воспрявши духом, население Рабастена,
Вняв злым еретикам, которых ждет геенна,
От веры праведной все отреклись мгновенно:
Не чаяли они, что вновь придут в их лены
Французы — ведь они разбиты, несомненно.
10 Краев тех жители, надеждой окрыленны,
Все помышляли так.

[108]

- Тулузцы, как уже наверно понял всяк,
В печали и тоске вспять устремили шаг
И распустили слух¹², что, мол, разгромлен враг,
А граф Монфор бежал в ночи, трус и слабак.
5 Немедля Рабастен им сдался и Гайяк.
Граф Бодуэн — Иисус, даруй ему всех благ! —

13. Он же – Мартин д'Олит, поименованный в следующей лэссе. См. тж. комментарий к лэссе 89.

14. Замок на высотах вдоль Тарна; см. тж. комментарий к лэссе 75.

15. Французский рыцарь, командовавший гарнизоном крестоносцев в Лаграве; был убит неким плотником (П. де Во де Серне, §282); ниже Гильем Тудельский приводит имя балы – Понс де Бомон.

16. Доат (Деодат) Аламан (*Doat/Deodatus Alaman*) владел в Альбигуа двумя сеньориями – Вильнев-сюр-Вер (в XIII в. поименованную Лабастид де Монт-Аламан или де Доат Аламан) и Лабастид-де-Леви (название позднее; появилось никак не раньше XIII в.). Фигурирует в ряде документов: в частности, в 1197 г. значится свидетелем в обоюдной присяге Раймона VI и жителей Муассака (*Lagrèze-Fossat A. Études historiques sur Moissac. Vol. I. P., 1870. P. 331*). См. тж. акт о разделе его наследия и наследия дамы Фины, его супруги, между их сыновьями Сикартом и Доатом, от января 1235 г. (*Cabié E. et Mazens L. Cartulaire des Almans. Toulouse, 1882. P. 86*). Именно ему Папа Иннокентий III в 1216 г. в булле, адресованной епископам Альби и Каора (*Recueil des historiens de la France. Vol. XIX. P. 607*), где данный персонаж назван *Duacus Alamanus*, даровал возвращение собственности, отнятой С. де Монфором. Из замков Доата Аламана наиболее близок к Гайяку Лабастид-де-Леви, но и он расположен примерно в 4 км. Приближение отрядов Бодуэна и Мартина д'Олит Доат Аламан, скорее всего, увидел с высоких стен Гайяка, а не со стен собственного замка.

17. В червленом поле золотой сквозной клинчатый узорный крест (так называемый тулузский крест) – герб графов Тулузских; этот знак украшал знамя как Раймона VI, так и его брата Бодуэна. П. де Во де Серне (§282) рассказывает о подавлении Бодуэном мятежа в Лаграве следующим образом: «...Граф Бодуэн <...> прослышав о том, отправился туда при первом свете дня. Жители города вышли ему навстречу, принимая его за графа Тулузского, поскольку герб братья носили один и тот же, и ввели его внутрь <...>. Бодуэн с вооруженным отрядом атаковал их и перебил почти что всех до единого, от самых юных до самых старых».

18. По всей видимости, предводитель рутьеров; возможно, родом из Наварры. Он фигурирует в отрывке из хроники Альберика Труафонтенского (*Monumenta Germaniae. Scriptores. Vol. XXIII. P. 896*): там рассказывается, будто он захватил и разграбил Гайяк. Но из контекста и из хроник П. де Во де Серне (§311) и Гильема Тудельского (см. лэссе 112) следует, что произошло это лишь весной 1212 г., т.е. в ходе повторного завоевания крестоносцами Альбигуа. В 1222 г. Мартин д'Олит был поставлен защищать Монферран на службе у Церкви (ср.: *Villemagne et Rouquette. Cartulaire de Maguelone. Vol. II. P. 217*). См. тж. комментарий к лэссе 108.

19. Балы (байль) Лаграва, занявший место французского ставленника; см. лэссе 108.

20. Лаконичность финала этой лэссы, равно как и предыдущей, делает рассказ несколько невнятным; последовательность событий возможно восстановить путем сопоставления с хроникой П. де Во де Серне. Граф Бодуэн прибыл в Лаграв; сходство его знамени со знаменем брата ввело в заблуждение горожан, и они открыли ему ворота. Прибытие подкрепления (согласно Гильему Тудельскому, под командованием Мартина д'Олит) позволило Бодуэну там удержаться. Чтобы воссоединиться с Бодуэном, это подкрепление, согласно поэту, прошло под стенами Гайяка, поднялось по Тарну на кораблях (*nadant*), либо весь путь (приблизительно 20 км, учитывая извилистое русло реки), либо часть пути между Монтегютом (л'Иль-д'Альби) и Лагравом; «город» (*la vila*) восьмой строки – это Лаграв. Тарн течет на восток, в то время как Агут изгибается на запад и впадает в Тарн ниже по течению. Э. Кабье (*Cabié E. Épisodes de la croisade // Revue historique du Tarn. Vol. XV, 1898. P. 18–19*) доказывает, что упоминание Агута вполне объяснимо, вопреки утверждению П. Мейера в его издании (*Meyer P. Vol. II. P. 127*); но автор ошибается, называя Понса де Бомона балы Гайяка. «Наши» (*li nostri*) девятой строки – это граф Бодуэн и его отряд: они радуются прибытию подкрепления во главе с Мартином д'Олит; «замок» десятой строки – это Лаграв, захваченный Бодуэном и Мартином.

21. Под Сальваньком (Тарн, в 29 км к востоку от Гайяка) зерновые выращивают и по сей день.

И Мартинет Лихой¹³, вояка из вояк,
Весть получают в Монтегюте¹⁴: так и так,
Убит в Лаграве байль¹⁵ и смуты поднят флаг;
10 Бунт поддержал Гайяк, забыв слова присяг.
Пускай затопчет граф предательства очаг!
Немедля Бодуэн седлать коней дал знак,
Чтоб поспешить в Лаграв, едва, развеяв мрак,
Лучи зари блеснут.

[109]

Эн Доат Аламан¹⁶ и весь гайякский люд,
При виде их знамен, что по ветру плывут,
Душою искренне возрадовались тут:
Чуть раймондинский крест¹⁷ лучи зари зажгут,
5 Все чают: граф Раймон с отрядом к ним идут.
Но с болью в сердце крест второй опознают.
Притом приспел Мартин д'Олит¹⁸: челны плывут
По Тарну в город, где напротив тек Агут.
А наши, радуясь, их с нетерпеньем ждут.
10 Был замок быстро взят — и был недолог суд:
Казнен Понс де Бомон¹⁹, байль и зачинщик смут.
Назавтра к ночи все вернулись в Монтегют,
А Бодуэна в Брюникель пролег маршрут²⁰.
Утратив Сальваньак, он раздражен и лют:
15 То урожайный лен²¹.

[110]

Тулузские войска ушли от крепких стен²²:
И храбрый граф Раймон, и каждый знатный эн,
Собрав своих людей, путь держат в Рабастен
И до Гайяка; граф вернул себе свой лен —
5 Ла-Гард и Пюисельси, любимый им домен,
И Сен-Марсель, и Лагепи — от стен до стен.

22. Т.е. сняли осаду Кастельнодари (см. лэссе 106–107).

23. В списке городов, перешедших на сторону Раймона VI, что приводится у П. де Во де Серне (§281), город Парис (*Paris*) не значит-ся. Это либо Парисот (*Parisot*) в Керси, близ Сент-Антонена, где по сей день сохранились руины замка, принадлежавшего виконту Сент-Антонена (ср.: *Cabié E. Épisodes de la croisade // Revue historique du Tarn Vol. XV. 1898. P. 21*), либо (что вероятнее, учитывая оговоренный поэтом маршрут) Парисот в графстве Кастре, между Лавором и Гайяком.

24. Это в первую очередь подкрепление из ста рыцарей, что привел с собой Робер Мовуазен (они сражались вплоть до конца зимы 1211/12 г.); затем, весной 1212 г., пришли крестоносцы, завербованные Гийомом, архидиаконом Парижским, и Жаком де Витри во Франции и в Германии (П. де Во де Серне, §285, 286, 306).

25. Каструм Ле Туэль (окс. *las Toellas*, фр. *Touelles*, лат. *Tudelle*) был уничтожен Монфором до основания; сейчас на его месте находится бастида Бриатекст, основанная в 1287 г. Симоном де Брисетестом, сенешалем Каркассона, за счет короля Филиппа Красивого (Тарн, кантон де Грольет, примерно в 10 км к северо-востоку от Лавора). Ср.: *Cabié. Loc. cit.; Histoire de Languedoc. Vol. IX. P. 127*.

26. За исключением одного только сеньора каструма, отца Гираута де Пепье (см. лэссе 41) именем Фредуль (или Фредон/Фределон) де Лотрек (ср.: *Anselme le P. Histoire des grands officiers de la couronne. Vol. II. P. 1674. P. 351*): его обменяли на крестоносца, находящегося в плену у графа де Фуа – рыцаря Дре де Компань, кузена Робера Мовуазена (см. П. де Во де Серне, §291).

27. Чтобы попасть из долины Даду, где находится Ле Туэль (Бриатекст), в долину де ла Вер, где находится Каюзак, С. де Монфор был вынужден переправиться через Тарн в Альби: пройти через Гайяк он не мог, так как город находился все еще в руках графа Тулузского. Этот мост в Альби, построенный еще в XI в., сохранился и по сей день.

28. Каюзак (*Cahuzac-sur-Vère*), кантон де Кастельно-де-Монмираль. Поскольку вести осаду зимой было непросто, С. де Монфор взял город штурмом в кратчайший срок, «per multos labores et angustias» («ценой больших усилий и тягот» (П. де Во де Серне, §292).

29. Т.е. Раймон VI: он находился в Гайяке вместе с графом Комменжа; Сен-Марсель оборонял Гираут де Пепье (П. де Во де Серне, §294).

30. Ален де Руси – вассал графа Шампанского; также держал фьефы в Реймской области от короля Филиппа-Августа. Имя происходит от фьефа Руси (департамент Эна). Зять Юка, видама Шатильона-сюр-Марн (*Longnon A. Livre des vassaux. P., 1869. P. 250; Teulet A. Layettes du Trésor des chartes. Vol. I. P. 342*). Один из наиболее прославленных рыцарей Франции времен Филиппа-Августа; наряду с Гийомом де Баром и Савариком де Молеоном блистал на турнирах. Ален де Руси прибыл в крестоносную армию вскорости после окончания осады Кастельнодари (П. де Во де Серне, §279). Его прибытие, пусть и с небольшим отрядом, оказалось для крестоносцев более чем кстати: сезон военных действий закончился, приближалась зима, численность крестоносной армии резко сократилась. Возможно, его появление явилось одним из первых результатов проповеднической кампании Гийома, архидиакона Парижского, на севере, упомянутой в §285–286 (см. комментарий к лэссе 110). В Альбигойском крестовом походе он провел десять лет: принимал участие в битве при Мюре; получил от С. де Монфора сеньорию Терм (1213), а также Брам и Монреаль (к июню 1214 г.). Был убит при обороне Монреаля в 1221 г. (Гильем Пюилоранский, гл. XXXI).

31. Возможно, вассал Эрве, графа Неверского; за рыцаря с таким именем граф Неверский выступал поручителем в декабре 1219 г. (*Layettes. Vol. I. P. 493*).

32. Граф Тулузский, граф де Комменж и граф де Фуа пришли осажденным на помощь и вступили в Сен-Марсель с многочисленным подкреплением; но ограничились лишь оборонительными действиями (П. де Во де Серне, §295–296).

- Захвачен и Парис²³, что был им осажден,
А следом Монтегют, и с ним — Сент-Антонен.
Все возвратил себе законный сюзерен —
- 10 Лишь Брюникель один стоит непобежден.
Пустили слух — будь в вере я благословен! —
Что в битве граф Монфор был в бегство обращен
И в край родной бежал, навеки усмирен:
Впредь крестоносный люд не ступит, дерзновен,
- 15 В те земли: пали все или попали в плен.
Но в тот же год стряслось немало перемен:
Рать новую привел Монфор, неустрашен²⁴;
Им сдался Туэллес²⁵, но не был пощажён:
Всяк житель града был жестоко убиен²⁶.
- 20 Затем Монфор Тарн пересек, не вброд — взамен
Прошел по мосту, что в Альби был возведен²⁷.
Отбил он Каюзак²⁸ в течение двух ден,
Из Брюникеля вызван им граф Бодуэн,
Чтоб ехал тот к нему, в доспехи облачен,
- 25 И с воинством своим.

[111]

- Встал в Каюзаке граф Монфор, и войско с ним,
Питаясь восемь дней запасом городским.
Ведь той порой, в разгар суровейшей из зим,
Богоявления праздник был, что все мы чтим.
- 5 В осаду взят был Сен-Марсель — не утаим,
Что прок с того сравнился б с яблоком гнилым.
Зато расходов — тьма, будь Небом я храним!
Будь Монтобана граф²⁹ отвагой одержим,
Никто б из франков не ушел тогда живым.
- 10 Однако де Руси Ален³⁰, неустрашим,
И Пейре де Ливрон³¹, что Господом любим,
Южан тревожили и страх внушали им³².

33. 24 марта 1212 г., после месячной осады (П. де Во де Серне, §295–296.).

34. Южане всячески затрудняли подвоз продовольствия из Альби: бдительно наблюдали за дорогами и нападали на обозы. Именно нехватка продовольствия и вынудила крестоносцев снять осаду Сен-Марселя (П. де Во де Серне, §295–296.).

35. О прибытии овернских крестоносцев сообщает и П. де Во де Серне (§306), равно как и о немецких (§308): они пришли из Саксонии, Вестфалии, прирейнских земель и Фризии (в хронике святого Иакова Льежского говорится о тридцати тысячах фриз-

ских крестоносцев); они были отправлены Леопольдом VI, герцогом Австрийским, вместе с его собственным контингентом (*Monumenta Germaniae historica. Scriptores*. Vol. XVI. P. 665; Vol. XVII. P. 172, 826). Под названием «Славония» (*Esclavonie*) подразумеваются страны, расположенные между восточным побережьем Адриатического моря и Дравой и Дунаем: Хорватия, Далмация, Босния, Славония, Сербия.

36. Новые крестоносные отряды прибыли в Альбижуа вскорости после Пасхи (П. де Во де Серне, §308.).

- На Пасху в ночь³³, пока мы, христиане, бдим,
Цвет рыцарства ушел в Альби, непобедим,
15 Поскольку был им провиант необходим³⁴.
Так миновало сверх шести недель; засим
Идут за ратью рать порядком боевым:
Люд из Германии с Ломбардией, и с ним
Славонии с Овернью³⁵ знать числом большим.
20 Всяк выступал в дорогу, верой вдохновим;
Устрашены тулузцы зрелищем таким,
Завидев северян³⁶.

1. Эти города, а также Авиньонет, Сан-Фелис, Пюилоран и Кук-Тулза перешли в руки тулузцев в конце лета 1211 г.; крестоносцы отбили их вновь весной 1212 г. Раймон VI отступил; ненадолго задержался в Пюилоране, но крестоносцев дожидаться не стал и увел войско в Тулузу (П. де Во де Серне, §281, 306, 309).

2. Захватил и разграбил Гайяк Мартин д'Олит (см. комментарий к лэссе 109).

3. В подробном рассказе П. де Во де Серне об осаде Сент-Антонена (§313—316) Симоном де Монфором «в воскресенье, на восьмой день Праздника Пятидесятницы» («*Quadam igitur die dominica, in octavis videlicet Pentecostes*»), т.е. 20 мая 1212 г., речь не идет о виконте города; упоминается лишь, что граф Тулузский поручил город «некому рыцарю, человеку злому и порочному» («*homini pessimo et perverso*»), по имени не названному. Сеньория Сент-Антонен испокон

веков принадлежала (по всей видимости, в неравных долях) нескольким виконтам, один из которых, «А. Джордас» (*A. Jor das*), фигурирует в документах от 1225 и 1230 гг. (см.: *Cabié E. Episodes de la croisade // Revue historique du Tarn. Vol. XV. 1898. P. 22*). На момент осады он владел городом в доле с родственником, братом или кузеном, «виконтом Понсом» («*en Pons lo vescomte*»), упомянутым в лэссе 114. «А. Джордас» — это, вне всякого сомнения, и есть Адемар-Джордан (*Azémar-Jourdain*), вероятно, сын предшествующего виконта Раймона Джордана (ок. 1178—1195), известного трубадура (см. «Жизнеописания трубадуров», стр. 97—100); кузен «виконтов Арманда и П.», упомянутых в документе от 1198 г., трубадур, автор двух известных стихотворений на провансальском (см.: *Brunel C. Les troubadours Azémar-Jordan et Uc Brunenc // Romania, 1926. P. 505—508*).

XI

Контрнаступление Симона де Монфора

[112]

- Как помните, велик был крестоносцев стан,
И отступать они принудили южан,
И те покинули Кассе и Монферран¹.
Искать спасения в Тулузе — в том их план:
- 5 Не защищен теперь ни рыцарь, ни виллан.
Сошлось к мосту в Альби немало северян,
Взят ими Рабастен, Гайяк им тоже сдан² —
Сопrotивляться силы нет у горожан:
Бежали многие, чтоб не попасть в капкан.
- 10 Один Сент-Антонен отвагой обуян —
К оружию призвал всех Адемар Джордан³,
Но не был их мятеж победой осиян.
Не видел я вовек — вас не введу в обман! —
Чтоб опустевшие донжон и барбакан
- 15 Без боя брали; взяты войском христиан
Ла-Гард и Пюисельси; в ночи тьмы горожан
Покинули свой дом.

4. Симон де Монфор сжег Сен-Марсель и срыл до основания донжон и стены; та же участь постигла Лагепи (П. де Во де Серне, §312).

5. С 20 на 21 мая 1212 г.; так следует из рассказа П. де Во де Серне (§314—315). Ближе к вечеру осажденные совершили вылазку, но были отброшены назад и в течение часа, к наступлению ночи, захватили три барбакана, защищавшие восточные, северо-восточные и северные ворота города (позже известные как ворота Кармелитов (*Porte des Carmes*), Роданезские ворота (более позднее название — ворота Кордельеров (*Porte Rodanèse/ des Cordeliers*)) и ворота Королевского луга (*Porte du Pre du Roi*). Часть жителей попыталась бежать из города с противоположной стороны и переправиться через Авейрон; но беглецы были перебиты крестоносцами. Ближе к полуночи защитники Сент-Антонена сдались на милость Монфора.

6. В оригинале — «*Li ribaute-ls garson*», войсковое отребье и слуги (те, кого П. де Во де Серне называет «*peregrini pauperes et inermes*»); их стихийная атака, ставшая залогом успешного штурма, очень напоминает эпизод штурма Безье в июле 1209 г. М. Рокбер предполагает, что и в данном случае речь идет о наемниках. (Roquebert I. P. 653).

7. П. де Во де Серне (§316) сообщает, что сеньор замка и с ним несколько рыцарей были помещены в тюрьму в подвале одной из каркассонских башен. По всей видимости, Адемар Джордан был еще жив в 1225 г. (см.: Arch. dép. de la Haute-Garonne, H, Malte, Lacapelle-Livron, liasse 1, n° 2, membr. 1, piece 2) и в 1230 г. (*Du Bourg A. Histoire du grand-prieuré de Toulouse. Toulouse, 1883. Pieces justifi., n° 97*).

8. Среди виконтов Сент-Антонена (документов о них сохранилось крайне немного) имя Понс не встречается (*Galabert F. Les vicomtes de Saint-Antonin // Bulletin de la Société archéologique de Tarn-et-Garonne, 1900. P. 36*). Тем не менее М. Брюнель расшифровывает инициал «П.» в ссылке на Адемара Джордана как на кузена «виконтов Арманда и П.» в документе

от 1198 г. как «Понс» (см. выше комментарий к лэссе 112).

9. Т.е. «*Veni, Creator Spiritus*»: клирики, сопровождавшие армию, пели гимн на рассвете, босиком, в то время как крестоносцы атаковали какой-либо город. Ср. рассказ П. де Во де Серне об осаде Лавора (§226), Муассака (§351) и Кассенея (§526): при Муассакке «архиепископ Реймский, епископы Туля и Альби, Гийом, архидиакон Парижский, а также аббат Муассака вместе с монахами и прочим священством при армии стояли на склонах холма над Муассакком, облаченные в белые одежды, босые, держа перед собою крест и святые мощи. Истово и звучно пели они «*Veni Creator Spiritus*», моля Господа о помощи». По всей видимости, такова была распространенная практика при осаде.

10. 14 июня 1212 г. крестоносная армия встала лагерем под Монкуком (*Champollion-Figeac J.-J. Charte de commune en langue romane pour la ville de Gréalou en Quercy. P., 1829. P. 57*), что находится в 55 км к западу от Сент-Антонена. Согласно П. де Во де Серне (§318), Монкук был передан графу Бодуэну Симоном де Монфором; однако этот хронист не упоминает о том, что Бодуэну был доверен и Сент-Антонен.

11. В оригинале значится «Авиньон» (*Avinhon*), что никак не соответствует географическим данным. Ни Авиньон (Воклюз), ни Авиньонет (Верхняя Гаронна) никак не вписываются в данный контекст; другого места с таким названием между Монкуком и Пенном д'Ажене нет. Форизель и П. Мейер здесь воспроизводят оригинал буквально, сохраняя в своем издании «Авиньон»; Э. Мартен-Шабо заменяет его на «Турнон». Через Турнон проходит дорога от Монкука до Пенна; Турнон находится в 21 км от первого и в 15 км от второго; в XIII в. это был один из крупных городов Ажене.

12. По всей видимости, сеньор Монтегюде-Керси (в 6 км южнее Турнона). За свои заслуги в крестовом походе получил в собственность Бирон (см. ниже, лэссе 116).

[113]

Во франкском воинстве стояли шум и гром.
 Огню предавши Сен-Марсель⁴ и все кругом,
 В Сент-Антонен оно отправилось потом.
 Вы не сварили б и яйца, клянусь вам в том,
 5 За краткий срок, что им достало на разгром⁵;
 Погибло жителей до тридцати числом;
 С десятков ноги унести смогли с трудом.
 Все прочие закрылись в церкви под замком;
 Но всяк обобран был, оставшись нагишом,
 10 Был наглой солдатней⁶ ограблен клир; во всем
 Чинили им урон.

[114]

Захвачен был Сент-Антонен и покорен.
 Как пленник Адемар Джордан⁷ был уведен
 С виконтом Понсом⁸ и другими им вдогон.
 Пусть за грехи мои не буду я прощен,
 5 Коль клирики, пока шел бой со всех сторон,
 Не пели гимн Святому Духу⁹ в унисон,
 Так громко, что за полулье был слышен он!
 Что мне добавить? — ведь рассказ и так длинен!
 Однажды воинство ушло оттуда вон,
 10 И граф Монфор, и с ним — всяк рыцарь и барон,
 Оставив графу Бодуэну гарнизон
 В Сент-Антонене, дабы град был защищен.
 Монфором взят сперва Монкук и с ним — донжон¹⁰,
 А после граф Монфор пошел через Турнон¹¹
 15 На Ажене — да будь он Господом спасен!
 Вел рать Арнаут де Монтегют¹², ведь испокон
 Гасконцам в тех краях известен каждый склон.
 Отбив Монкук, владел которым граф Раймон,

13. Английский король Ричард Львиное Сердце (1157—1199) отдал Пенн (вместе со всей областью Ажене) в приданое своей сестре, Иоанне Плантагенет, ставшей женой Раймона VI Тулузского (П. де Во де Серне, §317; *Histoire de Languedoc*. Vol. VII. Col. 91).
14. Согласно П. де Во де Серне, крестоносцы прибыли под Пенн в воскресенье 3 июня (§321).
15. См. комментарий к лэссе 111.
16. См. комментарий к лэссе 81.
17. Идентифицировать данный персонаж возможным не представляется. Шабано (*Chabaneau* C. *Histoire de Languedoc*. Vol. X. Col. 335. Note 2) отождествляет его с неким Боссаном (*Baussion*), «оппонентом» некоего Юка, в одной из провансальских тенсон, что довольно-таки сомнительно.
18. В 3 км к северу от Вильнева-сюр-Лот находится деревня Монфабес (*Monfabès*); по всей видимости, вышеупомянутый Гираут родом оттуда. Про Бернара Бовона ничего определенного не известно.
19. Поэтическое преувеличение автора: согласно П. де Во де Серне, осада продолжалась с 3 июня по 25 июля.
20. Т.е. немцы из прирейнских областей; с ними был настоятель кельнской церкви (ср. П. де Во де Серне, §308).
21. Юк д'Альфaro заставил все гражданское население покинуть крепость и заперся в ней с четырьмя сотнями закаленных рутьеров, предварительно спалив бург («*burgum inferius*», ср. П. де Во де Серне, §320—321).
22. Т.е. Ги де Монфор, младший брат Симона де Монфора (ум. в 1228).
23. В оригинале — «*ab mantel gris e vair*», т.е. использованы два синонима для обозначения беличьего меха: *gris* — серый беличий мех и *vair* — геральдический термин для обозначения беличьего меха.

- До Пенна-д'Ажене шло войско без препон —
 20 А там не пожелал сдаваться бастион
 (Им встарь владел король Ришар Кер-де-Леон¹³).
 Во вторник¹⁴ Пенн был взят в кольцо со всех сторон —
 Нормандец был там, лотарингец и тевтон,
 Тьма франков, те, кто из Бретани приведен,
 25 Те, кто в Оверни и в Бургундии рожден¹⁵.
 Но Пенн был крепок: чтоб чинить ему урон,
 Груз мангонелов и таранов привезен.
 Был Юк д'Альфарио¹⁶ там из края Арагон,
 Бозан, отряда вождь¹⁷, и эн Бернар Бовон,
 30 Гираут де Монтфабес¹⁸ (байль из Монкука он)
 И много прочих, чьих не знаю я имен.
 На Вознесение был замок осажден —
 Уж вызрел виноград в канун сентябрьских ден,
 А Пенн еще стоял¹⁹.

[115]

- Свидетель Бог, такой осады мир не знал!
 Никто бы силой крепкий замок тот не взял.
 Солдаты Барские²⁰, камней обрушив шквал
 Из катапульт, чуть стен не вызвали обвал.
 5 Наваррцам, рыцарям, рутьерам счет немал
 При Юке д'Альфарио (Раймону он вассал)²¹.
 Когда б запас еды с питьем не иссякал,
 Несокрушимый Пенн вовеки бы не пал.
 Но гарнизон не мог терпеть жары накал,
 10 Всех жажда мучила, недуг одолевал;
 Колодцы высохли, и страх южан терзал;
 А вражий стан меж тем рос и не убывал —
 Вот на подмогу подоспел граф Ги²², удал;
 На пегой лошади Фуко Берзи скакал,
 15 Его брат Жан в плаще из белки²³ щеголял;

24. П. де Во де Серне, рассказывая о прибытии Ги де Монфора (§326), в числе его спутников называет видама Энгеррана де Пикийни, Энгеррана де Бове, архиепископа Руанского, епископа Ланского и Гийома, архидиакона Парижского. По всей видимости, именно его Гильем Тудельский именует здесь «Парижским певчим» («e-l cantre de Paris»). Что до Фуко и Жана де Берзи (о них П. де Во де Серне не упоминает), они фигурируют во многих эпизодах «Песни», а также в хронике Гильема Пуилоранского: хронист называет их «мужами доблестными и воинственными» («Folcaudus et Iohannes de Bergino fratres, viri strenui et bellicosos», гл. XXIX и XXXI). Своим именем они обязаны месту Берзи-ле-Сек (департамент Эна). Фуко де Берзи (*de Berzeio*) фигурирует в качестве свидетеля в документе от 3 мая 1214 г. в Безье о передаче Симону де Монфору виконтств Нима и Агда (ср.: *Molinier A. Catalogue des actes de Simon de Montfort*. № 79). Он же под именем Фукар (*Foucard*) фигурирует в документах суассонского аббатства Сен-Медар. Рыцари Фуко и Жан де Берзи числятся благотворителями в церковной книге записи умерших аббатства Лонгпон (*Bibliothèque nationale, manuscrit français 31.885*).

25. Во всяком случае, крестоносцы задержались там не более 5 августа (*Balme F. et Lelaidier P. Cartulaire ou Histoire Diplomatique de St. Dominic*. Vol. I. P., 1893. P. 314).

26. См. комментарий к лэссе 89.

27. Подробности пленения и казни Мартина Альге, предводителя рутьеров и предателя (он вновь перешел на сторону южан после битвы при Сен-Мартен-Лаланд), приводятся у П. де Во де Серне (§337).

28. См. комментарий к лэссе 114.

29. Явное преувеличение автора. Если верить П. де Во де Серне (§339), чье свидетельство в данном случае тем более весомо, что сам он сопровождал графиню из-под Каркассона вместе с епископом этого города, их эскорт был далеко не столь многочисленным: «несколько пеших крестоносцев» («*raucos pedites peregrinos*»).

30. Катус (*Catus*) находится в 15 км к северо-западу от Каора; там вооруженный эскорт, сопровождавший графиню, а также епископ и П. де Во де Серне задержались, прежде чем воссоединиться с армией С. де Монфора в Пенне д'Ажене. П. де Во де Серне сообщает, что многие укрепленные города в окрестностях Каора сдавались крестоносцам, стоило тем подойти к стенам; но городов как таковых не называет. По всей видимости, в их числе был и Катус. В рукописи А значится *Castus*; Э. Кабье (*Cabié E. Épisodes de la croisade*. P. 24) предполагает, что имеется в виду Кайлюс (*Caylus*), что находится между Сент-Антоненом и Каором, в департаменте Тарн и Гаронна, однако эта версия подтверждения не находит. Еще один из предлагаемых вариантов прочтения — не *Castus*, а *cascus* («каждый»). В данном случае мы следуем изданию Э. Мартена-Шабо.

- Парижский певчий с ним, превыше всех похвал,
И множество иных — я их и не считал²⁴.
Не впрок южанам ныне весь их арсенал,
И гарнизон, пусть поневоле, замок сдал.
- 20 Его Монфор потом всемерно укреплял —
Известки не жалел на стен надежный вал.
Я б ход сражений вам подробно описал,
Да слишком Песнь длинна, не скор еще финал —
Вернусь я к повести, которую прервал:
- 25 Взяв замок, граф Монфор не растерял запал,
Немедля лагерь разбирать он дал сигнал²⁵
И погрузить кладь на телеги приказал.
Рать двинулась в Бирон, что нá море лежал,
Мартин Альге отсель в набегі выступал²⁶:
У наших и Сентонж, и Перигор искал
Защиты от ворюг.

[116]

- Под орифламмою, одеты в сталь кольчуг,
К Бирону подошли войска Христовых слуг.
Был замок быстро взят: не стоил долгих мук.
Казнен Мартин Альге — таков удел бандюг.
- 5 Конь выволок его из крепости на луг,
И там при всех мерзавца вздернули, как тюк²⁷.
Отдали замок и угодыя, что вокруг,
Арнауту де Монтегюту²⁸, в честь заслуг,
Затем вернулись к Муассаку, сделав круг;
- 10 В день по три лье шли — я слышал из первых рук! —
Колонной выстроясь — им мешкать недосуг.
Мадам графиня, кою звал к себе супруг, —
Храбрее и мудрей мир не видал подруг, —
Пятнадцать тысяч²⁹ привела с собой на юг.
- 15 Катус³⁰, где войско задержалось, сделав крюк,

31. Откуда двинулись по дороге, ведущей из Каора в Муассак. *Roux de Lincy A. Le livre des proverbes français. Vol. II. P., 1859. P. 259.*
32. В оригинале — «*can terciá fo sonea*», «когда прозвонили третий час»; имеются в виду молитвенные часы. Третий час соответствует приблизительно 9 часам утра. Согласно П. де Во де Серне (§340), это произошло 14 августа, в канун Успения Богородицы.
33. П. де Во де Серне сообщает, что жители Муассака, услышав о приближении крестоносцев, призвали из Тулузы военное подкрепление, в том числе и наемников-рутьев (§341).
34. В оригинале — «*Mas so qu'è a venir no pot om pas muder*», расхожая пословица; ее французский аналог («*Ce qui doit advenir on ne puet nullement / Destourner qu'il n'advienne, ce dit-on bien souvent*») XIII в. приводится в: *Le*
35. В то время как С. де Монфор осаждал Муассак, обитатели Кастельсаррасена, находящегося не далее чем в 8 км, явились к Монфору и сдали город (П. де Во де Серне, §352).
36. В конце мая 1212 г., до захвата Пенна (П. де Во де Серне, §320). После сдачи города его равноправными правителями стали С. де Монфор и епископ Ажена.
37. Перифраз расхожей провансальской пословицы «*Tri de dos mals lo menor*» (Guiraut de Borneill, цит. по: *Peretz B. Altprovenzalische Sprichwörter // Romanische Forschungen. Vol. III. 1887. P. 442*). Ее французский аналог XIII в., «*De deux max prend-en le menor*», приводится в: *Leroux de Lincy A. Le livre des proverbes français. 2 éd. Vol. II. P. 281*).

Был Бодуэну и крестовой рати — друг.

В Пенн-д'Ажене сошлись войска Христовых слуг,

Назавтра к ужину они пришли в Монкук³¹

И в Муассак — к утру, под благовеста звук³².

20 Там со вчера еще свой коротал досуг

Большой отряд военный³³.

[117]

Вот франки подошли под городские стены

На берег Тарна, грозны и неустрашенны.

Люд Муассака на врагов взирал смятенно.

Не будь рутьеров, он бы сдался несомненно —

5 Всяк знал — в итоге их поставят на колена.

Могли б спастись они в холмах, избегнув плена,

Ведь виноград, не став вином, имеет ль цену?

Средь них едва ль найдутся трое, столь блаженны,

Чтоб не утратить хоть денье. Все в мире бренно.

10 Но то, что суждено, случится непременно³⁴.

Легко отделался люд Кагель-Саррасена³⁵,

Благоразумно воздержавшись от измены —

Про них никто хулы не скажет дерзновенно.

Всяк знал: коль граф Раймон вернет свои домены

15 И с Римским Папою замирится смиренно,

Или, допустим, Арагона сюзерену

Достанет сил, чтоб от врагов очистить лены,

То граф под власть свою их возвратит мгновенно.

Засим не жаждали они попасть в геенну.

20 Их наставляла мудрость жителей Ажена

(Что прежде них сдались)³⁶; реченье это ценно:

«Из двух зол меньшее ищи всенепременно»³⁷.

Бернар д'Эсгаль сказал: «Коль спутник твой

почтенный

38. Данное изречение перекликается с пословицей, приведенной в: *Morawski J. Proverbes français antérieurs au XV siècle (Les classiques français du moyen âge. Vol. 47). P., 1925. № 2257: «Si ton voisin se va noyer, tun e dois point pour tant aller»* («Если твой ближний вот-вот утонет, тебе тем путем идти не надо»). Ни имя, ни труды моралиста Бернара д'Эсгала (*Bernart d'Esgal*), процитированного Гильемом Тудельским, неизвестны.

39. Имеется в виду берег Гаронны: один из рукавов этой реки проходит в километре от Капельсаррасена.

40. Здесь, по всей видимости, пропущен один или несколько стихов, в которых говорилось о наступлении крестоносной армии на Муассак.

41. Альберик (фр. Обри) Гумберт де Овильер (*Hautvilliers*) (архиепископ с 1207 по 1218 г.) прибыл в крестоносную армию 26 июля, на следующий день после взятия Пенна (П. де Во де Серне, §335).

42. В документе от апреля 1207 г. (*Archives nationales, LL 1157, p. 426*) в качестве свидетеля фигурирует некий певчий аббатства Сен-Дени именем Юк.

43. Лето выдалось чрезвычайно жарким (это отмечает и П. де Во де Серне, §339). В такое время года одевались в льняные или шелко-

вые ткани (такие, как сендаль или самит), как рекомендовал, в частности, в XIII в. Альдобрандино Сиенский в своем труде «Кодекс здоровья» (*Aldebrandin de Sienne. Régime du corps. Ed. Landouzy L. et Pépin R. P., 1911. P. 64*). Самит и сендаль привозились с востока; во французских текстах XIII в. Фризией зачастую именовалась Фригия (область на западе Малой Азии); очень вероятно, что ткань, которая пошла на рубаху (*camiza*) Ламберта де Лиму, происходит скорее оттуда, нежели из Фризии (область на побережье Северного моря). См.: *Michel F. Recherches sur le commerce, la fabrication et l'usage des étoffes de soie, d'or et d'argent. Vol. I. P., 1852—1854. P. 324*. В своем переводе Э. Мартен-Шабо остановился на варианте «фригийский»; мы предпочли оставить вариант оригинала.

44. Этот совет, на который П. де Во де Серне ссылается лишь похода, не называя участников поименно (§340), по всей видимости, происходил в начале августа в Пенне: 6 августа С. де Монфор находился еще там (ср.: *Rhein A. La seigneurie de Montfort-en-Iveline depuis son origine jusqu'à son union avec le duché de Bretagne. Versailles, 1910. P. 318*).

Упал, когда чрез брод вы шли одновременно,
 25 Ты не спеши вперед — упавшему в замену,
 А в середине продвигайся постепенно.
 Начнут кругом тонуть — вернись назад
 мгновенно»³⁸.

Вот почему винить нельзя их совершенно:
 Гираут де Пепье, скажу вам откровенно,
 30 Отряд, что должен бы их защищать бессленно,
 Увел по отмели³⁹ за крепостные стены:
 Он не остался бы ни за какую цену...⁴⁰
 А муассакцев перебьют ожесточенно
 Отряды солдатни.

[118]

Пусть сдался Пенн добром и избежал резни,
 Но Муассака люд не помышлял в те дни
 Сдавать свой град, что был незыблем искони —
 То доблесть или дурь, поди - ка оцени.
 5 Вот и тулузцы, жертвы той же западни,
 Их вдохновляли, подстрекателям сродни.
 Архиепископ Реймса⁴¹ ждал в шатре, в тени,
 В мех беличий одет: туда сошлись они —
 Симон, граф де Монфор, и певчий Сен-Дени⁴²,
 10 Графиня тако же — в кругу своей ровни,
 Цвет лучший рыцарства, куда тут ни взгляни:
 И де Контре Гильем, Господь его храни,
 И Пейре де Ливрон — он гордость всей родни,
 И де Лиму, Ламберт, что в жаркие те дни
 15 Рубаху фризскую надел взамен брони⁴³.
 И на осаду тут же выслали они
 Тьму ратного народа⁴⁴.

45. Это утверждение отнюдь не противоречит тому факту, что, согласно П. де Во де Серне, крестоносцы прибыли под Муассак в канун Успения Богородицы (14 августа): хронист сообщает, что прошло несколько дней, прежде чем Симон де Монфор установил осадные машины. Монфор, по всей видимости, дожидался подкрепления — новых крестоносцев из северных и западных облас-

тей Франции, о прибытии которых сообщает П. де Во де Серне (§345), — и окончания жары.

46. Для постройки осадных машин, о которых поэт упоминает в предыдущей лэссе.

47. Согласно П. де Во де Серне (§349), впоследствии осажденные предприняли еще одну попытку сжечь «кошку».

[119]

- И вот в начале сентября того же года⁴⁵
 В кольцо взят Муассак и потерял свободу.
 Там Бодуэн понес великие расходы:
 На каплунов, гусей и снедь для нужд похода.
- 5 Пересказал прево мне эти эпизоды.
 Баллист, и «кошек», и машин иного рода
 Туда доставили; и все для обихода,
 Чтоб войско бед не знало.

[120]

- Под Муассаком состоялось битв немало —
 Рутьеров войско рать Монфора донимало,
 А рыцари в ответ разили их удало.
 Лишился Бодуэн любимого вассала —
- 5 Погиб дамуазо; кольчуга и забрало
 От смерти не спасли: стрелы разящей жало,
 Как в куль с соломою, в живот ему попало.
 Монфор командует, пусть привезут сначала
 Груз древесины⁴⁶ — чтоб для всяких нужд достало.
- 10 Монфора свита тех людей сопровождала —
 Бойцы его и он.

[121]

- Отважный граф Монфор по имени Симон
 Баллисты ставить повелел со всех сторон
 И строить «кошку». К стенам замка подвезен
 Таран, чтоб день и ночь врагу чинить урон.
- 5 Всяк в Муассакe удручен и возмущен.
 И вот, тайком вооружившись, гарнизон
 На франков ринулся, за стены выйдя вон;
 Несут угля, чтоб остов «кошки» был сожжен⁴⁷.

48. См. комментарий к лэссе 22.

49. Т.е. изображение герба на гербовой котте поверх кольчуги и на чепраке коня (см. комментарий к лэссе 77): геральдические фигуры либо вышивались по ткани, либо нашивались как аппликация — такие же, как на щите. Герб Монфора — в червленом поле серебряный вздыбленный лев с раздвоенным хвостом (см. печать С. де Монфора, приведенную в: *Rhein A. La seigneurie de Montfort-en-Iveline. Pl. IV bis et ter.*).

50. Этот персонаж упоминается только у Гильема Тудельского и нигде больше; идентифицировать его возможным не представляется. Один его тезка принимал короля Филиппа-Августа в Верноне (*Stubbs W., éd. Roger de Hoveden. 4 vols. Vol. IV. Rolls series, 1868—1871. P. 59*), возможно — Моро де Ходенк (*Moreau de Hodenc*), вассал французской короны; другой его тезка был владель-

цем Ла Мотта близ Сен-Жиля (департамент Гар) между 1229 и 1248 гг. (*Recueil des historiens de la France. Vol. XXII. P. 739; Vol. XXIII. P. 638, 675, 679; Vol. XXIV. P. 529*).

51. Брат С. де Монфора.

52. Рассказ П. де Во де Серне об этой битве (§343) вполне соответствует изложению Гильема Тудельского, с некоторыми уточнениями (в частности, что Симон де Монфор был ранен стрелой). Имени племянника не называет ни пресловутый хронист, ни Бернар Итье, автор «Хроники [монастыря] св. Марциала в Лиможе» (*Duplès-Agier H., éd. Chroniques de Saint-Martial de Limoges. P., 1874. P. 86*), который лично беседовал с Альбериком, архиепископом Реймским, когда тот на обратном пути останавливался в знаменитом лимузенском монастыре.

- Бургундов с франками гремит оружия звон,
10 Бойцы Бретани и Гаскони мчат вдогон,
Фламандцы, люди Пуату — не счесть имен.
Облекся всяк из них в кольчугу и гоньон⁴⁸,
А сверху — пурпуан иль котты сиглатон.
Граф де Монфор скакал через песчаный склон;
15 Был герб при нем и щит, где лев изображен⁴⁹.
Его скакун был возле рожицы сражен;
И был бы граф сей миг захвачен и пленен,
Когда б не де Контре — храним будь Богом он! —
И с ним мессир Моро⁵⁰, отважен и силен,
20 И вежеством, и красотою наделен,
Затмил бы он собой героев всех времен.
На помощь к ним приспели Пейре де Ливрон
И де Берзи Фуко; граф Ги⁵¹ спешит вдогон.
В атаку бросился отряд их, разъярен,
25 И так, назло врагам, был граф Монфор спасен —
Лишь в ногу сзади был несильно ранен он.
Прелата Реймского племянник был пленен
И умерщвлен не глядя⁵².

1. В оригинале — «avans terciā sonant», «до того, как прозвонили третий час», т.е. около девяти утра. См. комментарий к лэссе 116.
2. Один из представителей сеньоров Монденарда: их фьеф, находившийся в Керси, в 15 км к северу от Муассака, в бальяже Лозерт (*Lauzerte*), на латыни именовался «de Montelanardo»; в документе от апреля 1243 г. он называется «de Montdenard» (*Layettes du Trésor des chartes*. Vol. II. P. 509). *Hermandus*, который фигурирует в этом документе вместе со своими четырьмя братьями и неким шестым совладельцем Монденарда, Бернардом, и *Armannus de Montelanardo*, выступавший в 1241 г. свидетелем вассальной присяги, принесенной Раймону VII Тулузскому (*Ibid*. P. 455), по всей видимости — одно лицо с Арманом, поименованным здесь, в «Песни», что сражается под знаменами Бодуэна на стороне крестоносцев, а позже (во второй части «Песни», в лэссах 185 и 188: *La Chanson de la croisade albigeoise* / Éd., trad. E. Martin-Chabot. Tome II. P., 1957. P. 296; Tome III. P., 1973. P. 19), в 1216 г., — уже на стороне южан, в числе защитников Тулузы. Эта резкая смена взглядов объясняется у П. де Во де Серне (§495 и §514): поскольку обитатели Монтенарда, в частности Берtrand, один из его соправителей, содействовали захвату Бодуэна Тулузского в феврале 1214 г., их замок был разрушен крестоносцами до основания.
3. Касательно Юка де Брейля см. комментарий к лэссе 73.
4. В оригинале уточняется, что одна из лошадей, серой масти, досталась некоему арбалетчику («e ag n'i un ferran / Que ac us balestiers»).
5. Рассказ об этом нападении монтобанцев на колонну крестоносцев представлен только у Гильема Тудельского и нигде более.

XII

*Капитуляция Муассака и завоевания
крестоносцев вплоть до вступления
в войну Пейре Арагонского*

[122]

- Сеньоры, славный бой случился при осаде:
Норманн, бретонец, франк пришли подмоги ради.
Рутьеры, отступив, укрылись все во граде.
Прелат племянника жалел, как должно дяде.
- 5 На третий час¹ приспела к каменной громаде
Рать крестоносцев из Каора с грузом клади.
Люд Монтобана, что дозоры нес в засаде,
Атаковал врагов и спереди, и сзади.
Едва заслышав весть об этакой браваде,
- 10 Вооружился Бодуэн в большой досаде.
С ним выехали все, кто был в его отряде, —
Арман де Монденард² — из первых в кавалькаде,
Де Брейля³ сыновья, с отвагою во взгляде.
Они южан разят, не мысля о пощаде, —
- 15 Отбили восемь лошадей; всяк не внакладе⁴ —
Удачен был поход⁵.

[123]

Отважный Бодуэн увел отряд, и вот
К закату в лагерь возвратился в свой черед.

6. В «Истории герцогов Нормандии и королей Англии» (*Michel F. L'Histoire des ducs de Normandie et des rois d'Angleterre*. P., 1840. P. 122), написанной чуть позже 1220 г., содержится объяснение этого фрагмента. Саварик де Молеон, покинув службу графа Тулузского, потребовал выплаты «жалованья», т.е. вознаграждение ему и его отряду за участие в походе на Кастельнодари. Поскольку граф Раймон VI не заплатил ему ничего, Саварик захватил в плен его сына, молодого Раймона, и назначил за него выкуп в 10 000 ливров.

7. У П. де Во де Серне, который был очевидцем осады, об этой бреші ни словом не упоминается.

8. Выдача рутьеров, а также и тулузцев, пришедших защищать Муассак, была главным условием капитуляции, что С. де Монфор выдвинул жителям города (см. П. де Во де Серне, §353).

9. Это произошло, согласно П. де Во де Серне, на Рождество Пресвятой Богородицы (§353) — 8 сентября 1212 г.

10. Эти три города находятся соответственно в 6, 17 и 26 км к югу от Муассака. Первый и третий были сданы Симону де Монфору во время осады Муассака (§352).

- Орудья в стены били сутки напролет,
Крушил твердыни Муассака камнемет.
- 5 Страх осажденных взял от этаких невзгод;
Все знали: помощь ниоткуда не придет.
Уж с месяц граф Раймон, покинув свой народ,
Отбыл в Бордо к эн Саварику и ведет
Переговоры; но нерадостен исход:
- 10 Вернул лишь сына он, войдя в большой расход⁶.
Не стану прерывать повествованья ход:
О чуде расскажу, которое с высот
Заступник Иисус явил для нас в тот год:
В ров обвалился враз стены большой пролет,
- 15 Образовалась брешь⁷ — свободен был проход.
Солдат и горожан, как всяк из вас поймет,
Тут ужас обуял, ведь рухнул их оплот.
К Монфору тотчас шлют послов они, но тот,
Святых заморских помянув наперечет,
- 20 Клянется: всех он осажденных перебьет,
Коль те не выдадут ему рутьерский сброд⁸.
Не знаю, что еще сказать на этот счет:
Себя всяк более любил, чем весь свой род —
Будь брат то иль кузен.

[124]

- С утра был Муассак и сдан, и покорен⁹.
Рутьеров сотни три нашлось в пределах стен —
Забрав оружие и коней, их взяли в плен;
Казнили всех, порукой мне святой Мартен! —
- 5 Сто марок золотом отдал сей град взамен
Свободы жителей; весь край был утрашен.
Гильему де Контре дан Кабель-Саррасен,
Монтеш в награду получил граф Бодуэн,
А град Верден, что на Гаронне¹⁰, взял Перрен,

11. Этот рыцарь был в числе тех, кто, по выражению П. де Во де Серне, «с самого начала похода разделял с Симоном де Монфором тяготы войны» («qui subportaverant ab inicio cum comite pondus guerre», §424). У П. де Во де Серне он фигурирует под именем Петр (фр. Пьер), а не Перрен («Petrus de Sissi»). В своем издании этой хроники Гебен и Лион (*Petri Vallium Sarnaii Monachi. Hystoria Albigensis. Vol. II / Ed. P. Guébin, E. Lyon. P.: Champion, 1926—1939, 1951. P. 118*) идентифицируют это имя с местом под названием Сиссей (*Cissey*, в современном департаменте Эр в Верхней Нормандии, кантон де Сент-Андре) и утверждают, что данный персонаж родом из области Эвре-Бретей, которая принадлежала семье Симона де Монфора до того, как перешла в собственность короля Франции (*Rhein A. La seigneurie de Montfort. P. 62, 66*). См. тж. комментарий к лэссе 36.

12. Рожер-Бернард II (ок. 1195—1241) по прозвищу Великий, сын Раймона-Рожера де Фуа и Филиппы де Монкада, шестой граф Фуа, унаследовал отцу в 1223 г.; впоследствии женился на Эрмессинде, виконтессе де Кастельбон. Был дважды отлучен от Церкви; активно участвовал в сопротивлении французской короне.

13. Т.е. горные области графства Фуа (см. комментарий к лэссе 88).

14. Восставшие саверденцы осадили Памье, находящийся приблизительно в 15 км от их города и занятый крестоносцами (П. де Во де Серне, §354).

15. Отдельные элементы рассказа Гильема Тудельского об этом эпизоде повторяются у П. де Во де Серне (§354—355), однако в его изложении представлены более подробно.

Согласно данному хронисту, немецкие крестоносцы, прибывшие в Каркассон, под командованием Энгеррана де Бове отправились на помощь крестоносцам, воюющим на территории графства Фуа. Они освободили Памье, и Энгерран захватил Саверден, откуда граф де Фуа и граф Тулузский бежали при приближении врага. Симон де Монфор с армией подошел к Савердену, воссоединился с немцами, расквартированными в Памье, и вместе с ними совершил вылазку под стены Фуа, тогда как основная часть его армии, оставленная в Савердене, поднялась к Отриву; там Монфор воссоединился с ней и поставил в Отриве гарнизон.

16. То, что Гильем Тудельский суммирует в одной строке, явилось результатом Комменжской кампании (описанной у П. де Во де Серне, §356—358), которая имела место во второй половине сентября 1212 г.: сперва был захвачен Мюрет, затем — Сен-Годанс. Граф Комменжа, Бернард, поддерживал тулузцев.

17. П. де Во де Серне не упоминает о капитуляции остальной части Гаскони, равно как и Беарна. Сеньором Л'Иль-Журдена (окс. Ла Исла-эн-Джордан) был Бернард-Джордан, женатый на Инди, незаконнорожденной дочери графа Тулузского Раймона V (*Histoire de Languedoc. Vol. VI. P. 192*); он сдался Симону де Монфору 18 декабря 1217 г., в ходе тулузской осады (*Layettes du Trésor des chartes. Vol. I. P. 454*). «Гастон» — это Гастон VI (1173—1214), виконт Беарнский и граф Бигоррский (с 1196 г., благодаря браку с Петрониллой, наследницей Бигорра), который в августе 1212 г. предпринял безуспешную попытку прийти к соглашению с Симоном де Монфором; о его участии в осаде Кастельно-дари см. комментарий к лэссе 88.

- 10 Прозванием Сайсси¹¹; спустя ж немного ден
Пошли на Монтобан.

[125]

- Сын графа де Фуа¹², покинув Пог-Сердан¹³,
Привел сто рыцарей с собою в Монтобан.
Был город укреплен усердьем горожан —
Рвы глубоки весьма и крепок барбакан.
- 5 И рассуждают полководцы северян:
За летом вслед грядут метели и буран,
А страхом Монтобан отнюдь не обуян.
К тому ж аббат Памье, при ком был капеллан,
Твердил: окажется Памье в руках южан:
- 10 Изменит гарнизон и город будет сдан,
Коль помощь не придет от честных христиан.
Памье измором взять — вот саверденцев план¹⁴:
Уж год, как виноград не собирал виллан.
Засим собрался в путь весь крестоносный стан
- 15 И шел без отдыха — такой приказ был дан;
В Отриве к ним примкнул полк немцев, смел и рыан:
Шелками орифламм, как солнцем, осиян,
Из Каркассе шел он.

[126]

- Едва завидев столько вражеских знамен,
Все саверденцы, как один, бежали вон,
И с ними — граф Фуа: туда приехал он,
Чтоб защитил его надежный гарнизон.
- 5 Зачем мне длить рассказ, коль он и так длинен?¹⁵
Был весь гасконский край без боя покорен¹⁶ —
Мюрет и Сен-Годанс, и замок, и донжон,
Ла-Исла, Саматан, — а также Олорон;
Все области — и лен, каким владел Гастон¹⁷.

18. Крестоносцы продвинулись до Кузрана, горной области во владениях Рожера Комменжского (племянника графа де Фуа), оплота его графства. В военных кампаниях 1212 г. С. де Монфор преследовал цель добиться изоляции Раймона VI Тулузского, чьи владения сократились практически до Тулузы и Монтобана. В хронике П. де Во де Серне (§359—360) мы видим подтверждения тому, что к концу года цель была достигнута: «Граф Тулузский, через грехи свои утративший свое наследие, потерял все свои земли, кроме Тулузы и Монтобана» («Comes autem Tolose, qui, peccatis suis exigentibus, exheredatus, totam preter Tolosam et Montem Albanum perdiderat terram suam», §359).

19. Оригиналы двух хартий, датированных 1 декабря 1212 г. в графском дворце в Памье, посредством которых С. де Монфор утвердил кутюмы, сохранились до наших дней (см.: *Musée des Archives nationales*. P. 120. № 207; *Layettes du Trésor des chartes*. Vol. V. P. 71; опубликованы в: *Histoire de Languedoc*. Vol. VIII. Col. 625). Они скреплены вместе печатью Симона де Монфора и запечатаны десятью другими печатями. Сформулировала кутюмы комиссия из двенадцати участников, в которую вошли четыре представителя духовного сословия (два епископа — Фульк, епископ Тулузы, Наварр, епископ Кузрана; один тамплиер и один госпитальер), четыре «французских» рыцаря со стороны победителей и четверо «местных» (двое рыцарей и двое буржуа, жителей покоренной страны). Что характерно, Арнольд-Амальрик, которому следовало бы войти в число участников, и как папскому легату, и как архиепископу Нарбонны, на совещании отсутствовал — по всей видимости, по причине конфликта с Симоном де Монфором. Из числа священства и мирян, принимавших участие в собрании в Памье, в вышеупомянутых хартиях поименованы только прелаты: архиепископ Бордоский и епископы Тулузы, Каркассона, Ажена, Периге, Кузрана, Комменжа и Бигорра. Комиссией был утвержден новый правовой статус, определяющий отношения «местных» с Церковью и баронами Франции, а также отношения тех и других с их «сюзереном» Симоном де Монфором, с точки зрения феодального права. Также были составлены предписания, направленные на поддержание свобод Церкви, подавление ереси, утверждены единицы мер и весов, пошлины и т.д.

Также «писаное право» (сборники римского права, по которым жили южные области) было заменено «обычным правом», действующим в Париже и в Иль-де-Франсе в вопросах брака и наследования. Последняя мера, в частности, преследовала цель укрепить вассальные связи через утверждение права старшинства. В общем и целом новые правовые нормы ограничивали свободы местного населения и зачастую носили откровенно унизительный характер (так, например, в статье 46 знатым наследницам-южанкам запрещалось выходить замуж за представителей южной аристократии без особого разрешения на то графа). Подробнее см. предисловие.

20. 9 октября; см. комментарий к лэссе 36. Здесь поэт возвращается назад, к эпизодам войны, имевшим место осенью 1212 г., по возвращении крестоносцев из военной кампании в Гаскони. Об этих эпизодах П. де Во де Серне умалчивает, ограничившись лишь упоминанием о присутствии крестоносцев в Вердене на Гаронне (§359).

21. Сын Бернарда-Джордана, который составил завещание в сентябре 1200 г. Унаследовал от отца сеньорию Л'Иль-Журден; сам, в свою очередь, составил завещание 30 марта 1228 г., будучи тяжело болен. Он приходился зятем Раймону VI Тулузскому (женился на его сестре Индии, вдове Гильберта де Лотрека, 11 февраля 1207 г. (*Histoire de Languedoc*. Vol. VIII. Col. 461, 498, 751)); см. тж. комментарий к лэссе 126. Тем не менее он вступил в соглашение с крестоносцами; 2 июня 1215 г. он фигурирует в числе свидетелей вассальной присяги, принесенной С. де Монфору Гираутом, графом Арманьяка и Фезансака; последний же, в свою очередь, 18 декабря 1217 г. подтверждал преданность Бернарда-Джордана главе крестового похода (*Ibid.* Col. 686, 703). Однако после смерти С. де Монфора, посчитав себя свободным от обязательств перед таковым, он передал город Л'Иль-Журден своему племяннику, молодому графу Раймону VII Тулузскому, и отправился защищать Тулузу против наследника короля Франции в 1219 г. — ему, в частности, была поручена оборона барбакана Нового моста (см. лэссе 206 и 214 в: *La Chanson de la croisade albigeoise*. Tome III. / Éd., E. Martin-Chabot. P. 1973. P. 217, 317).

- 10 Монфора рать нигде не встретила препон,
Лишь у границ Фуа¹⁸. И рыцарь, и барон,
Кто отбыл карантен и Папой был прощен,
Вернулись по домам, где жили испокон.
Зимою было все спокойно; граф Симон
- 15 И брат его, эн Ги, блюли тот регион.
Устроил граф совет, куда был приглашен
Цвет знати: клир, немало значимых персон
И славных рыцарей сошлось со всех сторон,
Ведь граф их пригласил.

[127]

- В Памье великий сход Монфором созван был:
Знать, клир, епископы — светила из светил.
Совет кутюмы и статуты¹⁹ утвердил
Для областей, что граф оружием подчинил;
- 5 Писали хартии, не пожалев чернил.
А после всяк к себе вернуться поспешил.
Гильем Контре, исполнен мудрости и сил,
На день святителя Дени²⁰ в Мюрете был.
Простясь с Монфором, он пуститься в путь решил:
- 10 Перрена де Сайсси с собой он пригласил,
Бернард-Джордан²¹ до Ислы их сопровождал
И там остался: в этом городе он жил.
Обед и отдых там их силы подкрепил —
Затем в Верден отряд, не мешкая, отбыл.
- 15 В ту пору много бед рутьерский сброд²² творил:
На Кастель-Саррасен налет он совершил,
Стада и прочую добычу захватил.
Их было с тысячу верхом — лихих громил.
Едва тревожный слух округу возмутил,
- 20 Как де Контре Гильем отряд вооружил,
И с ним — мессир Моро, что там верхами бдил;

22. Имеются в виду рутьеры, воюющие на стороне тулузцев.

23. Рассказ о подвигах Гильема де Контре, послуживших материалом для вставного эпизода (сам автор свидетельствует чуть дальше, в лэссе 130, что «отвлёкся» от основного повествования), не подтверждается никакими другими источниками. По всей

видимости, этот малоизвестный рыцарь проявил по отношению к поэту особую щедрость, по примеру «людей куртуазных» («cortes prosom»), которых Гильем Тудельский восхваляет в начале «Песни» (лэсса 9). Вероятно, именно этим и объясняются данные пространные хвалебные пассажи.

- И эн Перрен Сайсси дух боевой явил.
Их было шестьдесят, не больше, но их пыл
Врагов в паническое бегство обратил.
- 25 Гильем рутьеров к Монтобану оттеснил,
И многих беглецов Тарн бурный поглотил.
Сгустилась ночь; отряд погоню прекратил —
Тем паче скакуны уж выбились из сил.
Немало пленников отряд освободил,
Добычу взяв притом²³.

[128]

- Засим случилось так, что де Контре Гильем
Вступил бестрепетно в неравный бой с врагом.
Рутьеров в пух и прах разбив в сраженье том,
Он возвратился с отвоеванным добром,
- 5 И пребывал отряд в веселии большом —
Он в Кагель-Саррасен направился верхом:
Уже за полночь храбрецы вернулись в дом,
А подкрепились лишь под утро, и потом
До третьей службы все проспали крепким сном.
- 10 Вдругорядь занялись рутьеры грабежом,
Чиня в Ажене беспорядок и разгром,
Награбив столько, что и шли они с трудом.
Гильем Контре был недоволен этим злом
И на бандитов устремился напрямиком.
- 15 Так яро бились там копьем или мечом,
Что кровью было все обагрено кругом.
Валялся на земле мечей и копий лом
И мертвых без числа — в крови, с отверстым ртом.
Им не осталось ни денье — и поделом!
- 20 Воители Креста там взяли верх: Гильем
Их из Бургундии и Франции притом
Привел большую рать.

24. Оболы графства Пуату; одна из разновидностей самых мелких монет, бывших в ходу.

25. Расстояние от долины, через которую протекает река, до Кагельсаррасена варьируется от 5 до 10 км от севера к востоку.

26. Перифраз, по всей видимости, подразумевающий клич «Святой Дени!», приведенный несколькими строчками ниже.

27. См. комментарий к лэссе 121.

28. Т.е. байль Кагельсаррасена, назначенный Гильемом де Контре.

[129]

- Гильем Контре, как я успел вам рассказать,
Рутьеров победил, отняв у них всю кладь,
И мулов, и коней в бою смог отобрать.
Под Кастель-Саррасен враг ринулся опять,
5 Однако ж и на две пуатевины²⁴ тать
Добра не уволок — могу в том слово дать:
Кидались в Тарн²⁵ враги спасения искать.
Коню Гильема нанесли ран шесть иль пять,
Упал Гильем с коня, но на ноги смог встать,
10 Взмахнул мечом он, сжав покрепче рукоять,
Парижским кличем²⁶ вдохновил французов рать.
Мессир Моро²⁷ коня погнал вперед, и глядь! —
За ним уж скачет вслед вся рыцарская знать —
Спеша соратника скорее выручать,
15 Ведь недруги могли Гильема в плен забрать.
«Святой Дени, спаси!» — все начали кричать.
Сколь многим экуюе пришлось там смерть принять;
В крови Гильемов байль²⁸, но не отступит вспять.
Отважный эн Гильем в седло воссел опять,
20 Врага атаковал, тесня за пядью пядь
До Тарна, а потом как начал хохотать —
Подвел, мол, мой рысак!

[130]

- Сеньоры, милостью дарил Господь, всеблаг,
Гильема де Контре: он доблестен был так,
Что с первых же минут им восхищался всяк.
Со всей Бургундии таких лихих вояк
5 Досель не шло в поход под крестоносный стяг;
В сравнение с ним любой богатый — что бедняк.
Но я к рассказу моему вернусь. Итак:

29. Имеется в виду Альенор Арагонская; см. комментарий к лэссе 15.

30. Т.е. вопреки крестоносцам. П. де Во де Серне рассказывает (§211) о том, какое негодование вызвал в среде крестоносцев брак между молодым Раймоном Тулузским и Санчей (Санчийей) Арагонской. Гильем Пюилоранский (гл. XVII) сообщает, что брак был заключен до начала осады Тулузы (3 апреля 1211 г.); П. де Во де Серне также свидетельствует, что свадьба имела место после начала боевых действий между Раймоном VI и крестоносной армией, т.е. приблизительно в середине марта. Э. Мартен-Шабо в комментарии к данной строчке пишет, что союз был заключен в Монпелье (конец января или начало февраля 1211 г.), однако решен был еще в октябре 1205 г. (*Histoire de Languedoc*. Vol. VI. P. 241).

31. Объединенная арагоно-каталонская армия, собранная Педро II Арагонским, по всей видимости, соответствовала этой цифре, что приводится также в хронике Родриго Толедского (кн. VI, гл. IV) (*De Rada R. J. Historia de rebus Hispanie sive Historia Gothica* / Ed. J. F. Valverde. Turnhout, 1987). В битве при Мюре, согласно хронике короля Иакова I (Хайме, по-каталански Жауме, или Жакме) (*Libre dels feyts esdevenguts en la vida de en Jacme lo Conqueridor* / Ed. Aguiló y Fuster. Barcelona, 1873. P. 16), под началом его отца Педро II находилось от 800 до 1000 рыцарей. При каждом рыцаре было по два экойе, или сержанта; что в среднем дает около 3000 бойцов в составе арагоно-каталонской армии.

32. Гильем Тудельский умалчивает о событиях, повлиявших на окончательное решение короля Арагонского вмешаться в военный конфликт. Подробности этих событий известны из хроники П. де Во де Серне (§367—416) и подкрепляются другими текстами. А

именно: 1) прибытие Педро Арагонского в Тулузу около 6 января 1213 г.; 7 февраля король еще находился в городе (см. хартию от этой даты: Archives de la Haute-Garonne, H. Malte, Toulouse, liasse 59); 2) ходатайства короля, сперва к папскому легату и к Симону де Монфору, затем к собравшемуся в Лаворе собору, с целью добиться договоренности, гарантирующей графам Тулузскому, Фуаскому и Комменжскому и виконту Беарнскому неприкосновенность их владений; 3) ответы королю со стороны как предводителей крестового похода, так и со стороны собора, не оставляющие места надежде на примирение или хотя бы на недолгое прекращение военных действий; 4) письменный вызов, отосланный Педро II Симону де Монфору, — по сути дела, объявление войны, когда 27 января король Арагонский принял вассальную клятву у графа Тулузского и его сына, у графов Фуаского и Комменжского и их сыновей и у Гастона Беарнского, а также у консулов и жителей Тулузы, что вверяли его заступничеству себя, свою собственность и свое дело; король назначил в Тулузу вигуэра, представителя своей власти, и по отбытии оставил в городе гарнизон каталонцев (PL. Vol. CCXVI Col. 845; Гильем Пюилоранский, гл. XX); 5) посольство, отосланное Педро II Арагонским к Папе Иннокентию III, ответ Папы, запрещающий какие бы то ни было враждебные действия по отношению к Симону де Монфору в пользу тулузцев (1 июня 1213 г.).

33. 4 июля 1213 г. граф Комменжский находился в Арагоне, при дворе короля Педро II (*Miret y Sans. Itinerario*. Vol. IV. P. 103); по всей видимости, он и убедил короля потопиться.

- Сир Пейре д'Арагон сестры устроил брак
С тулузским графом²⁹, а вторую, в дружбы знак,
10 Ему в невестки дал, сказав: «Да будет так!»³⁰
На помощь родичам — ведь он им не чужак! —
Король, взяв тысячу бойцов³¹, направил шаг.
Для крестоносцев он теперь — опасный враг³².
А мы, коль доживем, увидим, что да как,
15 Расскажем про исход сражений и атак,
Запишем все как есть, чтоб не попасть впросак,
Покуда сведений запас мой не иссяк,
Вплоть до конца войны.

[131]

- Однако же не скор еще конец войны:
Падут знамена в пыль, в крови обагрены,
Немало храбрых будут в битвах сражены,
Немало будут с плотью душ разлучены,
5 Немало вдов на нищету обречены.
Сир Пейре д'Арагон со всей своей страны
Призвал вассалов, что ему подчинены:
Без счету воинов, отважны и грозны.
Он рек: «В Тулузу мы идем, мы там нужны:
10 Мы крестоносцев рать остановить должны,
Встав на защиту угнетенной стороны.
Тулузский граф зовет: враги его сильны,
Угодья южные вконец разорены³³.
Граф чист пред всеми, нет ни в чем его вины.
15 Он — муж моей сестры; мы с ним породнены, —
И сын его мне зять; союзу мы верны.
И дам я окорот отродьям Сатаны,
Что все хотят отнять».

Оглавление

Исторический экскурс (С. Лихачева при содействии Н. Дульневой).....	7
Две Церкви, или Катаризм в Окситании (Н. Дульнева)	61
Об авторе и его хронике (С. Лихачева)	87
Песнь об Альбигойском крестовом походе	
I. Предыстория похода	117
II. Начало похода и взятие Безье	135
III. Осада и взятие Каркассона	155
IV. Крестоносцы в завоеванной стране	173
V. Взятие Минерва и осада Терма	193
VI. Взятие Терма и Лавора	209
VII. Подвиги графа Бодуэна	229
VIII. Первая осада Тулузы и выступление против графа де Фуа	245
IX. Наступление тулузцев	257
X. Мятеж в Альбигуа и Керси	277
XI. Контрнаступление Симона де Монфора	289
XII. Капитуляция Муассака и завоевания крестоносцев вплоть до вступления в войну Пейре Арагонского	305

Научное издание

Гильем Тудельский

ПЕСНЬ ОБ АЛЬБИГОЙСКОМ ПОХОДЕ

Ответственный за выпуск *И. А. Тихонюк*
Художественный редактор *А. Ю. Никулин*
Научный редактор *О. С. Воскобойников*
Корректоры *М. Г. Смирнова, Л. С. Барышникова*
Верстка *Н. А. Шакиров*

Формат 84×108/32. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Гарнитура «Minion». Усл. печ. л. 16,8. Тираж 3000

Издательство «Квадрига»
123001, Москва, ул. Большая Садовая, дом 2/46.
Тел.: (499) 766-74-57. E-mail: kvadriga.izdat@mail.ru

ISBN 978-5-91791-036-9

Проект осуществлен при участии
Типографии им. Скворцова-Степанова
ФГУП Издательство «Известия»
Управления делами Президента РФ

Отпечатано в ордена Трудового Красного Знамени типографии
им. Скворцова-Степанова
ФГУП Издательство «Известия» Управления делами Президента
Российской Федерации
Генеральный директор **Э. А. Галумов**
127994, ГСП-4, г. Москва, К-6, Пушкинская пл., д. 5
Контактные телефоны: 694-36-36, 694-30-20
e-mail: izd.izv@ru.net

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ЗАО «ИПК Парето-Принт», г. Тверь, www.pareto-print.ru

«Песнь...» – стихотворная историческая хроника, посвященная крестовому походу 1209 года против провансальских еретиков-альбигойцев. Издание содержит перевод первой части, написанной Гильемом Тудельским на провансальском (окситанском) языке параллельно событиям и доведено до середины 1213 года.

Развитие событий описано едва ли не по дням и часам. Особенно ценна хроника тем, что автор общался с непосредственными участниками похода, указывая информаторов.

Светлана Лихачева, подготовившая с коллегами стихотворный русский перевод, поставила перед собой цель точно воспроизвести размер и систему рифмовки оригинала со всеми ее особенностями, а также соблюсти эквилинеарность. Сделана попытка выдержать стиль автора и не приукрасить оригинал. Чтобы передать национальный и исторический колорит, переводчики в большинстве случаев отдают предпочтение окситанским вариантам имен и географических названий.

Издание снабжено обширным комментарием.

ISBN 978-5-91791-036-9

9 785917 910369